

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО 1 мая 1944 года № 70, гор. Москва	3
Тов. Сталин о вторжении союзных войск в Северную Францию	6
Три года Отечественной войны Советского Союза (военные и политические итоги)	6
О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX в.	10

СТАТЬИ

Морис Торез — Франция после капитуляции в Компьенском лесу	15
Мордвинов Р. — Волжская военная флотилия в обороне Сталинграда от немецко-фашистских войск	33
Боровой С., проф. — Одесса. (К 150-летию со дня основания)	41

ПАМЯТИ Ем. ЯРОСЛАВСКОГО

Кудрявцев И. — Ем. Ярославский — редактор «Историка-марксиста» и «Исторического журнала»	50
--	----

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Волин Б., проф. — Из истории появления работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»	57
Лебедев Н. — Академик В. Г. Васильевский и его работа по истории Византии	74

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и обзоры

Кафенгауз Б. — Тихомиров М. Исследование о Русской Правде	83
---	----

ХРОНИКА

Вайнштейн О., проф. Ленингр. ун-та — Сто двадцать пять лет Ленинградского университета. Леонтьев М., директор Госуд. публичной исторической библиотеки — Государственная публичная историческая библиотека. Романовский В. — Киевский архив древних актов. Валк С., проф. — Сектор вспомогательных исторических дисциплин Института истории АН СССР. Акритас П. — Работа кафедры истории СССР в Пятигорском государственном педагогическом институте. Введенский А., проф. — Два года работы исторического факультета Объединённого украинского университета в условиях эвакуации	87
---	----

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский.

Б. М. Волин,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Минц,
А. М. Панкратова,
С. И. Гопнер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Д 3-31-04. Д 3-36-50.

А 5194.

Изд. № 373.

Зак. № 1198.

Тираж 20.000.

Подписано к печати 23/VI 1944 г.

6 печ. л. 68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

1 мая 1944 года

№ 70.

гор. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки! Трудящиеся Советского Союза! Братья и сёстры, временно подпавшие под иго немецких угнетателей и насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской партии приветствую и поздравляю вас с днём 1 мая!

Народы нашей страны встречают день 1 мая в обстановке выдающихся успехов Красной Армии.

Со времени разгрома немецких дивизий под Сталинградом Красная Армия ведёт почти непрерывное наступление. За это время Красная Армия прошла с боями от Волги до Серета, от предгорий Кавказа до Карпат, истребляя вражескую нечисть и выметая её с советской земли.

В ходе зимней кампании 1943—44 г.г. Красная Армия выиграла историческую битву за Днепр и Правобережную Украину, сокрушила мощные оборонительные укрепления немцев под Ленинградом и в Крыму, умелыми и стремительными действиями преодолела немецкую оборону на водных рубежах — Южный Буг, Днестр, Прут, Серет. Почти вся Украина, Молдавия, Крым, Ленинградская и Калининская области, значительная часть Белоруссии очищены от немецких захватчиков. Родине возвращены металлургия Юга, руда Криворожья, Керчи и Никополя, плодородные земли между Днепром и Прутом. Из фашистского рабства вызволены десятки миллионов советских людей.

Выполняя великое дело освобождения родной земли от фашистских захватчиков, Красная Армия вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией и продолжает теперь громить вражеские войска на территории Румынии.

Успехи Красной Армии стали возможными благодаря правильной стратегии и тактике советского командования, благодаря высокому моральному духу и наступательному порыву наших бойцов и командиров, благодаря хорошему оснащению наших войск первоклассной советской военной техникой, благодаря возросшему искусству и выучке наших артиллеристов, миномётчиков, танкистов, лётчиков, связистов, сапёров, пехотинцев, кавалеристов, разведчиков.

Этим успехам в значительной мере содействовали наши великие союзники, Соединённые Штаты Америки и Великобритания, которые держат фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, снабжают нас весьма ценным стратегическим

сырьём и вооружением, подвергают систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывают, таким образом, военную мощь последней.

Но успехи Красной Армии могли бы оказаться непрочными и они были бы сведены на нет после первого же серьёзного контрудара со стороны противника, если бы Красную Армию не подпирала с тылу весь наш советский народ, вся наша страна. Красная Армия в боях за Родину проявила беспримерное героísmo. Но советский народ не остался в долгу перед Красной Армией. В трудных условиях войны советский народ добился решающих успехов в деле массового производства вооружения, огнеприпасов, обмундирования, продовольствия и своевременной доставки их на фронты Красной Армии. За истекший год серьёзно возросла мощь советской промышленности. В строй вступили сотни новых заводов, шахт, десятки электростанций, железнодорожных линий, мостов. Новые миллионы советских людей стали к станкам, овладели сложнейшими профессиями, сделали мастерами своего дела. С честью выдержали испытания войны наши колхозы и совхозы. Не покладая рук, советское крестьянство, в трудных условиях военного времени, работает на полях, снабжая продовольствием нашу армию и население, поставляя сырьё нашей промышленности. А наша интеллигенция обогатила советскую науку и технику, культуру и искусство новыми выдающимися достижениями и открытиями. Неоценимые заслуги в деле защиты Отечества имеют советские женщины, самоотверженно работающие в интересах фронта, мужественно переносящие все трудности военного времени, вдохновляющие на ратные подвиги воинов Красной Армии — освободителей нашей Родины.

Отечественная война показала, что советский народ способен творить чудеса и выходить победителем из самых тяжёлых испытаний. Рабочие, колхозники, советская интеллигенция, весь советский народ преисполнены решимости ускорить разгром врага, полностью восстановить разрушенное фашистами хозяйство, сделать нашу страну ещё более сильной и зажиточной.

Под ударами Красной Армии трещит и разваливается блок фашистских государств. Страх и смятение царят ныне среди румынских, венгерских, финских и болгарских «союзников» Гитлера. Теперь эти гитлеровские сподручные, страны которых оккупированы и оккупируются немцами, не могут не видеть, что Германия проиграла войну. У Румынии, Венгрии, Финляндии и Болгарии есть только одна возможность избежать катастрофы: разрыв с немцами и выход из войны. Однако трудно рассчитывать на то, что нынешние правительства этих стран способны порвать с немцами. Надо полагать, что народам этих стран придётся самим взять в свои руки дело своего освобождения от немецкого ига. И чем скорее народы этих стран поймут, в какой тупик завели их гитлеровцы, чем быстрее прекратят они всякую поддержку своих немецких поработителей и их сподручных — квислингов в своей собственной стране, тем меньше жертв и разрушений понесут эти страны от войны, тем больше они могут рассчитывать на понимание демократических стран.

В результате успешного наступления Красная Армия вышла на наши

государственные границы на протяжении более 400 километров, освободив от немецко-фашистского ига более $\frac{3}{4}$ оккупированной советской земли. Дело состоит теперь в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков ВСЮ нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза ПО ВСЕЙ ЛИНИИ, от Чёрного моря до Баренцова моря.

Но наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей Родины. Немецкие войска напоминают теперь раненого зверя, который вынужден уползать к границам своей берлоги — Германии для того, чтобы залечить раны. Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестаёт быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны выволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии.

Понятно, что эта задача представляет более трудное дело, чем изгнание немецких войск из пределов Советского Союза. Её можно решить лишь на основе совместных усилий Советского Союза, Великобритании и Соединённых Штатов Северной Америки, путём совместных ударов с Востока — силами наших войск и с Запада — силами войск наших союзников. Не может быть сомнения, что только такой комбинированный удар может полностью сокрушить гитлеровскую Германию.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы, партизаны и партизанки! Трудящиеся Советского Союза! Братья и сёстры, временно подпавшие под иго немецких угнетателей и насильственно угнанные на фашистскую каторгу в Германию! ПРИВЕТСТВУЮ И ПОЗДРАВЛЯЮ ВАС С ПРАЗДНИКОМ 1 МАЯ!

П Р И К А З Ы В А Ю:

В честь исторических побед Красной Армии на фронте и в ознаменование великих успехов рабочих, колхозников и интеллигенции Советского Союза в тылу, сегодня, в день всемирного праздника трудящихся в 20 часов произвести салют в Москве, Ленинграде, Гомеле, Киеве, Харькове, Ростове, Тбилиси, Симферополе, Одессе — двадцатью артиллерийскими залпами.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШЕ СОВЕТСКОЕ ОТЕЧЕСТВО!

★ ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША КРАСНАЯ АРМИЯ И ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ СОВЕТСКИЙ НАРОД!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДРУЖБА НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

ДА ЗДРАВСТВУЮТ СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ И ПАРТИЗАНКИ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ В БОЯХ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ!

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!

**Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН**

ТОВ. СТАЛИН О ВТОРЖЕНИИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В СЕВЕРНУЮ ФРАНЦИЮ

На вопрос корреспондента «Правды», как оценивает тов. Сталин высадку десанта союзников в Северной Франции, тов. Сталин ответил следующее:

Подводя итоги семидневных боёв освободительных войск союзников по вторжению в Северную Францию, можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и массовая высадка десантных войск союзников на севере Франции, — удалась полностью. Это — несомненно блестящий успех наших союзников.

Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения.

Как известно, «непобедимый» Наполеон в своё время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он проведёт форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск.

История отметит это дело, как достижение высшего порядка:

ТРИ ГОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(военные и политические итоги)

Сегодня исполнилось три года со дня злодейского нападения разбойничьих немецко-фашистских банд на Советский Союз. Три года советский народ мужественно ведёт Отечественную войну против наглых захватчиков. Народы нашей страны с первых дней войны единодушно поднялись на защиту своего Отечества. Красная Армия в тяжёлых кровопролитных боях на фронте в три тысячи километров сдерживала многомиллионную, оснащённую новейшей военной техникой, немецко-фашистскую армию, наносила ей огромный урон в людях и вооружении. Военная фашистская машина, огнём и мечом прошедшая по городам и сёлам десяти европейских стран, в боях против нашей армии дала осечку.

Уже в первый год войны Красная Армия учинила немцам побоище под Москвой, разгромив отборные ударные вражеские войска. За последние полтора года, со времени разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом враг уже не смог оправиться. Советские войска, развернув наступление по всему фронту, взломали мощные оборонительные системы немцев под Сталинградом, Орлом, Смоленском, Ленинградом, на реке Миус, на Днестре, под Перекопом, Севастополем, на Карельской перешейке, на реке Свирь, форсировали крупные водные преграды — Дон, Северный Донец, Десну, Волхов, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут, Серет, Нарву, Свирь и показали тем самым, что все валы и крепости, о которых так много болтали гитлеровцы, не могут устоять, если за разрушение и преодоление этих валов и крепостей всерьёз берутся испытанные и закалённые в боях войска.

Умелой стратегией Верховного Главнокомандования, продуманной и решительной тактикой советских генералов и офицеров, героизмом и воинским мастерством своих воинов, наконец, своей могучей военной техникой Красная Армия нанесла ряд серьёзных поражений объединённым отборным армиям немцев, итальянцев, румын, венгров, финнов. Навсегда войдут в историю великие победы наших войск под Москвой, Сталингра-

ТОВ. СТАЛИН О ВТОРЖЕНИИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В СЕВЕРНУЮ ФРАНЦИЮ

На вопрос корреспондента «Правды», как оценивает тов. Сталин высадку десанта союзников в Северной Франции, тов. Сталин ответил следующее:

Подводя итоги семидневных боёв освободительных войск союзников по вторжению в Северную Францию, можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и массовая высадка десантных войск союзников на севере Франции, — удалась полностью. Это — несомненно блестящий успех наших союзников.

Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения.

Как известно, «непобедимый» Наполеон в своё время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он проведёт форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск.

История отметит это дело, как достижение высшего порядка:

ТРИ ГОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(военные и политические итоги)

Сегодня исполнилось три года со дня злодейского нападения разбойничьих немецко-фашистских банд на Советский Союз. Три года советский народ мужественно ведёт Отечественную войну против наглых захватчиков. Народы нашей страны с первых дней войны единодушно поднялись на защиту своего Отечества. Красная Армия в тяжёлых кровопролитных боях на фронте в три тысячи километров сдерживала многомиллионную, оснащённую новейшей военной техникой, немецко-фашистскую армию, наносила ей огромный урон в людях и вооружении. Военная фашистская машина, огнём и мечом прошедшая по городам и сёлам десяти европейских стран, в боях против нашей армии дала осечку.

Уже в первый год войны Красная Армия учинила немцам побоище под Москвой, разгромив отборные ударные вражеские войска. За последние полтора года, со времени разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом враг уже не смог оправиться. Советские войска, развернув наступление по всему фронту, взломали мощные оборонительные системы немцев под Сталинградом, Орлом, Смоленском, Ленинградом, на реке Миус, на Днестре, под Перекопом, Севастополем, на Карельской перешейке, на реке Свирь, форсировали крупные водные преграды — Дон, Северный Донец, Десну, Волхов, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут, Серет, Нарву, Свирь и показали тем самым, что все валы и крепости, о которых так много болтали гитлеровцы, не могут устоять, если за разрушение и преодоление этих валов и крепостей всерьёз берутся испытанные и закалённые в боях войска.

Умелой стратегией Верховного Главнокомандования, продуманной и решительной тактикой советских генералов и офицеров, героизмом и воинским мастерством своих воинов, наконец, своей могучей военной техникой Красная Армия нанесла ряд серьёзных поражений объединённым отборным армиям немцев, итальянцев, румын, венгров, финнов. Навсегда войдут в историю великие победы наших войск под Москвой, Сталингра-

ТОВ. СТАЛИН О ВТОРЖЕНИИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК В СЕВЕРНУЮ ФРАНЦИЮ

На вопрос корреспондента «Правды», как оценивает тов. Сталин высадку десанта союзников в Северной Франции, тов. Сталин ответил следующее:

Подводя итоги семидневных боёв освободительных войск союзников по вторжению в Северную Францию, можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и массовая высадка десантных войск союзников на севере Франции, — удалась полностью. Это — несомненно блестящий успех наших союзников.

Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения.

Как известно, «непобедимый» Наполеон в своё время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш и захватить Британские острова. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он проведёт форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск.

История отметит это дело, как достижение высшего порядка:

ТРИ ГОДА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(военные и политические итоги)

Сегодня исполнилось три года со дня злодейского нападения разбойничьих немецко-фашистских банд на Советский Союз. Три года советский народ мужественно ведёт Отечественную войну против наглых захватчиков. Народы нашей страны с первых дней войны единодушно поднялись на защиту своего Отечества. Красная Армия в тяжёлых кровопролитных боях на фронте в три тысячи километров сдерживала многомиллионную, оснащённую новейшей военной техникой, немецко-фашистскую армию, наносила ей огромный урон в людях и вооружении. Военная фашистская машина, огнём и мечом прошедшая по городам и сёлам десяти европейских стран, в боях против нашей армии дала осечку.

Уже в первый год войны Красная Армия учинила немцам побоище под Москвой, разгромив отборные ударные вражеские войска. За последние полтора года, со времени разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом враг уже не смог оправиться. Советские войска, развернув наступление по всему фронту, взломали мощные оборонительные системы немцев под Сталинградом, Орлом, Смоленском, Ленинградом, на реке Миус, на Днестре, под Перекопом, Севастополем, на Карельской перешейке, на реке Свирь, форсировали крупные водные преграды — Дон, Северный Донец, Десну, Волхов, Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут, Серет, Нарву, Свирь и показали тем самым, что все валы и крепости, о которых так много болтали гитлеровцы, не могут устоять, если за разрушение и преодоление этих валов и крепостей всерьёз берутся испытанные и закалённые в боях войска.

Умелой стратегией Верховного Главнокомандования, продуманной и решительной тактикой советских генералов и офицеров, героизмом и воинским мастерством своих воинов, наконец, своей могучей военной техникой Красная Армия нанесла ряд серьёзных поражений объединённым отборным армиям немцев, итальянцев, румын, венгров, финнов. Навсегда войдут в историю великие победы наших войск под Москвой, Сталингра-

дом и на Кавказе, под Орлом и Смоленском, под Ленинградом и в Донбассе, на Днепре и в Крыму, в районах Правобережной Украины, Днестра и на Карельском перешейке.

За время наступательных боёв советские войска освободили около полутора миллионов квадратных километров оккупированной врагом территории, продвинулись на запад почти на 2.000 километров, вышли на большом протяжении фронта к нашим границам и вступили на территорию Румынии. Победы Красной Армии принесли освобождение от фашистской неволи миллионам советских людей. Наши войска лишили немцев источников промышленного сырья и продовольствия в оккупированных ими областях, а «жизненное пространство» на востоке, о котором мечтали гитлеровцы, стало могилой миллионов немецких солдат, гигантским кладбищем фашистской военной техники.

Огромную помощь в борьбе против немецко-фашистских захватчиков оказали Красной Армии доблестные советские партизаны. В течение трёх лет войны они громили тылы и штабы врага, разрушали его коммуникации и связь, беспощадно истребляли немецко-фашистских мерзавцев. Советские партизаны спасли много тысяч советских людей от истребления и угона их в фашистское рабство.

За три года войны немецко-фашистские войска в боях на советско-германском фронте потеряли более 7.800.000 солдат и офицеров убитыми и пленными, до 70.000 танков, 60.000 самолётов, более 90.000 орудий.

За это же время потери наших войск составили 5.300 тыс. человек убитыми, пленными и пропавшими без вести, 49.000 танков, 30.128 самолётов, 48.000 орудий.

Успехам Красной Армии в значительной мере содействовали наши союзники, Соединённые Штаты Америки и Великобритания, которые снабжали нас весьма ценным стратегическим сырьём и вооружением, подвергали систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывали, таким образом, военную мощь последней.

Так, Красная Армия, сорвав в первый период Отечественной войны гитлеровские планы молниеносной войны, опрокинула и похоронила в последующий период оборонительную стратегию врага, его расчёты на закрепление захваченных советских территорий. Немецко-фашистская армия оказалась битой и стоит теперь перед полным разгромом.

Таков военный итог истекших трёх лет Отечественной войны.

Развязывая войну против Советского Союза, гитлеровские империалисты предполагали, что первые же военные неудачи Красной Армии подорвут доверие народных масс нашей страны к своей власти, посеют рознь между народами СССР, расшатает союз рабочих, крестьян и интеллигенции, на котором основано советское государство. На деле же оказалось, что трудности военного времени лишь сплотили тружеников советского тыла, ещё крепче соединили их со своей народной советской властью. Дружба между народами Советского Союза в ходе Отечественной войны окрепла и закалилась, как сталь. Союз рабочих, крестьян и интеллигенции, основанный на жизненных интересах тружеников советского общества, ещё больше упрочился.

Немецкие изверги рассчитывали также на неспособность советской промышленности справиться с трудными задачами производства современного вооружения в массовых масштабах, на неспособность нашего транспорта справиться с военными перевозками, а сельского хозяйства — со снабжением армии и народа продовольствием и промышленным сырьём. Но эти планы немецких горе-завоевателей лопнули, как мыльный пузырь. В результате трёх лет войны оказалась истощённой не экономика Советского Союза, а экономика гитлеровской Германии. Поражения, понесённые немцами на советско-германском фронте, и удары союзной авиации подорвали военно-экономическую мощь Германии. В то же время про-

мышленность, транспорт и сельское хозяйство советской страны успешно выдержали испытания войны. Советский народ не щадит своих сил во имя защиты Родины и воодушевлён решимостью грудью отстоять созданное им советское государство от всех посягательств врага. Отечественная война вызвала небывалый патриотический подъём народов, неиссякаемую творческую энергию народных масс, направленную на поддержку Красной Армии. Ныне, на пороге четвёртого года войны, Советский Союз обладает могучим военным хозяйством, которое удовлетворяет потребности Красной Армии в вооружении, боеприпасах, продовольствии и снаряжении. Советские рабочие, колхозники, интеллигенция, поставив на службу фронта народное хозяйство Советского Союза, обеспечили Красную Армию всем необходимым для победы. Былое превосходство врага в количестве танков и авиации осталось позади, а экономические возможности Советского Союза растут изо дня в день.

Так, советский народ опрокинул все расчёты врага на непрочность советского строя. Советское государство, основанное на нерушимом братском содружестве народов, в ходе войны окрепло и упрочилось, а фашистское государство, основанное на угнетении народов, не выдержало испытаний войны и стоит перед неминуемой катастрофой.

Таков политический итог истекших трёх лет Отечественной войны:

Три года назад гитлеровцы считали себя повелителями Европы. Порабощая страны Западной Европы, Германия вовлекла в разбойничий союз Италию, Румынию, Финляндию, Венгрию, Болгарию. Насаждая и поддерживая свою агентуру в нейтральных государствах, она оказывала на них сильное давление и добилась серьёзных уступок с их стороны в свою пользу. Гитлеровская Германия угрожала жизни и безопасности всех народов мира. Свободолюбивые народы тогда лишь начинали объединяться в единый антигитлеровский лагерь. Фактически наша страна одна выдерживала натиск всех сил гитлеровской Германии и её сообщников.

Теперь положение в корне изменилось. Ныне не гитлеровская Германия наступает и одерживает успехи, как то было три года назад, а, наоборот, вооружённые силы союзных государств всюду бьют и теснят немецко-фашистских захватчиков. Союзные государства превосходят врага в количестве и качестве войск и вооружения. Единство союзных государств ныне прочно, как никогда. Союзные государства имеют согласованные планы полного разгрома вооружённых сил гитлеровской Германии. Блестяще осуществлённое вторжение британских и американских войск в Северную Францию, успешное наступление союзных войск в Италии означает, что отныне Германии придётся воевать на территории Европы как против Красной Армии, так и против войск наших союзников—Англии и США. Теперь, когда общие усилия Красной Армии и армий наших союзников направлены непосредственно на освобождение порабощённых немцами стран, когда войска объединённых наций железной рукой берут за горло гитлеровскую Германию и её вассалов в Европе, гитлеровская банда уже никакими мерами не может предотвратить своё неминуемое и полное поражение. Теперь всем ясно, что гитлеровцы, замышлявшие покорить весь мир, взялись за непосильную задачу. Положение гитлеровской клики напоминает судьбу той лягушки из басни Крылова, которая затеяла в дородстве с волом сравняться, начала пыхтеть и надуваться, но с натуги лопнула и околела.

Разбойничий фашистский блок разваливается. Фашистская Германия в результате тяжёлых военных поражений очутилась на краю гибели. Италия, бывшая союзница Германии, ныне ведёт борьбу против немецких империалистов. Преступная правящая клика Финляндии, отвергнув в угоду Гитлеру великодушные мирные предложения Советского Союза, фактически уже привела Финляндию к военной катастрофе. Другие вассалы Гитлера — Румыния, Венгрия, Болгария висят над пропастью. Сообщники

фашистской Германии в Европе имели достаточно времени и все необходимые условия, чтобы порвать с Германией и избавить свои страны от разорения и опустошительной войны. Однако сообщники гитлеровцев слишком прочно срослись с разбойничьей гитлеровской шайкой и не заботятся о судьбах своих народов. Финские, румынские, венгерские, болгарские холопы Гитлера предпочитают действовать в ущерб интересам народов своих стран и в угоду фашистской Германии. Гитлеровские холопы довели дело до того, что их страны оккупированы немецкими войсками. Стремясь оттянуть перенесение войны на территорию Германии, гитлеровцы превратили Финляндию, Венгрию, Румынию, Болгарию в предполье обороны Германии. Однако народы этих стран, правители которых продались гитлеровцам, имеют теперь возможность при поддержке вооружённых сил союзных государств изгнать немецких оккупантов и их приспешников из своих стран. Только таким путём народы подвассальных Гитлеру стран могут завоевать себе право на свободу.

Хозяиничанье гитлеровцев в Европе воочию показало, что фашисты являются душителями свободы и независимости народов. В то же время армии объединённых наций идут в Европу как избавители народов от гитлеровской тирании и вступают на земли угнетённых фашистами стран с целью восстановления свободы и независимости народов. Именно поэтому поработанные немцами народы оказывают теперь и будут впредь оказывать всё возрастающую поддержку вооружённым силам объединённых наций.

Так, в ходе войны полностью провалились все внешнеполитические расчёты и планы гитлеровских захватчиков-империалистов, гитлеровский разбойничий блок обанкротился, а союз свобододолюбивых народов вырос в несокрушимую силу и имеет теперь все возможности разрушить разбойничье гнездо фашистских агрессоров в Европе, покарать виновников страданий и бедствия народов, пресечь возможность повторения захватнических войн.

Таков внешнеполитический итог трёх лет войны.

Военные и политические итоги трёх лет войны со всей очевидностью говорят о том, что гитлеровская Германия уже проиграла войну и близится час её полного разгрома. Армии СССР, Великобритании и США со всех сторон штурмом пробивают себе путь к важнейшим жизненным центрам фашистской Германии, и не за горами время, когда будет возведено о торжестве этих усилий. Война теперь идёт к концу. Но оставшаяся часть пути к полной победе будет нелёгкой. Война вступила в самую ожесточённую, решающую и наиболее трудную фазу. Подбитый и затравленный фашистский зверь будет яростно огрызаться. Чем ближе фронт придвигается к жизненным центрам Германии, тем упорнее будет сопротивление гитлеровцев. Потребуется ещё несколько могучих ударов, чтобы окончательно сокрушить и повергнуть врага в прах.

Понятно, что выполнить эти задачи можно лишь совместными решительными действиями армий всех союзных стран, своевременным введением в активные бои против гитлеровской Германии и её вассалов основных вооружённых сил, которыми располагают объединённые нации.

Можно не сомневаться, что союзные государства, поставившие целью спасти мир от фашистских погромщиков, введут в действие все свои силы для достижения этой великой цели.

СОВИНФОРМБЮРО.

О НЕДОСТАТКАХ И ОШИБКАХ В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВВ.

В 1943 году Институт философии Академии наук СССР выпустил в свет третий том «Истории философии» (под редакцией гг. Г. Александрова, Б. Быховского, М. Митина, П. Юдина). Значительная часть тома посвящена изложению и оценке немецкой философии конца XVIII и начала XIX века.

В третьем томе «Истории философии» допущены серьезные ошибки в изложении и оценке немецкой философии.

Классики марксизма-ленинизма различают в философии Гегеля две стороны: диалектический метод и консервативную метафизическую систему. Если диалектический метод Гегеля содержал в себе «рациональное зерно» — учение о развитии — и был прогрессивной стороной философии Гегеля, то его идеалистическая догматическая система была консервативной, требовала прекращения развития и находилась в резком противоречии с диалектическим методом.

Между тем в главах III тома «Истории философии», посвященных философии Канта, Фихте и Гегеля (авторы глав — гг. Асмус, Быховский, Чернышёв), смазано противоречие между прогрессивной стороной философии Гегеля — его диалектическим методом — и консервативной стороной — его догматической системой.

В III томе не учтено, что Гегель пытался построить законченную философскую систему, которая должна была выражать собою абсолютную истину. Гегель по существу провозгласил конец истории, конец всякому развитию — человечество через гегелевскую философию будто бы приходит к познанию абсолютной идеи. Критикуя стремление Гегеля выдать свою философскую систему за абсолютную истину, Энгельс писал: «Но это значило провозгласить абсолютной истиной всё догматическое содержание системы Гегеля и тем стать в противоречие с его диалектическим методом, разлагающим всё догматическое. Это означало раздавить революционную сторону под тяжестью непомерно разросшейся консервативной стороны. И не только в области философского познания, но и по отношению к исторической практике. Человечество, в лице Гегеля возвысившееся до познания абсолютной идеи, должно было и в практической области оказаться ушедшим вперед так далеко, что для него уже становилось возможным проведение абсолютной идеи в действительность. Абсолютная идея не должна была предъявлять своим современникам слишком широкие политические требования. Вот почему мы в конце «Философии права» узнаём, что абсолютная идея должна осуществиться в той, ограниченной сословным представительством, монархии, которую Фридрих-Вильгельм III так упорно и так напрасно обещал своим подданным, т. е., стало быть, в ограниченном и умеренном, косвенном господстве имущих классов, приспособленном к тогдашним мелкобуржуазным отношениям Германии. И в заключение там доказывается умозрительным путём необходимость дворянства» (Маркс и Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 639).

Противоречие между методом и системой Гегеля проникает все его философские воззрения. Понятно, что в последующий период различного рода реакционеры в политике и философии цеплялись за консервативную сторону учения Гегеля, за его систему и выступали как ярые противники диалектического метода Гегеля. Революционные же мыслители использовали прогрессивную сторону философии Гегеля — его диалектический метод.

Маркс и Энгельс отбросили реакционную систему гегелевской философии. Вместе с тем они удержали то прогрессивное, что содержалось в диалектическом методе

Гегеля. При этом Маркс и Энгельс коренным образом переработали метод Гегеля, поставили его с головы на ноги, и, таким образом, идеалистическая диалектика Гегеля уступила место материалистической диалектике Маркса. «Мой диалектический метод,— писал Маркс в послесловии ко 2-му изданию I тома «Капитала»,— в основе своей не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть демиург [творец] действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней».

Стало быть, Маркс не мог просто взять диалектику Гегеля, так как диалектика у Гегеля была неразрывно связана с его идеалистической философской системой. В философии Гегеля идеализм и диалектика слиты в одно целое и конечной задачей диалектики являлось доказательство истинности объективного идеализма.

Отсюда ясно, что материалистическая диалектика Маркса по самой своей сути противоположна идеалистической диалектике Гегеля.

Как известно, Ленин указывал, что Гегель лишь угадал диалектику вещей в диалектике понятий,— «именно угадал не больше» (Ленин «Философские тетради», стр. 189) — и что диалектику Гегеля нужно было «выделить из навозной кучи абсолютного идеализма» (Ленин «Материализм и эмпириокритицизм». Соч. Т. XIII, стр. 199).

В работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин дал подлинно научную оценку диалектики Гегеля и с исчерпывающей ясностью определил отношение марксистской диалектики к диалектике Гегеля. Товарищ Сталин говорил: «Характеризуя свой диалектический метод, Маркс и Энгельс ссылаются обычно на Гегеля, как на философа, сформулировавшего основные черты диалектики. Это, однако, не означает, что диалектика Маркса и Энгельса тождественна диалектике Гегеля. На самом деле Маркс и Энгельс взяли из диалектики Гегеля лишь её «рациональное зерно», отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше, с тем, чтобы придать ей современный научный вид» (Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 535. 11-е изд.).

Между тем авторы III тома «Истории философии» отошли от марксистско-ленинской оценки значения гегелевской диалектики, не показали ограниченность диалектики Гегеля, не подчеркнули её противоположность материалистической диалектике, а в ряде случаев характеристика диалектики Гегеля почти не отличается от марксистской диалектики. Рассматривая философию Гегеля, авторы тома явно переоценивают заслуги Гегеля в обосновании исторического взгляда на развитие природы и общества, в разработке учения о роли практики в теории познания.

В III томе «Истории философии» диалектика Гегеля неправильно изображается как завершенная и всеобъемлющая. Так, например, на стр. 216 тома говорится: «Историческое значение Гегеля в истории философии основывается на том, что в его учении нашёл своё завершение и получил всеобъемлющую энциклопедическую разработку диалектический метод мышления».

Понятно, что ничего подобного нет в гегелевской философии. Гегель не завершил и не мог завершить разработку диалектического метода уже потому, что он был идеалист и консерватор в общественных взглядах; к тому же, как известно, для выполнения подобной задачи при жизни Гегеля не сложились ещё ни необходимые для этого общественные условия, ни условия научного развития, ввиду чего его диалектика не могла быть ни всеобъемлющей, ни завершенной.

Авторы III тома необоснованно приписывают Гегелю распространение диалектики на общественную жизнь. На стр. 218 авторы пишут: «Углубление диалектического метода, создание новой, диалектической, логик и было великой исторической заслугой Гегеля. Обоснование всеобщности диалектики, распространение диалектического метода не только на природу, но и на общественную жизнь, завоевание человеческой истории для диалектики — такова его другая историческая заслуга».

Известно, что Гегель не смог провести исторический взгляд на развитие природы. Тем более неосновательно приписывать Гегелю распространение диалектики на общественную жизнь. Применение диалектики к анализу общественной жизни неизбежно

привело бы Гегеля к революционным выводам в отношении современной ему немецкой действительности, чего он, как известно, не сделал. Диалектика требует рассматривать общественную жизнь в изменении, в развитии, а каждую уже достигнутую ступень общественного развития не как окончательный результат общественного прогресса, но как необходимый и исходный момент последующего развития общества. Между тем Гегель считал современный ему государственный строй Германии конечным результатом исторического развития, а прусскую монархию—воплощением абсолютного духа.

Неправильно также утверждение авторов тома, будто бы Гегель создал новую теорию исторического процесса. На стр. 221 тома говорится: «Всемирно-историческое значение гегелевской «Феноменологии духа» состоит в раскрытии нового, углублённого понятия истории, в утверждении новой концепции развития». На этой же странице выдвигается такое неправильное утверждение: «Гегель глубоко постиг здесь существо истории как закономерного, единого в своей противоречивости процесса, как подвижной, динамической взаимосвязи событий».

Авторы в данном случае приписали Гегелю заслугу, которая в действительности ему не принадлежит. По сравнению с Монтескье или Гердером Гегель сделал известный шаг вперёд в понимании истории. Однако взгляды Гегеля на историю оставались в пределах того идеалистического понимания исторического процесса, которое было свойственно всей предшествующей социологии. Взгляды Гегеля на историю нельзя ныне расценить иначе, как совершенно устаревшие. «В общем, философия истории,— пишет Ленин о Гегеле,— даёт очень и очень мало — это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперёд. Здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован» (Ленин «Философские тетради», стр. 251).

Авторы III тома не учли, что противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода отражает противоположность буржуазного и пролетарского мировоззрения. Известно, что диалектика Гегеля обращена исключительно к прошлому, она применяется к прошлой истории человеческого общества, к истории права, эстетики, религии и философии. К тому же и прошлое Гегель освещает с предвзятой, идеалистической точки зрения, с точки зрения саморазвития абсолютного духа. В противоположность этому классики марксизма-ленинизма создали и обосновали диалектико-материалистическое понимание общественной жизни, применили диалектику не только к прошлому, но и к застоющему и будущему развитию человеческого общества. Говоря о применении диалектического метода к общественной жизни, товарищ Сталин пишет: «Если мир находится в непрерывном движении и развитии, если отмирание старого и нарастание нового является законом развития, то ясно, что нет больше «незыблемых» общественных порядков, «вечных принципов» частной собственности и эксплуатации, «вечных идей» подчинения крестьян помещикам, рабочих капиталистам.

Значит, капиталистический строй можно заменить социалистическим строем, так же, как капиталистический строй заменил в своё время феодальный строй» («Вопросы ленинизма», стр. 540. 11-е изд.).

Одна из основных особенностей марксистского диалектического метода в применении к практической деятельности партии большевиков состоит в том, что в политике надо ориентироваться не на те слои общества, которые не развиваются больше, хотя и представляют в настоящий момент преобладающую силу, а на те слои, которые развиваются, имеют будущность, хотя и не представляют в настоящий момент преобладающей силы. «Значит,— говорит товарищ Сталин,— чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперёд, а не назад».

В III томе философия Канта, Фихте, Гегеля изображается преимущественно как прогрессивная, ввиду чего их консервативная философская система затушёвывается. Классики марксизма-ленинизма резко критиковали консервативные политические воззрения немецких философов и подчёркивали преобладание в их мировоззрении консервативной стороны. Энгельс, например, писал о Гегеле: «Сам Гегель, несмотря на редкие в его сочинениях взрывы революционного гнева, вообще склонялся преимущественно к консервативной стороне» (Энгельс «Людвиг Фейербах». Соч. Маркса и Энгельса. Т. XIV, стр. 641). Маркс и Энгельс писали о гегелевской философии права: «Приглядевшись немного ближе, мы открываем, что и здесь, как и во многих

Других случаях, немецкий идеализм лишь санкционирует законы существующего общества и набрасывает на них сверхчувственный покров» (Маркс и Энгельс «Смертная казнь». Соч. Т. IX, стр. 88). В III томе «Истории философии» не учтены эти указания Маркса и Энгельса, не подвергнуты критике такие реакционные социально-политические идеи немецкой философии, как восхваление прусского монархического государства, возвеличение немцев как «избранного» народа, пренебрежительное отношение к славянским народам, апологетика войны, оправдание колониальной, захватнической политики и т. д. Тем самым в томе замазывается тот факт, что идеологи немецкой империалистической буржуазии используют реакционные стороны философии Канта, Фихте и Гегеля.

Так, например, в III томе «Истории философии» совершенно обойдены молчанием следующие реакционные рассуждения Гегеля о войне из его «Философии права». Гегель пишет: «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей, как это я выразил в другом месте, сохраняется нравственное здоровье народов, его безразличие к застыванию конечных определённости; подобно тому как движение ветров не даёт озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира». Гегель пишет дальше, что «удачные войны не давали развиваться внутренним смутам и укрепляли государственную власть... В мирное время гражданская жизнь расширяется, все сферы располагаются на постоянное жительство, и, в конце концов, люди засасываются болотом, их частные особенности всё более и более упрочиваются и закаливаются... Из войны народы не только выходят укрепленными, но и нации, внутри которых существуют непримиримые антагонизмы, обретают внутреннее спокойствие благодаря внешним войнам. Война, правда, приносит с собою необеспеченность собственности, но эта реальная необеспеченность есть не что иное, как необходимое движение... Войны возникают там, где они вызываются природой вещей; посевы снова дают всходы, и пустая болтовня умолкает перед серьёзными повторениями истории» («Философия права», стр. 344—345).

Из приведённой цитаты со всей очевидностью явствует, что Гегель самым определённым образом высказывается за необходимость войн. Он выступает в данном случае как проповедник, апологет войны.

В III томе обойдены молчанием реакционные рассуждения Гегеля, возвеличивающие германский народ как народ избранный, призванный будто бы господствовать над другими народами. Говоря о поступательном шествии развивающегося самосознания мирового духа, Гегель делает общий вывод, что во всемирной истории для данной эпохи один народ становится господствующим народом, который и может составить эпоху: «Пред лицом этого его абсолютного права быть носителем ступени развития мирового духа, в настоящее время духи других народов неправы, и они, равно как и те, чья эпоха минула, не идут больше в счёт во всемирной истории» (там же, стр. 356). Авторы приводят это рассуждение Гегеля, но не поясняют, что всё это потребовалось Гегелю для обоснования «избранности» и особой роли германского народа в истории.

Гегель в своих сочинениях проводил точку зрения немецкого национализма и чисто прусский принцип господства германского народа над другими народами.

Авторы III тома обходят молчанием и тезис Гегеля о необходимости систематической колонизации других народов. Гегель писал в «Философии права», что «гражданское общество видит себя вынужденным основывать колонии. Уже один рост народонаселения сам по себе влияет на него в этом направлении, но, в особенности, имеет значение то обстоятельство, что часть населения не может удовлетворять свои потребности трудом, если производство превышает нужду потребления» (стр. 257).

Не раскритикованы в томе и реакционные рассуждения Гегеля о славянских народах. Гегель в его «Философии истории» писал: «...в Восточной Европе мы находим огромную славянскую нацию, обитавшую на западе вдоль Эльбы до Дуная... Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире» (стр. 330).

Авторы III тома не показали реакционный смысл высказываний Гегеля, возвеличивающих прусское государство. В «Философии права» Гегель проводит мысль,

что государство является земнобожественным существом. Гегель пишет, что «существование государства, это — шествие бога в мире; его основанием служит сила разума, осуществляющего себя как волю. При мысли о государстве нужно иметь в виду не особенные государства, особенные учреждения, а скорее идею самоё по себе, этого действительного бога» (стр. 268—269).

Высшим типом государства Гегель считает конституционную монархию. Он пишет: «Развитие государства в конституционную монархию есть дело нового мира, в котором субстанциальная идея приобрела бесконечную форму» (стр. 296). И дальше: «При рассмотрении организации государства, т. е. здесь при рассмотрении конституционной монархии, не нужно принимать в соображение ничего другого, кроме необходимости идеи внутри себя; все другие точки зрения должны исчезнуть. Государство должно рассматриваться как великое архитектурное здание, как иероглиф разума, который воплощает себя в действительности» (стр. 306).

Настойчиво защищая реакционный тип государства, Гегель подчёркивает божественный суверенитет монарха и бесправие народа. В «Философии права» Гегель пишет, что народ это не что иное, как «бесформенная масса», действия которой «стихийны, неразумны, дики и ужасны» (стр. 328).

В III томе неправильно излагаются политические воззрения Фихте. На стр. 165 говорится: «Национализм Фихте есть прежде всего форма его демократизма, т. е. форма, в которую облекалось убеждение Фихте в праве народа на свободное определение основных начал своей политической жизни». Между тем Фихте писал в одной из речей к немецкой нации: «Только у немца, как человека самобытного, не застывшего в определённых формах, поистине, есть свой народ; у иностранца нет его. Поэтому только у немца может быть любовь к своему народу, любовь к родине в истинном смысле этого слова». Или ещё: «Если немец не спасёт современную культуру человечества, то вряд ли её спасёт другая европейская нация». Из сказанного видно, что Фихте не был демократом, а был прусским националистом.

Таким образом, в главах III тома «Истории философии», посвящённых философии Канта, Фихте и Гегеля, даётся ошибочное изложение истории немецкой философии, преувеличивающее её значение, смазывающее противоречие между системой и методом философии Гегеля, вносящее путаницу в головы читателей. В томе не подвергнуты критике реакционные социально-политические взгляды немецких философов конца XVIII и начала XIX века.

В 1943 году за три тома «Истории философии» была присуждена Сталинская премия. Комитет по Сталинским премиям вновь рассмотрел этот вопрос и решил, что Сталинская премия, присуждённая за вышедшие три тома «Истории философии», не распространяется на третий том этого издания.

Понятно, что III том «Истории философии» должен быть коренным образом переработан.

В новом, переработанном издании III тома «Истории философии» необходимо дать правильное, марксистско-ленинское изложение роли и сущности немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв.

(«Большевик» № 7—8, 1944 г.)

СТАТЬИ

ФРАНЦИЯ ПОСЛЕ КАПИТУЛЯЦИИ В КОМПЬЕНСКОМ ЛЕСУ

Морис Торез

22 июня 1940 г. в Ретонд, близ Компьена,—в том самом месте, где 22 года назад маршал Фош продиктовал уполномоченным Германии условия Франции-победительницы,—представители маршала Петэна подписали позорную капитуляцию, которая выдала связанную по рукам и ногам Францию её смертельному врагу—Гитлеру. Менее чем в шесть недель французские армии были разбиты. Народ впал в оцепенение. Это было всеобщее крушение: крушение французской армии—первой армии в Западной Европе, насчитывавшей 10 мая 1940 г. более 5 млн. человек; крушение государственной власти—парламент и правительство, охваченные смятением, стали игрушкой «пятой колонны»; крушение всех партий, за исключением французской коммунистической партии, которая и в этих труднейших условиях не переставала ни на минуту разоблачать заговор против Франции; крушение материальное и моральное, экономическое и политическое. А затем наступил хаос: 10 млн. человек — четвертая часть населения Франции — бродили по дорогам; производство, торговля прекратились; транспорт был парализован; почтово-телеграфная связь прервана.

Пользуясь этим крушением и хаосом, которые они сами вызвали, капитулянты торопились договориться с Гитлером, дабы извлечь выгоду из поражения и нашествия, а также предохранить себя от пробуждения и гнева народа. Ибо из груди народа уже вырывался крик «Предательство!», подобно тому как это было после капитуляции у Седана и сдачи Парижа в 1871 году. Даже беглый взгляд на прошлое покажет, что обвинение, предъявленное народом правящим кругам, было вполне обосновано.

I

Что приход Гитлера к власти в 1933 г. представлял страшную угрозу для Франции, было очевидно для всех. Германский фашизм означал прежде всего разжигание стремлений к реваншу и рост империалистических тенденций в Германии. В своей книге «Моя борьба» бандит Гитлер провозгласил, что одной из целей Германии должна быть изоляция и уничтожение Франции. Гитлер писал: «Придёт вторая война. Необходимо сначала так изолиро-

вать Францию, чтобы эта вторая война не являлась больше борьбой Германии против всего мира... Германия должна видеть в уничтожении Франции (Vernichtung Frankreichs) лишь средство дать, наконец, нашему народу возможность максимальной экспансии на чужой территории».

Итак, французы были должным образом предупреждены о нависшей над ними опасности. Одни приняли угрозу всерьёз, другие начисто отрицали её и намеренно закрывали глаза. Но народ, особенно рабочий класс, ясно осознал угрожающую Франции опасность. В правящих же кругах, среди «200 семейств», определявших экономику и политику Франции, и среди их агентов у власти сначала отрицали гитлеровскую опасность, а затем стали открыто делать ставку на победу Гитлера и поражение Франции.

Разнузданный нацистский террор в Германии, прежде всего против деятелей и организаций рабочего класса, вызвал естественный рефлекс самозащиты у трудящихся Франции. Они поняли, что приход к власти гитлеризма оказался возможным главным образом в результате раскола рабочего класса, раскола, вызванного и поддерживаемого социал-демократией. Французская коммунистическая партия сумела вовлечь и рабочих-социалистов в борьбу против фашистских банд, осуществивших 6 февраля 1934 г. первую попытку путча. 27 июля 1934 г. социалистическая партия под нажимом масс вынуждена была ответить согласием на требование масс о едином фронте и подписать пакт о единстве действий. Вскоре, опять-таки по инициативе коммунистической партии, был создан антифашистский Народный фронт. В него вошли коммунистическая, социалистическая и радикальная партии, Всеобщая конфедерация труда, воссоединившаяся после 15 лет раскола, Лига прав человека, Ассоциация бывших фронтовиков-республиканцев, организация Народной помощи. Антифашистский Народный фронт пользовался преобладающим влиянием в городах—среди рабочих, служащих, мелких чиновников, мелких торговцев. Его влияние было велико и в деревне—среди крестьян и деревенских ремесленников, особенно в департаментах Южной и Центральной Франции, известных своими левыми традициями.

Парламентские выборы 1936 г. дали партиям Народного фронта большинство. Нет никакого сомнения в том, что, если бы неуклонно проводилась в жизнь программа Народного фронта, это весьма затруднило бы агрессию, которую Гитлер замыслил давно против Франции. Осуществление программы Народного фронта сорвало бы саботаж крупных предпринимателей в области народного хозяйства и производства военных материалов, элементы «пятой колонны» были бы поражены и уничтожены в зародыше и лишены возможности осуществлять разложение и разрушение материальных и моральных сил страны. Нужно ли говорить, что в области внешней политики программа Народного фронта не предусматривала ни «невмешательства», ни позорной капитуляции в Мюнхене — этого чёрного заговора против демократии и мира и прежде всего против Франции!

Видя растущую опасность, французская коммунистическая партия пошла ещё дальше в своей политике объединения французской нации. Незирая на насмешки запоздалых антиклерикалов она проводила политику протянутой руки трудящимся-католикам. Она обращалась к мелкому люду из средних классов, к крестьянам, обманом втянутым в фашистские лиги. Она провозгласила создание французского фронта (декларация от 6 августа 1936 года).

В свете этих попыток народа, рабочего класса, коммунистической партии предотвратить гитлеровскую опасность и обеспечить спасение Франции особенно ясна деятельность «экономических конгрегаций», таких группировок, как *Comité des Forges* и других трестов. Разумеется, заправила из *Comité des Forges* не могли равнодушно взирать на усиление позиций своих немецких конкурентов, которое являлось смыслом самого существования и целью гитлеризма. Но магнаты из *Comité des Forges* надеялись добиться соглашения, обеспечивающего их интересы. Гитлер казался им надёжной защитой их привилегированной касты против законных стремлений трудящихся масс. Финансовые тузы, крупные промышленники, богатые аграрии отнюдь не думали, что Гитлер представляет опасность, по крайней мере для их эгоистических интересов. Они в большей степени, чем Гитлера, боялись французского народа, особенно после его мощного отпора попытке фашистского путча 6 февраля 1934 года. Газета «Ордр» 4 октября 1938 г., на следующий день после Мюнхена, писала: «В нашей демократии некоторые финансовые и промышленные феодалы, руководствуясь классовыми интересами и погоней за наживой, вели пораженческую игру».

Большинство предпринимателей никогда не могло примириться с новым социальным законодательством, которого рабочий класс добился путём борьбы с коллективными договорами, с обеспеченным минимумом заработной платы, с 40-часовой рабочей неделей, с отпусками с сохранением заработной платы, с институтом заводских делегатов, избранных рабочими. Эти крупные

предприниматели сознательно дезорганизовали экономическую жизнь страны, дабы сорвать осуществление социальных законов. Они буквально применили совет, преподанный в июне 1936 г. фашистским делегатом в Международном бюро труда делегату французских предпринимателей Ламбер-Рибо: «Единственное средство обуздать рабочий класс заключается в закрытии заводов, в приостановлении экономической жизни». Богачи вывозили свои капиталы за границу; промышленники замедляли ход своих предприятий, провоцировали конфликты, забастовки, объявляли многочисленные локауты, особенно на военных заводах. Всё это делалось для того, чтобы иметь возможность «обвинить» французских трудящихся в лености, чтобы утверждать, что всё зло происходит от 40-часовой рабочей недели. Рабочие профсоюзы собрали в этот период материалы, неопровержимо уличающие предпринимателей. В брошюре, опубликованной в августе 1938 г., содержатся следующие заявления рабочих крупных авиационных заводов: «Имеются новые, современные станки, работающие не более двух — трёх часов в день... При сборке всегда не хватает каких-либо деталей», «После того как с 1935 по июнь 1937 г. были построены 45 самолётов, производство приостановилось почти на год», «Только что приостановлено производство двух типов самолётов, из которых один стал конструироваться в 1935 году. Строительство этого самолёта прекращено год тому назад из-за отсутствия моторов, которые заводы «Гном и Рон» поставляют за границу... На нашем заводе не хватает дюралюминия. Это вопиющий скандал, если учесть, что бокситы, которых так много только во Франции, ежедневно экспортируются в Германию». Франция, как известно, была колыбелью авиации. Производство автомобилей нередко превышало 300 тыс. машин в год. В результате саботажа предпринимателей французская армия к моменту войны оказалась без необходимого количества самолётов, танков и других видов боевой техники, и это в стране, которая обычно экспортировала чугун и сталь (в среднем 4 млн. т полуфабрикатов или готовой продукции ежегодно) и обладала высокоразвитым машиностроением.

Саботаж предпринимателей-пораженцев дополнялся непредусмотрительностью и беспечностью генерального штаба, проникнутого духом ограниченности и косности. Незирая на многочисленные предупреждения французский генеральный штаб не верил в войну моторов. Он придерживался устарелых концепций позиционной войны, наподобие войны 1914—1918 годов. Незадолго до нынешней войны маршал Петэн написал предисловие к книге преподавателя военной школы генерала Шовенко, которая полностью отрицала эффективность танков и самолётов. В соответствии с этой доктриной маршал Петэн, будучи военным министром, заказал всего-навсего 7 танков за весь 1934 год, в то время как Гитлер уже приступил к лихорадочному перевооружению Германии.

Генерал Вейган, бывший в течение долгого времени главнокомандующим и после провала Гамелена вновь поставленный во главе армии, также не верил в то, что «оснащение механизированным современным оружием может произвести революцию в военной стратегии и тактике». А между тем за период с 1919 по 1939 г. страна израсходовала 400 млрд. фр. на оборону, из коих 200 млрд. были поглощены укреплениями линии Мажино, попавшей, как известно, в целости и сохранности в руки немцев в июне 1940 года.

Предвоенные годы характеризуются дезорганизаторской и антинациональной деятельностью фашистских группировок, особенно кагуляров, которые вербовали своих членов частью из числа мастеров крупных заводов, частью же из числа реакционных кадров армии. Кагуляры получали оружие от Гитлера и Муссолини. Они совершили множество убийств и провокаций, как например в Париже, на улице Пресбург, где они взорвали здание одного предпринимателя с целью взвалить это преступление на передовых рабочих. Кагуляры были связаны с бандами наемников Дорио, явного агента Гитлера.

Тогда же шпионом Абецом был основан комитет «Франция — Германия». Небезынтересен состав этого комитета: председатель — Скапини, на которого в настоящее время возложена задача обманывать военнопленных; генеральный секретарь — де Бринон, представитель правительства Виши... в Париже и председатель так называемого трёхцветного легиона; члены: Пьетри, посол Петэна при Франко; Анри Эй, представлявший правительство Виши в США; Бержери, в настоящее время посол правительства Виши в Анкаре; Абель Бонар, член Французской академии, министр в правительстве Лавалья; Жан Гой, председатель национального союза фронтовиков и вплоть до своей недавней смерти ярый сторонник сотрудничества с немцами; Жюль Ромен, писатель, матёрый мюнхенец, потерпевший неудачу в Америке как автор нескольких резко антисоветских книг. Эти немногие имена показывают, как Гитлер пытался проникнуть во все круги и влиять на различные социальные слои Франции, на средние классы, интеллигенцию, бывших фронтовиков и т. д.

В рабочем классе такие люди, как генеральный секретарь социалистической партии Поль Фор и секретарь Всеобщей конфедерации труда Белен, осуществляли своё гнусное дело раскола в пользу Гитлера. Они стремились взорвать Народный фронт изнутри, содействовали разложению национальных сил, проповедуя плаксивый и реакционный пацифизм, направленный к тому, чтобы идеологически и материально обезоружить рабочий класс и всех честных французов перед лицом врага, вооружённого до зубов и поджидавшего благоприятного момента, чтобы броситься на Францию как на лёгкую добычу. На одном съезде учителей нашёлся социалист, осмелившийся провозгласить лозунг «Лучше рабство, чем смерть!»

Эти «пацифисты» с величайшим усердием поддерживали политику так называемого невмешательства. Они сговорились с «пушечными торговцами», превратившимися в пораженцев, с фашистами явными (типа Ла Рок) или замаскированными (типа Деа), чтобы как можно скорее задушить республиканскую Испанию, этот последний на Западе оплот против гитлеровской волны крови и грязи, которая впоследствии захлестнула Европу.

К тому же, едва Гитлер пришёл к власти, тогдашнее французское правительство стало заигрывать с ним в целях заключения пресловутого пакта четырёх, который, правда, родился лишь в Мюнхене и немедленно потерпел крушение. В январе 1935 г. Пьер Лаваль подписал римское соглашение и выдал Абиссинию Муссолини. Затем начался открытый саботаж применения экономических и финансовых санкций к фашистской Италии, набросившейся на Абиссинию. Но зато акции Суэцкого канала сделали «замечательный» скачок вверх в связи с интенсивными перевозками итальянских войск и военных материалов. В августе 1936 г., в начале проведения политики «невмешательства», посланник Гитлера доктор Шахт с большой помпой был принят французским правительством. Уверяли, что речь идёт о финансовых вопросах. Но прежде чем уехать обратно в Берлин, доктор Шахт заявил, «что он хотел указать на опасность коммунистической пропаганды». Наконец, был заключён мюнхенский договор, Чехословакия была подло покинута. Системе союзов, которая должна была обеспечить безопасность Франции, был нанесён последний удар. 6 декабря 1938 г. фон Риббентроп явился в Париж для подписания декларации о мнимой франко-германской дружбе. Это было торжество мюнхенской политики, так называемой политики «развязывания рук Германии на Востоке», иначе говоря, политики поощрения гитлеровской агрессии против Советского Союза.

Нелегко в кратких словах рассказать, как французские правящие круги саботировали выполнение франко-советского пакта о дружбе и взаимопомощи, представлявшего собой самую верную гарантию мира и безопасности Франции. Чем больше возрастала опасность гитлеровской агрессии против Франции, тем больше изменники-правители поощряли антисоветские кампании и тем больше они оставляли Францию без друзей и союзников. Более того: когда вспыхнула война, французские правители больше всего думали о военных действиях не против гитлеровской Германии, а против Советского Союза. Они жадно ухватились за случай, который предоставляла им провокация белофиннов, чтобы подготовить отправку экспедиционного корпуса в Финляндию.

12 мая 1940 г. тогдашний председатель совета министров Даладьё заявил в палате депутатов: «С 28 февраля экспедиционный корпус в 50 тыс. человек собран в двух портах, готовый к отправке в Финляндию». Кроме того в Сирии была сосредоточена армия в 150 тыс. чел. в целях возможных

военных действий против Кавказа. Велись даже переговоры с Турцией, чтобы получить от неё авиационные базы для бомбардировки Баку и Батуми.

Началась «странная война»¹, которую правящие круги вели не против Германии, с которой Франция находилась официально в состоянии войны, а против народа Франции, против рабочего класса, его организаций, его избранников, его деятелей. Коммунистическая партия была запрещена под единственным предлогом её верности политике франко-советской дружбы, огромное значение которой уже тогда понимал, но позже особенно осознал весь французский народ. Подчёркиваем, что этот предлог был указан как единственный — умышленно. А за несколько недель до того, 1 июля 1939 г., министр иностранных дел мюнхенец Жорж Бонне обещал германскому послу графу Бельчику, что «выборы будут приостановлены, открытые собрания запрещены, коммунисты обузданы»². 20 марта 1940 г. министр внутренних дел опубликовал свою «оперативную сводку» в следующих выражениях: «Избирательные мандаты коммунизма больше не существуют. 300 коммунистических муниципальных советов распущены. Всего лишены мандатов 2778 коммунистических избранников (муниципальных и генеральных советников). Закрыты обе ежедневные газеты — «Юманите» с тиражом в 500 тыс. экземпляров и «Се суар» с тиражом в 250 тыс. экземпляров, — а также 159 других газет. 620 профсоюзов распущены. Произведено 11 тыс. обысков. Распущено 675 политических группировок коммунистического направления. Кроме того деятели компартии подверглись преследованиям: на 7 марта арестовано 3400 человек. Многие другие заключены в концентрационные лагеря. Предпринято 8 тыс. карательных мер против государственных чиновников-коммунистов».

Впрочем, этот «итог» оказался недостаточным. Министр социалист Сероль издал декрет о смертной казни для французских, подозреваемых в коммунистической пропаганде. Несколько дней спустя Гитлер начал своё наступление на Францию. «Пятая колонна» хорошо поработала. Ослабленная, расколота, подточенная изнутри, Франция упал к ногам захватчика.

II

События, происшедшие во Франции после капитуляции в Компьенском лесу, разделяются на три ясно очерченных периода. Первый период простирается с 22 июня 1940 г. по 22 июня 1941 г. — день нападения Гитлера на Советский Союз; второй период — с 22 июня 1941 г. по ноябрь 1942 г. — решающий месяц, отмеченный наступлением Красной Армии у Сталинграда, англо-американским десантом в Северной Африке и потоплением флота в Тулоне; третий

период начался в ноябре 1942 г. и ещё не завершён.

Первый период характеризуется попыткой Германии, находившейся в то время в зените своих лёгких побед, включить порабождённую Францию в «новую Европу». Это был первоначальный период «сотрудничества» с оккупантами. Это был также первоначальный период собирания национальных сил, враждебных захватчикам и сотрудничающим с Виши, период возникновения национального сопротивления.

Франко-германское перемирие, вошедшее в силу 25 июня 1940 г., одновременно с франко-итальянским перемирием, содержало следующие пункты: оккупация Германией двух третей французской территории, в частности всего северозападного побережья и западной части Франции, от бельгийской до испанской границы (ст. 2); демобилизация и разоружение французской армии, морского и воздушного флотов, «за исключением воинских частей, необходимых для поддержания порядка» (ст. 4); сдача в исправном состоянии Германии или подчиненные контролю Германии и Италии всей артиллерии, танков, военных самолётов, стрелкового оружия, тяги и боеприпасов, находившихся на неоккупированной территории (ст. 5 и 6); разоружение французского военного флота и подчинение его контролю Германии и Италии (ст. 8); возмещение расходов по содержанию германской оккупационной армии, первоначально в сумме 400 млн., а затем 550 млн. фр. в день (ст. 18); французские военнопленные (более полутора миллионов) остаются в руках немцев до заключения мира (ст. 20).

Перемирие раздробило и расчленило Францию. Демаркационная линия между обеими зонами — оккупированной и неоккупированной — являлась непреодолимым барьером для какого бы то ни было экономического и политического восстановления. Кроме того внутри самой оккупированной зоны были возведены новые границы; немцы учредили запретную зону; департаменты Нор и Па-де-Кале были административно прикреплены к Бельгии; немцы полностью аннектировали Эльзас и Лотарингию. Они задумали создание нового бургундско-фламандского государства, которое должно было простираться от Северного моря и устья Соммы до Лиона; разумеется, это государство должно было находиться под германским протекторатом.

Франция стала для гитлеровцев базой в войне против Англии. Одновременно начался систематический грабёж богатств Франции. Немцы грабили и вывозили в Германию всё: хлеб и вино, скот и лошадей, продовольствие и сырьё, готовую продукцию и промышленное оборудование, автомобили, вагоны и паровозы. Вскоре начался голод, который унёс в могилу, не считая взрослых, один миллион французских детей.

Между тем гнусная банда, выдавшая Францию Гитлеру, торопилась утвердить узурпированную ею власть. Пользуясь смятением, растерянностью и усталостью, охва-

¹ Так называлось длительное отсутствие боевых действий в первый период войны с Германией.

² «Жёлтая книга», стр. 149.

тившими народные массы, извлекая выгоду из трусости бесхребетной палаты депутатов, реакция быстро росла. После оккупации Бордо банда Петэна — Лавалья укрылась в Виши. Там, в казино, между рулеткой и игрой в *trente et quarante*, банкомёт Лаваль сорвал банк и задушил республику. Большинством в 569 голосов против 80 (причём ни одному из голосовавших против не дали высказаться) «парламент» согласился на собственную ликвидацию. Впрочем, он сам давно приговорил себя к смерти, допуская практику издания чрезвычайных законов, постепенно отказываясь от законодательной власти и права контроля, а главное, произвольно лишив коммунистических депутатов мандата.

Третья республика бесславно погибла. Один маршал-капитулянт присутствовал при её рождении, другой маршал-капитулянт командовал похоронами. «От Мак-Магона до Петэна», — гласила эпитафия. Тогда же появилась первая серия декретов, в которых смешное соревнуется с гнусным: «Мы, Филипп Петэн, глава французского государства...» милостью Гитлера! Народ Франции увидел, как из-за спины Петэна поднялись худшие враги Франции.

Со свойственным им лицемерием и рабским копированием демагогии немецких нацистов вишийцы подняли флаг мнимой «национальной революции». В проповедях Петэна, в речах Лавалья, в статьях Деа можно было часто встретить уже знакомые по практике Гитлера в Германии формулировки такого рода: организация и контроль экономики на антикапиталистической основе; борьба против трестов, возвращение к земле, ликвидация классово-борьбы, надклассовое государство, моральное и духовное обновление. Таковы, говорили они, «основы» национальной революции».

Но посмотрим, какова действительность. Антикапитализм вишийцев, подобно антикапитализму гитлеровцев, оказался обманной демагогической фразой — не больше. Ясно, что нет и не может быть социализма там, где остаётся капиталистический способ производства, цель которого — производство капиталистической прибыли и который неизбежно связан с эксплуатацией человека человеком. Петэн — верный страж и защитник капиталистической прибыли. В одном из своих выступлений в Сент-Этьене 1 марта 1941 г. Петэн заявил окружающим его промышленникам: «Я вовсе не жду от вас отказа от справедливого вознаграждения ваших усилий».

Что касается трестов, то финансовая олигархия стала в них после капитуляции безраздельно господствовать под контролем гитлеровцев. С самого начала вишийцы создали вместо «распушенных» на словах предпринимательских объединений экономические организационные комитеты, в которых встретились снова все крупные капиталисты или их поверенные в делах. Эти комитеты были с самого начала объединены под властью Леиде, тогдашнего «генерального делегата по экономическому восстановлению Франции», который был членом административных советов девяти крупных компаний, объ-

единивших в общем капитал в 1159 млн. франков. Кагуляр Пюше вскоре сменил Леиде в качестве министра промышленного производства. Пюше был представителем административного совета заводов Жапи и секретарём Общества по сбыту продуктов чёрной металлургии. Он же стал первым председателем организационного комитета машиностроительной промышленности после капитуляции. Председателем комитета металлургии стал Леферк, директор Европейского финансово-промышленного объединения, обладавшего капиталом в 70 млн. фр.; председателем этой компании является Шнейдер, группа которого контролирует капитал, превышающий миллиард франков. Во главе комитета угольной промышленности стал Бюше — директор угольных копей в Лансе (капитал в 225 млн. фр.), и член административного совета многих других угледобывающих компаний, находящихся под контролем Пейеримгофа — бывшего председателя комитета угольной промышленности. Во главе комитета химической промышленности был поставлен Панвен — член административного совета банка «Французский коммерческий кредит» (капитал в 200 млн. фр.), он же представитель группы Кюльмана. То же самое имело место во всех остальных организационных комитетах, так что сам Петэн вынужден был сделать в своём выступлении 12 августа 1941 г. следующее признание: «Монополии пытаются утвердить свою мощь, используя институт экономических организационных комитетов», — при этом добавив: «Комитеты имели целью облечь ответственных людей властью, необходимой для того, чтобы вести переговоры с Германией», иначе говоря, чтобы организовать «сотрудничество» и полностью подчинить французскую экономику требованиям Германии».

Созданные многочисленные франко-германские компании охватили старые предприятия и обеспечили немцам большинство акций, а в некоторых случаях — 35% капитала. Но тут заправил из *Comité de Forges* ожидало первое большое разочарование: вся группа лотарингских заводов была полностью передана концерну Германа Геринга. Даже группа Венделя не избежала ликвидации. Предприятия автомобильной промышленности были объединены в картель, который должен был производить всё по указаниям немцев, определявших количество автомашин, модели, качество материалов и т. д. Большинство крупных авиационных предприятий было подобным же образом слито в «Национальную компанию самолётостроения», в которой выполнялись заказы германской армии. Остальные заводы, как например завод Бреге в Виллакубле, были присвоены германской компанией «Юнкерс».

Вначале Петэн много говорил о возвращении к земле. Это было, с одной стороны, отражением страха реакции перед рабочим классом и иллюзией, будто можно остановить неумолимый ход истории; с другой стороны, это была уступка притязаниям германского империализма, стремившегося установить свою гегемонию в Европе на

основе промышленной монополии, по мере того как прочие страны, в том числе и Франция, будут низведены до уровня аграрных. Однако самый большой недостаток французская земля испытывала не в рабочих руках, а в машинах, удобрениях, отборных семенах, кредитах, хороших дорогах, электричестве и т. д. Фактически Франция производила до войны больше хлеба, чем ей нужно было для собственного потребления (от 75 млн. до 90 млн. ц), и занимала издавна первое место по виноделию (от 60 млн. до 75 млн. гкл). Но французских крестьян больше чем кого бы то ни было угнетали тресты. Собиралось ли правительство Виши изменить это положение? Нет, оно ещё усугубило его. Первым министром земледелия стал Казио, член Земельного банка и Общества земледельцев Франции, председатель коего маркиз де Вогюэ является одновременно крупным помещиком, членом административного совета компании Кюльман (поставка удобрений) и крупных железнодорожных компаний (перевозка сельскохозяйственных продуктов). Первым министром продовольственного снабжения стал Ашар — руководитель молочного треста, который скупал по низким ценам молоко на фермах и затем перепродавал его по чрезвычайно высоким ценам горожанам. Дела эти носили настолько скандальный характер, что Петэну пришлось избавиться от Ашара. После Казио министром земледелия стал банкир Ладюри, финансировавший до войны аграрную партию, руководителем которой был виконт д'Алюэн, известный под именем Доржереса.

Положение крестьян, подверженных в обеих зонах лихорадке трестов и реквизициям гитлеровцев, ухудшилось. Немцы реквизировали урожай, фураж, скот, лошадей. Всевозможные объединения, основанные правительством Виши, забирали остальное по смехотворно низким ценам. 800 тыс. крестьян всё ещё оставались в плену в Германии. Процесс деградации и разорения французского сельского хозяйства ускорился. Урожай снизился: в 1938 г. — 74 млн. ц хлеба, в 1941 г. — 64 млн. ц, в 1942 г. — 54 млн. ц. В 1942 г. было произведено 35 млн. гкл вина, т. е. половина обычной продукции. Урожай сахарной свёклы снизился на 35%. Крестьяне совершенно не имеют промышленных товаров; у них даже нет гвоздей, чтобы подковать оставшихся лошадей, нет шпата для жатвенных машин.

Люди из Виши демагогически метали гром и молнию против государственных чиновников, чтобы завоевать симпатии крестьян, но они же создали целый рой инспекторов в деревне и даже учредили «национальное бюро скотного двора», которое определяет условия продажи и перевозки яиц, домашней птицы и кроликов! Крестьянин, не сдавший требуемого количества яиц, молока или масла, облагается крупным штрафом. Прибавим к этому, что немецкие оккупанты в широких масштабах экспроприируют крестьян в Лотарингии и в Шампани. Гитлеровцы разместили немецких поселенцев на месте французов, изгнанных из своих домов и с земли, которую обрабатывали их отцы.

Остальные земельные участки были объединены в крупные поместья и переданы немецкой компании «Остланд», которая стала обрабатывать более 2 млн. гектаров.

Таковы благодеяния «национальной революции» для крестьян.

Петэн провозгласил в июне 1940 г. «уничтожение классовой борьбы». Но всё его правление, правление «200 семейств», явилось непрерывной классовой борьбой привилегированных паразитов против широких масс французского народа. Конечно, Петэн и его банда хотели бы, чтобы эта борьба была односторонней. Они ликвидировали последние остатки индивидуальных, муниципальных и профсоюзных свобод, установили режим шпионажа и доносов. Самые реакционные элементы армии и флота, демобилизованные в результате перемирия, были пристроены во всех звеньях административного и полицейского аппарата. Против трудящихся, против патриотов, против народа стали применять всё более жестокие репрессии. Одновременно правительство Виши выработало пресловутую «хартию труда», согласно которой, опять-таки по нацистскому образцу, предприниматели, инженерно-технический персонал и рабочие должны принадлежать к единой организации, имеющей задачей «осуществление гармонии и взаимное приспособление всех социальных и экономических мероприятий». При этом была предусмотрена сложнейшая система «социальных» комитетов, объединяющих рабочих на предприятиях, которые должны функционировать наряду с предпринимательскими организационными комитетами в ожидании слияния с ними. Таким образом, были бы созданы «корпорации, которые остаются великой надеждой будущего Франции» (Петэн, 12 августа 1941 г.). Вот уже скоро четыре года, как предатели Виши болтают о «хартии труда», издадут декрет за декретом, отменяют сегодня то, что решили вчера. Только одно было ясно во всей этой вознесённой Всеобщей конфедерации труда и попытка «приручить» профсоюзы. Все члены профсоюзов, принадлежащие ко Всеобщей конфедерации труда или к Христианской конфедерации труда, все рабочие, независимо от своих политических взглядов или верований, объединились против петэновской хартии рабства.

«Национальная революция» изображалась как своего рода «моральное и духовное обновление» французского народа. В действительности это «обновление» представляет собой возврат к далёкому прошлому. Разумеется, французская крупная буржуазия уже давно отвергла вольтерьянство, которое она исповедывала в героические времена борьбы против феодализма. Но никогда ещё во Франции теория «необходимости религии для народа» не провозглашалась так открыто, как во времена режима Виши. Церковь вновь стала государственным учреждением. Декрет от 15 февраля 1941 г. вернул церкви часть богатств, которые республика со времени великой буржуазной революции XVIII в. сделала достоянием нации. Петэн и его министры присутствуют с

большой помпой на религиозных обрядах. Поль Рейно (последний перед капитуляцией премьер) первый показал пример, отметив своим присутствием религиозную процессию в момент, когда немцы приближались к Парижу. Массам внушается, что поражение является справедливым божьим наказанием за грехи Франции. Католическая газета «Републик дю Сюд-Эст» писала, что «поражение Франции благотворно, ибо оно даёт возможность маршалу возродить душу Франции». Если основная масса французов-католиков сохранила верность Франции, то большинство высшего духовенства было с первых дней весьма активной опорой Петэна и его политики подчинения Германии. Покойный кардинал Бодриар был ярким гитлеровцем. Другой кардинал воскликнул однажды: «Петэн есть Франция, и Франция есть Петэн!» Был поднят вопрос о восстановлении религиозного обучения в школах, но сопротивление народа оказалось таким сильным, что правительство Виши вынуждено было отступить. Всё же школьные программы подверглись пересмотру. История Франции была пересмотрена в узко реакционном и антифранцузском духе. Из учебников было выхолощено всё, что прославляло Великую французскую революцию, её принципы, её подвиги, её благотворные результаты. Правительство Виши дошло до такой низости, что распорядилось замалчивать или в лучшем случае лишь слегка упоминать о победах, одержанных на протяжении веков французским народом над немцами, — Бувин, Вальми. Началась охота на светских учителей и патриотов. Мракобесие чёрной тучей нависло над страной. Правительство Виши издало ряд расовых, антисемитских законов в стране, которая первая в истории человечества осуществила равноправие евреев. Высшие государственные чиновники, высшие офицеры, «благонмеренные» люди впервые обнаружили, что у них были предки-евреи. Прежде они никогда об этом не думали. Парижан, являющихся потомками четырёх и пяти поколений парижан, заставили носить жёлтую звезду.

Случалось уже не раз, что у капитулянтов вырывались знаменательные признания по поводу их «национальной революции». На следующий день после капитуляции в Компьенском лесу министр иностранных дел Поль Бодуэн, председатель Индо-Китайского банка, заявил, что положение Франции в 1940 г. во многих отношениях сходно с её положением в 1815 году. Это в общем верно, хотя бедствия оккупации Франции после поражения Наполеона бледнеют в сравнении с ужасами современного нам положения Франции. В 1940 г. потерпевшая поражение Франция была оккупирована, расчленена, унижена и подчинена реакционной диктатуре правительства, установленного чужеземцами. В 1815 г. победа контрреволюции и возвращение Бурбонов вошли в историю под названием Реставрации.

26 января 1941 г. газета «Тан» писала: «Национальная революция» является, по существу, делом реставрации». А монархист

Мора писал в «Аксион франсэз» 1 января 1941 г.: «Если боятся назвать реакцией то, что является очевидным фактом, почему не употребить выражения «реставрация»? Разве это — не подходящее слово?» Та же газета откровенничала несколько позднее: «Действовать против революции — такова задача нового режима. Древо революции должно быть срублено со всеми его плодами» (17 апреля 1941 года).

Таким образом, под обманчивой видимостью «национальной революции» воцарилась самая чёрная реакция. Она означала «сотрудничество» с Германией, предоставление в распоряжение Гитлера всех ресурсов Франции.

25 октября 1940 г. в оккупированной зоне, в Монтгаре, встретились Гитлер и Петэн. Свидание их с целью провозглашения «сотрудничества» было подготовлено Лавалем. Чтобы обмануть народ, ему внушали, что условия перемирия могут быть пересмотрены в пользу Франции: немцы якобы эвакуируют часть оккупированной территории, демаркационная линия будет отодвинута дальше на север, военнопленные будут освобождены, бремя возмещения расходов оккупационной армии в 400 млн. фр. будет облегчено и т. д. В обмен на эти иллюзорные обещания от французского народа потребовали работы для Германии, помощи своему палачу Гитлеру. Разумеется, крупные магнаты промышленности радостно приветствовали официальное объявление сотрудничества: они предвидели возможность крупных прибылей. Кроме того они рассуждали следующим образом: «В то время как воюющие стороны будут взаимно истощать друг друга, мы сохраним в целостности наш промышленный аппарат, мы будем иметь в своём распоряжении многочисленную и наконец-то обузданную рабочую силу, ибо Гитлер и Петэн избавят нас от коммунистов и прочих передовых элементов». Заправила из Comité des Forges уже видели себя после войны в самом выгодном положении на мировом рынке. Все эти расчёты, как мы увидим ниже, провалились, однако их авторы причинили Франции огромный вред.

В других слоях населения «сотрудничество» имело меньше успеха. Оно явилось с самого начала угрозой для рабочих, крестьян, ремесленников. Но и часть финансистов и промышленников, а именно особенно тесно связанные с эксплуатацией колоний, внешней торговлей, судостроением и морским транспортом, учитывала, что Англия отнюдь не капитулировала через три недели после Франции, как это предсказывал Лаваль, а также и то, что Америка ещё не сказала своего последнего слова. В этих кругах боялись зайти слишком далеко в сотрудничестве с немцами, стремились застраховаться на будущее и не сжигать мостов, связывающих их с англо-американцами.

Немедленно после встречи в Монтгаре произошли некоторые события, вызвавшие взрыв национальных чувств. Это был прежде всего расстрел молодёжи на Елисейских полях в Париже 11 ноября 1940 г., в день

годовщины победоносного перемирия 1918 года. Студенты организовали шествие к могиле Неизвестного солдата у Триумфальной арки. Молодёжь пела «Марсельезу» и кричала «Да здравствует Франция!» Немцы попытались разогнать шествие. Они открыли огонь, убили 12 и ранили около 50 молодых французов. В течение нескольких дней весь Париж был охвачен волнением.

Несколько дней спустя Франция узнала несмотря на цензуру Виши, что немцы изгнали крестьян из Эльзаса и Лотарингии. Несчастных принудили в двухчасовой срок покинуть свои дома, разрешив им взять с собой лишь свои личные вещи и максимум 5 тыс. фр. на семью. Они должны были оставить свой скот, сельскохозяйственный инвентарь, урожай — все плоды своего труда. Так Франция узнала, что Петэн и Лаваль отдали Лотарингию и Эльзас Гитлеру. Только коммунистическая партия выступила с мощным протестом, который был нелегально распространён во всей стране.

Расстрел в Париже и захват Эльзаса и Лотарингии Гитлером нанесли «сотрудничеству» удар, от которого оно уже не оправилось.

13 декабря 1940 г., ловко маневрируя, Петэн заставил Лаваль уйти в отставку. Лаваль сменил Дарлан, включивший в своё правительство Фландена и Пейрутона, а затем Пюше. Эти реакционеры и капитулянты открыли эру атантизма¹, т. е. политики выжидания, представляющей собою попытку сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы, или, иначе говоря, сидеть между двух стульев. Они стремились главным образом поддержать иллюзию мнимого суверенитета правительства Виши. Они хотели внушить народу, что проявляют некоторую независимость по отношению к немецким оккупантам и даже оказывают им сопротивление. В действительности же Дарлан и его банда повиновались всем требованиям Гитлера. Петэн сам сказал, что немцы держали его на привязи и тянули за верёвку всякий раз, когда это казалось им необходимым.

Против немецких оккупантов и предателей Виши постепенно организовалось мощное движение национального сопротивления, вошедшее в историю под названием «сопротивление». Оно началось в Париже и в рабочих центрах, где население было проникнуто глубоко антифашистским духом и где французская коммунистическая партия имела большое влияние. Трудящиеся и все истинные патриоты не забыли усилий коммунистической партии, направленных к предотвращению катастрофы. Центральный орган партии «Юманите» выходил непрерывно, невзирая на запрет и репрессии. Газета вышла нелегально, как обычно, даже в день вступления немцев в Париже, 14 июня 1940 г., и продолжала регулярно выходить и в последующие дни, разъясняя уроки событий, разоблачая предателей, призывая всех французов к единству во имя возвращения стране её независимости и величия.

Немедленно после государственного пе-

реворота Виши в июле 1940 г. Центральный комитет французской компартии выпустил за подписью своих секретарей воззвание к народу Франции, в котором было сказано: «Франция познала поражение, оккупацию, унижение. Франция ещё вся в крови, но она хочет жить свободно и независимо. Никогда столь великий народ, как наш, не будет на роде рабов. Франция не превратится в колониальную страну. Франция с её столь славным прошлым не падёт на колени перед бандой лакеев, готовых на всякое грязное дело. Но не побитым генералам, не аферистам и прожжённым политикам возродить Францию — они способны лишь предавать и продавать её. Великая надежда национального и социального освобождения коренится в народе. Вокруг пламенного, великодушного, исполненного веры и мужества рабочего класса может быть создан фронт свободы, независимости и возрождения Франции».

Одновременно в Лондоне раздался призыв генерала де Голля к сопротивлению. Он разоблачил перемирие как преступление против родины. Уже с июля в Париже и его предместьях начались патриотические демонстрации. В Монте и других городах безработные направились к мэриям. В 1940 г. была суровая зима: не было угля, не было пищи. Женщины вышли на улицу и требовали хлеба и молока для своих малышей. В металлопромышленности вспыхнули забастовки. Рабочие начали саботировать производство военных материалов для немцев. В декабре 1940 г. пришлось сдать на слом несколько сот мотоциклов с завода Рено. Моторы, произведённые на заводе «Гном и Рон», «испускали дух» после нескольких часов работы. В мае 1941 г. 100 тыс. горняков департамента Па-де-Кале бастовали в течение трёх недель несмотря на жесточайшие репрессии. Горняки требовали хлеба и одновременно разоблачали предательство шахтовладельцев, которые саботировали добычу угля в годы Народного фронта и «странной войны», а теперь эксплуатировали самые богатые залежи.

Для мелких предпринимателей, ремесленников, торговцев и особенно крестьян трудности стали возрастать. Газета «Ган» от 20 марта 1941 г. меланхолично констатировала: «Нам не хватает всего: сырья, удобрений, химических продуктов, горючего, лошадей, сменных частей для станков, слесарных станков и рабочих рук». Реквизиции вызвали озлобление у крестьян. Социальная база Петэна начала сужаться.

Полиция Виши и гестапо стали «сотрудничать» в преследовании коммунистов и всех патриотов. Арестованные в Париже в июле 1940 г. Грандель, Тэмбо, Пульмарк и многие выборные лица и деятели коммунистической партии оказались в числе заложников Шатобриана. В октябре вспыхнула новая волна репрессий. Депутат Парижа Мишель — одна из жертв Шатобриана — был арестован наряду с сотнями других патриотов. 20 апреля 1941 г. в Ла Рошель немцы расстреляли на месте рабочего-строителя, отказавшегося работать для них и ответившего ударом

¹ От французского attendre — ожидать.

кулака на удар хлыста гитлеровского офицера.

За пределами Франции генерал де Голль создал Совет обороны империи и первые отряды новой национальной армии. Французская Экваториальная Африка, французская часть Индии, Новая Каледония, острова Сен-Пьер и Микелон примкнули к Совету обороны. Остальные французские колонии оставались под влиянием Виши, то есть Гитлера. Впоследствии, в результате военных действий союзников, Сирия, Ливан, Мадагаскар и Джибути перешли под контроль Французского комитета национального освобождения в Лондоне. В это же время Япония оккупировала Индо-Китай.

В стране начали завязываться связи между коммунистами и деголлерцами. Борьась за общее дело — за освобождение Франции, — патриоты всех политических направлений стремились к единству. В мае 1941 г. в целях ускорения объединения национальных сил французская коммунистическая партия вновь обратилась с воззванием к народу, заявляя, что она «готова поддержать любое французское правительство, любую организацию, любое лицо, политика и усилия коих будут направлены на путь подлинной борьбы против национального угнетения и против предателей».

III

22 июня 1941 г. Гитлер совершил коварное нападение на Советский Союз. В положении Франции открылась новая фаза развития. Этот второй период характеризуется усилением немецкого гнёта над народом Франции и особенно развитием национального сопротивления, стимулированного героической борьбой советского народа и его славной Красной Армии.

Гитлеровская агрессия против СССР вызвала ликование среди предателей Франции. Деа писал: «Решение фюрера придало войне её подлинный смысл». Вишійцы ждали скорой победы Гитлера. Промышленники, сотрудничавшие с немцами, возымели новые надежды: они надеялись получить свою долю добычи и прикидывали, какие выгоды может им принести сотрудничество с гитлеровцами в эксплуатации территорий, которые будут огнаты у советского народа. Узурпаторы из Виши пошли по стопам Гитлера и прервали без малейшего повода дипломатические сношения с Советским Союзом. Предатели во главе с Дорио попытались создать так называемый антибольшевистский легион. Им удалось собрать лишь несколько тысяч субъектов с «подмоченной» репутацией — «воров, жуликов, рецидивистов», как призывался еженедельник «Иллюстрацион». Презрение и ненависть народа к этим наёмным убийцам, состоящим на службе у врага, проявились немедленно: 27 августа 1941 г. Лаваль и Деа, принимавшие парад первого отряда этого сброда, были ранены одним молодым патриотом.

В широких массах народа 22 июня 1941 г. вызвало единодушную мысль: «Война только начинается». Народ инстинктивно понял, что Гитлер сыграл ва-банк. Он понял, что создавалось уже новое соотношение сил, ко-

торое может и должно принести победу антигитлеровскому лагерю. До того момента сомнение, скептицизм грызли сердца многих и многих французов. Даже те, кто был враждебно настроен против оккупантов и предателей, сомневались в возможности освобождения и возрождения Франции, в возможности победы над гитлеровской Германией. Будущее казалось им мрачным. Начиная с 22 июня патриоты стали думать: «Мы не одни, а с таким союзником, как советский народ, мы можем освободиться, мы можем победить». В лагерях военнопленных французские солдаты обнимали друг друга со словами: «Красная Армия освободит нас». В тот же день, 22 июня, вечером, первый комиссар иностранных дел Французского комитета национального освобождения Морис Дежан заявил по лондонскому радио: «Французы! Все, кто участвует в борьбе против Германии, содействуют освобождению Франции! Этим самым они являются друзьями французского народа. Русский народ — наш друг».

Борьба против оккупантов приняла более активный, более систематический характер. В первую же неделю в Парижском районе колетело под откос несколько эшелонов. В Тулузе вспыхнул крупный склад бензина, предназначенного для немцев. В Венгле (департамент Па-де-Кале) был взорван завод. Саботаж усилился. Рабочие начали портить станки, взрывать цеха, фабрики. Забастовали железнодорожники Руана, Сотвиля, Гавра. После выступления товарища Сталина 3 июля 1941 г. здания города Сент-Этьена покрылись надписями: «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Советская Россия!»

14 июля в Париже произошли внушительные демонстрации. Чтобы разогнать демонстрантов, гитлеровцы пустили в ход бронемашину и танки. Тогда начались вооружённые нападения французских патриотов на оккупантов, часовых, на патрули, на склады боеприпасов. В Версале в начале июля был взорван склад снарядов. Несколько дней спустя в Берк-сюр-Мер рыбаки уничтожили охрану немецкого лагеря, гарнизон которого только что уехал на Восточный фронт, и захватили оружие. Усиливается вооружённая борьба. Горняки департамента Па-де-Кале под руководством двух героев — Шарля Дебарж и Жюльена Аппо, павших впоследствии на поле чести, — создали первые отряды вольных стрелков и партизан. Участились пуск под откос поездов, взрывы заводов, забрасывание гранатами гитлеровских отрядов в Энен-Льетаре, Ошеле, Арне. Партизаны вступили в борьбу также и в Париже. Начались нападения на немцев на самой площади Согласия. У плотины Сюрень часто стали обнаруживать трупы немецких полковников и майоров. Оккупанты больше не осмеливались ходить по вечерам в одиночку на окраинах города.

Немцы попытались задушить партизанское движение и саботаж смирным террором. 18 июля 1941 г. министром внутренних дел назначен был Пюше. Он удвоил состав полиции Виши, снабдил её бронемашинами и подчинил контролю гестапо. Он создал

особые трибуналы, которые «судят» патриотов без права обжалования и без защитников. Участник первой мировой войны депутат-коммунист Жан Катла и многие другие патриоты были гильотинированы. Плюс распустил 320 различных организаций и объединений — спортивных, общественных и культурных, — подозреваемых в симпатиях к Советскому Союзу. По его приказу в обеих зонах были произведены массовые аресты. За одну неделю было брошено в тюрьмы 11 тыс. патриотов.

12 августа 1941 г. Петэн произнёс достойную презрения речь. Он приветствовал в лице Гитлера «передового борца за цивилизацию» и выразил надежду, что ему удастся заставить народ Франции оказать поддержку Германии против Советского Союза. Однако замечательное сопротивление Красной Армии срывало планы Гитлера и тем самым разрушало надежды Виши. В той же речи Петэн сделал признания такого рода: «В умах господствует смятение... Настоящее чувство тревоги удручает нацию... Повеяло дурным ветром». Эти признания и угрозы лишь подтвердили, что национальное сопротивление растёт. В этой же речи Петэн возвестил новую программу полицейских и репрессивных мероприятий.

На следующий же день народ Парижа демонстрировал против Петэна. У вокзала Сен-Лазар полиция и немцы открыли огонь по демонстрантам. Два молодых француза были ранены и арестованы, а затем расстреляны. Это только усилило борьбу патриотов. Нападения на немецких солдат и полицейских участились.

Тогда гитлеровцы начали истреблять заложников. В Париже, Лилле, Бордо немецко-фашистские палачи хладнокровно истребили десятки заключённых патриотов. 22 октября 1941 г. в Шатобриане были убиты 50 заложников. Большинство из них были коммунисты, избранники народа и профсоюзные деятели; среди убитых были и социалисты, был и молодой, 17-летний лицеист, отец которого, депутат Парижа Моке, находился в то время в тюрьме в Африке вместе с депутатами-коммунистами. 50 заложников в Шатобриане умерли как герои, с пением «Марсельезы» и «Интернационала» и с возгласами: «Да здравствует Франция! Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Сталин!»

Гнев и ненависть подняли Францию. 25 октября на заводах Парижского района и в арсенале Бреста вспыхнули многочисленные стачки. 31 октября во всей стране состоялась пятиминутная забастовка. Во всех концах страны произошли демонстрации. В XI округе Парижа, где муниципальным советником был Гардет, расстрелянный в числе других заложников, женщины преследовали немецких офицеров с криками «Убийцы!» В декабре 1941 г. гитлеровцы убили более 100 заложников в Мон-Валерье. В числе этих мучеников, погибших за Францию, были герои-коммунисты: один из редакторов «Юманите», Габриель Пери, и ответственный секретарь той же газеты Люсьен Сампэ.

В следующем месяце гитлеровцы расстреляли руководителя железнодорожников Пьера Семара, арестованного ещё в период «страшной войны». Перед смертью Семар написал следующие незабываемые строки: «Через несколько минут я буду расстрелян. Я жду спокойно смерти. Моя последняя мысль принадлежит вам, мои боевые товарищи, всем членам нашей великой партии, всем французским патриотам, героическим бойцам Красной Армии и её вождю — великому Сталину. Я умираю с уверенностью в победе над фашизмом, с уверенностью в освобождении Франции. Передайте моим друзьям-железнодорожникам мою последнюю волю: пусть они не делают ничего, что могло бы помочь нацистам. Железнодорожники меня поймут; они услышат меня, они будут действовать, я в этом убеждён. Прощайте, мои дорогие друзья! Приближается час смерти. Но я знаю, что нацисты, которые меня расстреляют, уже побеждены. Да здравствует СССР и его союзники! Да здравствует Франция!» В тюрьме Пьер Семар и его товарищи успели узнать о памятном разгроме немцев под Москвой.

С волнением и восторгом вся Франция приветствовала первые победы Красной Армии, успех замедленного советского наступления 1941—1942 года. Патриоты могли теперь насмешливо поглядывать на гитлеровцев, с которых эти новости немного сбили их спесь.

Нацисты и вишисты, решив поразить умы крупной инсценировкой, организовали Риомский процесс. За шесть месяцев до того на основе доклада так называемого совета политической юстиции, заключавшего в себе «цвет» капитулянтов, Петэн сам осудил обвиняемых. Но Гитлер требовал процесса, учитывая, что германский народ, который нёс тяжёлые потери, начинал задавать себе вопросы: «Зачем эта война? Кто ввергнул нас в эту страшную пропасть, в которой Германия рискует погибнуть?» — и что ответ напрашивался сам собой: «Гитлер!» Риомский процесс должен был предоставить Гитлеру возможность обелить, оправдать себя. Так называемый французский трибунал должен был провозгласить, что войну затеяла Франция. Сама Франция должна была вынести себе приговор. Со своей стороны, изменники-вишисты стремились обвинить прежде всего Народный фронт, программа которого была подписана Блюмом и Даладьё. Обвинить Народный фронт — значило обвинить республику. Впрочем, для большей верности обвинение ограничивалось периодом с 1936 по 1939 г. и не упоминало о чисто военной ответственности. Но предъявлялось ли подсудимым хотя бы в этих суженных рамках вполне естественное обвинение в том, что они подорвали безопасность Франции, отдав пиренейскую границу под контроль Гитлера и Муссолини? Обвинялся ли Леон Блюм в проводившейся им политике «невмешательства»? Отнюдь нет, ибо именно «судьи» вместе с Блюмом нанесли этот страшный удар Франции и Испании. Обвинялся ли Даладьё в мюнхенской капитуляции, которая

явилась мрачным предисловием к поражению Франции? Отнюдь нет, ибо именно «судьи» вместе с Даладье навязали Франции эту капитуляцию. Обвинялись ли тот и другой в содействии деморализации французского народа, поскольку они взяли на себя инициативу произвола и репрессий, направленных против рабочего класса, против той части нации, которая являлась наиболее непримиримым врагом гитлеризма? Отнюдь нет, ибо именно «судьи» Риомского процесса сами вместе с Даладье и Блюмом были инициаторами репрессивных мероприятий, дабы сломить дух и способность французского народа к сопротивлению. Мало того: те, кто становились в позу обвинителей, сами были главными виновниками поражения Франции и нашествия врагов, явными предателями, членами «пятой колонны». Величайшая вина основных обвиняемых Риомского процесса — Даладье и Блюма — состояла в том, что они, подписав программу Народного фронта, на деле сорвали проведение этой программы и действовали совместно с капитулянтами и предателями.

И всё же несмотря на принятые меры предосторожности процесс обернулся против Гитлера и его вишійских лакеев. Обвиняемые, свидетели, даже свидетели обвинения, делали заявления, разъяснения, обличавшие Петэна и его клику и ясно устанавливавшие ответственность Германии. Разъярённый Гитлер приказал прервать процесс. А для большей гарантии он потребовал возвращения Лаваль к власти (13 апреля 1942 г.).

Гитлер предъявлял всё возрастающие требования. Вместо молниеносной победы после 10 месяцев войны на Востоке Гитлер имел в «активе» опрошенные потери — 10 миллионов немцев, выведенных из строя, в том числе 3 миллиона убитых. Он потерял также большое количество боевой техники. Однако Гитлер ещё надеялся собрать все свои ресурсы, использовать все возможности, чтобы попытаться осуществить отчаянный натиск на Красную Армию и форсировать окончание войны в течение лета 1942 года. С этой целью Гитлер придался за методический грабёж всех оккупированных стран и прежде всего Франции. Он потребовал ещё больше сырья (железо, бокситы), больше танков, грузовиков, самолётов с французских заводов, больше продовольствия, рабочей силы и пушечного мяса. Чтобы добиться всего этого и сломить сопротивление народа, Гитлер вновь поставил Лаваль во главе так называемого правительства Виши. Лаваль заявил: «Всякому должно быть ясно значение моего возвращения в правительство» — и цинично добавил: «Я желаю победы Германии». Петэн ограничился следующим заявлением: «Я думаю то, что Лаваль говорит; я одобряю то, что он делает».

В ту самую неделю, когда Лаваль вновь занял свой пост гаулейтера, гитлеровцы истребили в Париже, Лилле и Руане несколько сот французских. Лаваль взял на себя руководство жандармерией. Он поставил своих людей во главе легиона фронтови-

ков — группировки, из которой настоящие бывшие фронтовики, подлинные патриоты, были изгнаны, чтобы уступить место сброду мерзавцев и головорезов. Он создал службу по охране легионерского порядка, превратившуюся впоследствии в милицию — организацию убийц, скопированную с организацией гитлеровских эсэсовцев. Лаваль распорядился о новых массовых мероприятиях против государственных чиновников, сохранявших верность Франции и республике. Он развязал бешеный антисемитизм.

Затем начались «экономические» и «социальные» мероприятия — 10 тыс. мелких и средних предприятий из числа ещё работавших для нужд французского населения были закрыты, с одной стороны, потому, что всё горючее и сырьё предоставлялись предприятиям, работающим для немцев, и, с другой стороны, для того, чтобы «высвободить» рабочую силу и отправить её в Германию. Лаваль изобрёл «замену военнопленных», утверждая, что за каждого французского рабочего, который добровольно уедет в Германию, во Францию вернётся один военнопленный-крестьянин; позже он говорил уже о возвращении только одного пленного вместо трёх, а затем вместо пяти рабочих. Но французы уже разглядели ловушку и разоблачили этот чудовищный шантаж. Рабочие стали устраивать демонстрации и забастовки против насильственного увоза в Германию, они задерживали отправленные поезда; группы вольных стрелков освобождали рабочих, угоняемых под конвоем немецких и вишійских жандармов.

Лаваль попытался активизировать вербовку наемников для отправки на Восточный фронт. Были сделаны всевозможные посулы, обещаны крупные премии. Генерал Бладу, освобождённый из плена и занимавший пост заместителя государственного секретаря военных дел, разослал командирам корпусов пресловутый циркуляр за номером 440, суливший повышение в чине, премии и пенсии офицерам и уттер-офицерам, которые сумеют так низко пасть, чтобы надеть немецкую форму. Однако предатели не добились успеха, на который они рассчитывали.

Во всей Франции умножились демонстрации. В Париже, на улице Сены, женщины захватили продовольственный магазин, предназначенный для немцев, и организовали распределение продуктов. Демонстранты заставляли полицию Виши отступить. По приказу Лаваль были гильотинированы две захваченные там женщины. На юге, в Ниме, Монпелье, Арлье, произошли голодные демонстрации. В порту Сет докеры и женщины роздали толпе колоннальные продукты, полученные из Африки и грузившиеся в вагоны для отправки в Германию. В городе Онэн, у бельгийской границы, население бросилось на вокзал и остановило эшелон с зерном, отправлявшийся в Германию. Женщины вошли в вагоны и роздали зерно толпе. В деревне сопротивление реквизициям приняло острые формы. Крестьяне ловили вишійских чиновников, проводивших реквизиции. В Бретани, в области Бос, они уничтожали гитлеровские реквизицион-

ные отряды. Когда крестьянам не удавалось помешать грабежу, они поджигали немецкие склады зерна, фуража и соломы. 14 июля 1942 г. на улицах Лиона, Марселя и Тулузы произошли внушительные демонстрации. 20 сентября также произошли крупные демонстрации в связи со 150-летием славной исторической победы у Вальми, одержанной волонтерами революционной армии Франции в 1792 г. над пруссаками.

В октябре волнения охватили весь Парижский район и Лионскую область; рабочие при поддержке всего населения бастовали против насильственного увоза в Германию. Железнодорожники отказывались отправлять поезда с французскими рабочими, угоняемыми в Германию. Толпа вступала в столкновение с полицией Виши и гестапо. Отряды вольных стрелков и партизан становились активнее и смелее. Они начали проводить нападения на немецкие гарнизоны, как например в Ниоре, где были убиты 42 гитлеровца, в Бресте (11 убитых немцев), в Безансоне (34 убитых немца). Патриоты уничтожали также предателей и полицейских. Они закладывали бомбы в помещениях, занятых дориотистами (из шайки Дорио) и вербовщиками «трёхцветного легиона». Вооружённая борьба стала развиваться, опираясь на сочувствие и понимание населения; она стала развиваться вопреки советам трусливых «выжидателей», вопреки их «приказам» не убивать немцев под тем предлогом, чтобы не вызывать репрессий.

В течение того же 1942 года социальная база петэнизма непрерывно сужалась. Петэн стал терять своё влияние среди крестьян, которые вначале были его основной опорой, а теперь начинали восставать против гитлеровских и вишийских грабителей. Он стал терять своё влияние среди широких слоёв средней и мелкой буржуазии городов, среди мелких торговцев, которым нечего было больше продавать и у которых забирали даже цинковые доски с прилавков. Он стал терять своё влияние среди ремесленников и мелких предпринимателей, разорённых вследствие закрытия их предприятий. Петэн уже потерял всякое влияние и среди той части рабочих, которые вначале повергли его демагогическим призывам. Озлобленные насильственным увозом французов в Германию и чудовищной эксплуатацией в самой Франции, они поняли, какую предательскую, изменническую роль он играет. Петэн стал терять своё влияние среди бывших фронтовиков, которые долго верили в его узурпированную славу и теперь с отвращением начали отворачиваться от него. Даже наиболее старые приверженцы Петэна стали переходить к активному сопротивлению. Петэн потерял своё влияние среди католиков, возмущённых насильственным увозом французов в Германию, разрушающим семью, а также преследованиями евреев. Об этом свидетельствуют официальный протест французской церкви против антисемитских преследований и публичные выступления кардиналов и архиепископов против насильственного увоза людей в Германию. Наконец, Петэн потерял влияние в армии, в ко-

торой сопротивление и победы Красной Армии и вступление в войну Соединённых Штатов Америки зародили надежду на реванш и которую волновали аресты многочисленных генералов, в том числе генерала де ла Лоранси, первого представителя Петэна при немецких властях.

В этот период фронт национального сопротивления непрерывно рос и его организация успешно укреплялась. Национальный фронт объединил несколько организаций и ряд различных движений. Его местные и департаментские комитеты объединили французов всех политических взглядов и религиозных верований: коммунистов, социалистов, деятелей профсоюзов, католиков, радикалов, бывших членов организации «боевые кресты». Эти комитеты Народного фронта создавались на предприятиях под эгидой профсоюзов. Идеологическое и организационное влияние коммунистической партии росло. Начали восстанавливаться и другие партии, не подававшие признаков жизни с июня 1940 года. Деголлевские группировки укреплялись. Их военные организации устанавливали связи с вольными стрелками и партизанами. Подпольная печать обогащалась новыми органами. Председатель сената Жаненэ и председатель палаты депутатов Эррио выступили с публичным протестом против роспуска парламента. Был создан парламентский комитет, в который вошли представители всех партий и даже один бывший министр Петэна, примкнувший к сопротивлению. Таким образом, создавалась непрерывная цепь от бывших выдающихся политических фигур республики и ряда видных представителей высшего духовенства до передовых рабочих, объединявшихся для общего сопротивления захватчикам и предателям.

IV

Ноябрь 1942 г. был решающим месяцем для судеб всего мира и Франции. В ноябре 1942 г. Красная Армия перешла в наступление на Сталинградском фронте, и это событие решающего, исторического значения изменило положение не только на советско-германском фронте, но и облик войны в целом. В ноябре 1942 г. англо-американские армии, которым сопротивление Красной Армии и жертвы советского народа дали время подготовиться, высадились в Северной Африке. Соотношение сил в Средиземноморском бассейне изменилось в пользу союзников, сумевших впоследствии изгнать итало-германские войска из Африки, предпринять наступление на Италию и заставить её капитулировать. 11 ноября 1942 г., нарушив перемирие, заключённое в Компьенском лесу, Гитлер оккупировал всю Францию, за исключением Тулона, Тулонского порта и фортов. Гитлер боялся, что французский военный флот, который он хотел захватить, уйдёт в Алжир. Ему нужно было время, чтобы сманеврировать с помощью Петэна и Лавала, обмануть офицеров флота, удалить экипажи с судов, подготовить и поставить вместо них немецкие экипажи. После того как 330 тыс. солдат и офицеров 6-й германской армии уже были окружены под

Сталинградом и обречены на уничтожение, Гитлер не смог больше ждать. 27 ноября 1942 г. он потребовал передачи ему французского флота. В тот же день на рассвете немецкие самолёты минировали выход из Тулонского порта, дабы помешать флоту уйти из него. Танки и грузовики с немецкими моряками ворвались в город и на полной скорости направились к набережной. Но уже было поздно. Раздалась оглушительные взрывы. Основываясь на старых директивах, французский адмирал приказал потопить флот. Один за другим тяжёлые броненосцы, крейсера, миноносцы и подводные лодки взрывались и шли ко дну. Вместе с ними погибли их капитаны. Стоя на капитанском мостике и погружаясь в воду, они до последней минуты пели «Марсельезу» вместе со своими экипажами. Франция потеряла свой флот, но Гитлер его не получил. Честь французского народа была спасена.

Все события ноября 1942 г.: наступление Красной Армии у Сталинграда, десант союзников в Северной Африке, оккупация всей Франции гитлеровцами, героическая жертва тулонских моряков — явились мощным стимулом для национального сопротивления, которое сделало новый скачок вперёд. Оккупация всей Франции одним ударом разрушила последние иллюзии о мнимом суверенитете правительства Виши и окончательно разоблачила вишийских самозванцев. Петэн и Лаваль ясно показали своё лицо французских квислингов. Политическое значение потопления флота заключалось не только в возмущении французских патриотов, которые не захотели выдать флот врагу: оно явилось также окончательным приговором, вынесенным Петэну и правительству Виши морскими офицерами — людьми, которые в большинстве своём до последней минуты верили в Петэна. То же произошло среди офицеров маленькой армии перемирия, распущенной по приказу Гитлера. Один генерал и несколько офицеров попытались даже оказать сопротивление захвату бывшей неоккупированной зоны. Поведение офицеров явилось точным отражением чувств, волновавших некоторые круги, находившиеся до тех пор под влиянием Виши. База национального единства для борьбы против захватчиков расширилась до полного охвата всех французов. Отныне за бортом национальной общности остались лишь явные предатели, агенты врага, его паяльники. Десант союзников в Северной Африке, как и предвидел товарищ Сталин, дал «базу для организации антигитлеровской французской армии». Появилась возможность создания руководящего и организационного центра всех французских сил для ведения национально-освободительной войны, для активного содействия поражению гитлеровской Германии.

В самой Франции эти события отразились прежде всего на борьбе против насильственного угона рабочих и против мобилизации молодёжи: она приобрела ещё больший размах. 15 февраля 1943 г. Лаваль издал приказ о мобилизации молодых возрастов, в котором было ясно указано, что большая часть молодых французов уедет «служить» в Германию, а остальные, включённые в органи-

зации ТОДТ, будут заняты на строительстве укреплений на побережье Франции и на Восточном фронте. Так как добровольцев для работы в Германии становилось всё меньше и меньше, соответствующие отделы правительства Виши и Заукеля приступили к насильственной вербовке. Полиция без предупреждения являлась на заводы и вводила назначенных для отъезда рабочих. Первый декрет правительства Виши предусматривал трудовую повинность для мужчин от 18 до 50 лет и для незамужних и замужних, но бездетных женщин от 21 до 35 лет. Новый декрет определил возраст от 16 до 60 лет для мужчин и от 18 до 45 лет для женщин. Исключения могли быть допущены лишь для тех мужчин, которые запишутся в полицию, милицию или в немецкие военные формирования.

Национальный фронт и воссоединённая Всеобщая конфедерация труда взяли в свои руки организацию борьбы против насильственного увоза в Германию. Рабочие и молодёжь оказывали массовое сопротивление. Они стали «уклоняющимися от трудовой повинности». Всё больше и больше людей стало уходить в «маки», т. е. в подпольную организацию сопротивления. В Лионском округе, в Савойе и в области Дофинэ тысячи рабочих и молодых людей ушли в горы. То же произошло и в департаментах Центральной Франции. Единство нации проявилось в поддержке, которую все французы оказывали рабочим, уклоняющимся от трудовой повинности, и молодёжи.

Многие французские предприниматели-патриоты фальсифицировали требуемые от них списки рабочих, занятых на их предприятиях, продолжали выплачивать заработную плату своим рабочим, ушедшим в «маки» или в отряды вольных стрелков; отдельные из них даже приняли активное участие в сопротивлении. Так например владелец одного предприятия в Тулузе Пеше открыл стрельбу из револьвера против гестаповского отряда, пытавшегося проникнуть на его завод, чтобы арестовать рабочих, отказавшихся ехать в Германию.

Крестьяне оказывали помощь «уклоняющимся». Едва ли не под окнами Лавала (недалеко от его замка в Шательдоне) местные крестьяне взломали дверь тюрьмы и освободили молодых людей, которых жандармы должны были увезти на следующий день. Вопреки лживым обещаниям Лавала немцы не освободили крестьян, находившихся в плену; более того: они начали забирать их молодых сыновей. Деревня была охвачена возбуждением. В Бретани, в Трефене, Берье, Плуэнуре, Трегонеке и др. крестьяне били в набат, созывая население для оказания сопротивления реквизициям. Они прогоняли вишийских контролёров и уничтожали гитлеровцев. В департаменте Ионны они с помощью вольных стрелков и партизан отбивали у немцев реквизированных лошадей и скот. В областях Бос и Артуа они подожгли фермы предателей, которые сообщали оккупантам сведения об урожае и руководили реквизициями. Во всей Центральной Франции период уборки урожая и

молотья был отмечен ожесточённой борьбой крестьянства за спасение своего хлеба. В Бургундии виноделы вылили вино, чтобы не сдавать его немцам.

Тот факт, что многие рабочие и молодые люди, которым угрожал угон в Германию, вынуждены были скрываться, уходить в «маки», а также растущее сопротивление крестьян против оккупантов и Виши дали новый толчок движению вольных стрелков и партизан. Своеобразие движения вольных стрелков и партизан в современной войне заключается в том, что оно возникло не в деревне, а прежде всего в городах и рабочих центрах. Впоследствии движение распространилось и на деревню. Генеральный штаб вольных стрелков и партизан регулярно выпускает сводки, которые печатаются в их органе «Франс д'абор» («Франция прежде всего»). Чтобы дать представление о деятельности вольных стрелков и партизан, приведём одну из этих сводок.

Сводка № 51 генерального штаба вольных стрелков и партизан от 15 ноября 1943 г.: «В течение недели, с 6 по 13 ноября, наши отряды пустили под откос 13 поездов. Разбиты 12 паровозов и более 200 вагонов. За период с 1 по 13 ноября в различных депо выведены из строя 125 паровозов. Между станциями Бозн и Сен-Кентел пущен под откос эшелон железнодорожных цистерн. Немцы потеряли 400 тыс. л бензина. 7 немцев из охраны поезда убиты. На каналах Северной Франции наши истребительные группы взорвали 4 шлюза, потопили баржу с зерном, направлявшуюся в Германию, и 32 шаланды. В Эльзасе и Лотарингии Ф.Т.Р. (вольные стрелки и партизаны) уничтожили 22 гестаповца и 14 шпиков. Вольные стрелки и партизаны сожгли в Эльзасе 125 ферм, отнятых у законных владельцев и эксплуатируемых немцами. В департаменте Ионны один из наших отрядов, которому угрожало окружение, ликвидировал эту угрозу в результате боя, причём было убито 4 немца и 3 немца захвачено в плен. В департаменте Сон э Луар группа вольных стрелков, поддерживая забастовку горняков, взорвала железнодорожный мост между Бланзи и Монсо ле Мин. В департаментах Шер, Вьен и Коррез произошли многочисленные перестрелки с оккупационными войсками. В Париже, на улице Шуазель, в помещение, занятое немцами, брошены гранаты. В результате 5 убитых и много раненых немцев».

В течение ноября 1943 г. партизаны провели всего 809 различных операций, в том числе 246 нападений на немцев, 338 актов саботажа на железнодорожных путях, 41 на речном транспорте и в портах, 184 акта саботажа на заводах, работающих для оккупантов. За шесть месяцев уничтожено 1200 предателей и палачей. Диктор парижского радио с ужасом констатировал, что «стало опасным быть судебным работником, жандармом, служащим мерии или даже журналистом»... на службе у Гитлера, следовало бы ему добавить.

Отметим ещё два значительных момента из деятельности вольных стрелков и партизан. Первый характеризует их решающую роль в освобождении Корсики. Как только

было получено сообщение о капитуляции Италии, 8 сентября 1943 г., руководство Национального фронта на Корсике дало приказ о восстании для освобождения острова. Национальный фронт сумел собрать 15 тыс. вооружённых партизан при общем числе населения менее 300 тысяч. Командованию итальянских частей было предложено объявить о своих намерениях. Оно заявило, что не будет действовать против патриотов. Патриоты ринулись со всех сторон на обе немецкие дивизии, расположенные на острове. Захваченные врасплох, гитлеровцы в беспорядке отступили на восток. Через несколько дней немцы были полностью изгнаны из Корсики. Начиная с 8 сентября патриоты захватили префектуру Аяччо, 9 сентября они низложили власть Виши и установили новый совет префектуры. В городах и сёлах население избрало новые муниципалитеты, в которых участвовали и женщины. Вишийцы были разоружены. Большинство жандармов и мобильных гвардейцев, связь с которыми была установлена ещё до восстановления, немедленно перешло на сторону патриотов. Благодаря инициативе народа был освобождён первый департамент метрополии.

Вторым моментом является борьба в Альпах, завязавшаяся между партизанами и соединёнными силами немцев и вишийцев. Рабочие, молодёжь, а также солдаты и офицеры бывшей армии перемирия, укrywшиеся в Альпах, были организованы в военные отряды. У них было мало оружия, но они рассчитывали на более быстрый ход событий на Западе и верили, что второй фронт не заставит себя долго ждать. И они довольно охотно прислушивались к советам бездеятельности и выжидания, которые они получали со стороны атлантистов. Крестьяне снабжали их продовольствием, но этого было недостаточно. Нужно было добыть продовольствие за счёт Виши и оккупантов. Партизаны организовали экспедиции. Произошли столкновения с врагом. Начиная с лета немцы стали проводить нападения на лагеря, расположенные неподалеку от больших городов. Партизаны удалились в высокогорные местности. Наступила зима. Пришлось покинуть вершины гор и наиболее надёжные укрытия и спуститься в обитаемые районы. Немцы хотели избавиться от этого очага сопротивления в своём тылу и приказали правительству Виши «ликвидировать» партизан в Верхней Савойе. 14 тыс. человек, вооружённых до зубов, были брошены на штурм: 5 тыс. жандармов или мобильных гвардейцев, 5 тыс. чинов милиции, 4 тыс. эсэсовцев (ибо среди французов имеются негодяи, состоящие на службе у Гитлера и носящие, подобно немцам, название эсэсовцев). Наступление 14 тыс. вишийцев не дало результатов, на которые рассчитывали немцы. Партизаны оказали сопротивление. Милиция и жандармы понесли тяжёлые потери. Госпитали были переполнены их ранеными, а убитых было не счесть. Недавно (1 апреля 1944 г.) гитлеровское командование ввело в действие против партизан новых 10 тыс. немецких солдат. Партизаны продолжают держаться до настоящего времени

Однако, как бы положительны ни были результаты вооружённой борьбы вольных стрелков и партизан, нужно ещё сделать многое, чтобы она была на высоте современных задач. Таково прежде всего мнение самих партизан, которые жалуются на недостаточную помощь извне, на нехватку оружия, медикаментов, тёплой одежды. Они жалуются также и на то, что их подвиги зачастую замалчиваются; даже славное имя «партизан» не произносится. Создаётся впечатление, что это — запретное слово. Причиной является застарелый атантизм некоторой части патриотов, а также предубеждение и недоверие к вооружённому народу. В некоторых кругах Национального фронта войну для Франции уже давно считают выигранной. Эти круги не заботятся о том, чтобы вооружить народ, поднять его на широкое вооружённое восстание, согласованное с операциями союзников в Западной Европе. Наоборот, кое-кто озабочен тем, как бы ограничить и даже не допустить вмешательства народа. Кое-кто при этом развивает ошибочную и опасную концепцию о мнимой, тайной армии, которая выступит лишь в назначенный день, а до тех пор должна воздерживаться от всяких действий под тем предлогом, чтобы преждевременно не обнаружить себя и избежать репрессий. Но ведь ясно: восстание не возникнет само собой по первому сигналу и без подготовки, путём длительных и упорных действий, причём в первую очередь вооружённых действий, которые формируют и закаляют людей и кадры. И разве нет многочисленных примеров разложения армий, остающихся в бездействии и не участвующих в боях?

Но несмотря на отмеченные недочёты движения, объединение и организация национальных сил во Франции и за её пределами после ноября 1942 г. подвигались успешно вперёд. 25 ноября 1942 г., ещё до взрыва в Тулоне, встретились представитель Центрального комитета французской коммунистической партии и представитель генерала де Голля. Они пришли к соглашению относительно программы совместных действий, основной пункт которой был сформулирован следующим образом: «Всемирное восстание для освобождения Франции будет подготовлено в тесном сотрудничестве с французской коммунистической партией и силами Сражающейся Франции на основе соглашений, которые будут заключены между генералом де Голлем и представителем французской компартии, как только обстоятельства позволят им встретиться».

В январе 1943 г. прибыл в Лондон, в главную квартиру генерала де Голля, представитель Центрального комитета французской компартии. В марте 1943 г. во Франции был создан Национальный совет сопротивления. В него вошли представители движения сопротивления, «Комба» («Битва»), «Либерасьон» («Освобождение»), вольные стрелки и партизаны, Национальный фронт, воссоединённая Всеобщая конфедерация труда и Христианская кон-

федерация труда и представители следующих шести партий: коммунистической, социалистической, радикальной, народно-демократической (католической), Демократического альянса и Республиканского союза. По всеобщему признанию как друзей, так и врагов, коммунистическая партия является самой влиятельной и самой активной из них. Впоследствии был создан координационный комитет для организации и руководства борьбой против насильственного увоза французов в Германию. В этом комитете рабочие профсоюзы заняли господствующее положение. Генеральный штаб вольных стрелков также имеет своего представителя в этом органе, поскольку проблемы борьбы против насильственного увоза в Германию, организации партизан, продовольственного снабжения и безопасности французов, уклоняющихся от трудовой повинности, всё более связаны с развёртыванием вооружённой борьбы, с созданием и вступлением в действие новых отрядов вольных стрелков и партизан.

После изгнания из Северной Африки немцев и итальянцев первым крупным политическим эпизодом оказались события, связанные с Дарланом. Адмирал Дарлан — тогдашний руководитель вооружённых сил Виши — находился во время англо-американского десанта в Алжире и дал приказ о сопротивлении союзническим войскам. Затем он приказал сложить оружие и заключил соглашение с командованием союзников, заявив, что отныне становится на их сторону, дабы освободить Францию и... маршала Петэна, находящегося «в плену» у немцев. С военной точки зрения, соглашение командования войск союзников с Дарланом имело, несомненно, положительный результат. С политической точки зрения, оно создало двусмысленное положение, поскольку Дарлан и его группа претендовали на сохранение в Африке режима Виши, в то время как этот режим уже начал рушиться во Франции. Адмирал Дарлан «ратифицировал» назначение на пост главнокомандующего французскими войсками генерала Жиро, бежавшего из немецкого плена. Дарлан создал «Совет империи» при участии генерал-губернаторов африканских колоний: Ногеса, Бюиссона, Шателя. Эти губернаторы были и остались сторонниками Виши.

С первого дня стало совершенно очевидно, что за спиной Дарлана к союзникам «примыкали» некоторые привилегированные экономические и социальные группы, преследовавшие лишь одну цель: удержаться у власти против народа Франции. Вчера они привели страну к поражению и вызвали нашествие, чтобы добиться поддержки Гитлера. Сегодня они спекулировали на возможной поддержке союзников. Капитулянты были настолько уверены в успехе своего «обращения», что вскоре в Африку явились и заняли официальные должности: Лемегр-Дюбрей — представитель крупных аграриев (казначей Общества земледельцев Франции), член административных советов многочисленных финансовых и промышленных предприятий и председатель лиги нало-

гоплательщиков — одной из фашистских группировок, участвовавших в путче 6 февраля 1934 г. и организовавших поражение Франции; вслед за ним в Северную Африку прибыли Фланден — явный пораженец, Трошо — ярый фашист, убийца французов, первый председатель муниципальной делегации Парижа во время оккупации; явился даже Пюше — бывший министр внутренних дел правительства Виши, несущий прямую ответственность за убийства заложников, Пюше, который лично пытал философа Полицзера, прежде чем выдать его на казнь гитлеровцам. А между тем во всей Северной Африке патриоты оставались в тюрьмах и концентрационных лагерях.

Национальный Французский комитет в Лондоне¹ не был своевременно информирован о десанте союзников в Алжире и остался за бортом переговоров и соглашений. Французский народ был встревожен оборотом, который приняли события в Африке. Дарлан заявил, что у него нет иной цели, как содействовать поражению Гитлера, и что, как только Франция будет освобождена, народ сумеет свободно создать правительство по своему выбору.

25 декабря 1942 г. адмирал Дарлан был убит. По поводу виновников этого убийства профессор Рене Капитан заявил: «Это был монархистский заговор сторонников Мора, в большинстве своём бывших кагуляров; молодой монархист убил Дарлана, поскольку его личность и деятельность им мешали и поскольку его новая программа начинала нас (деголлерцев.— М. Т.) удовлетворять»². Известно, что монархисты хотели посадить на престол потомка Бурбонов графа Парижского, проживавшего в Марокко.

Покушение на Дарлана продлило период смятения в Африке. Вишійцы из «Совета империи» назначили генерала Жиро гражданским и военным командующим. Вопреки ожиданиям вишійцев генерал Жиро под давлением широких масс патриотов издал первые декреты о мероприятиях, отвечающих национальной политике. 19-й французский армейский корпус, так же как и бригады Свободной Франции, успешно участвовал в операциях по изгнанию итало-германских войск из Туниса. 5 февраля 1943 г., после трёх с половиной лет заключения, 28 депутатов-коммунистов, осуждённых мюнхенцами во время «странной войны», вышли из тюрьмы Мезон-Карре в Алжире. Они немедленно выпустили яркое воззвание, призывающее к единству в войне против Гитлера и кончающееся словами: «Французы, вперёд на врага!»

3 июня 1943 г., после продолжительных переговоров, генералы Жиро и де Голль пришли к соглашению. Был создан Французский комитет национального освобождения (ФКНО). Его основная задача была определена в учредительном манифесте следующим образом: «Руководить французскими усилиями в войне во всех её формах

и повсеместно». В своём первоначальном виде Французский комитет национального освобождения был плодом компромисса; председателями его являлись поочередно де Голль и Жиро. В числе членов комитета были среди прочих и генерал Жорж — бывший начальник генерального штаба армии, командующий основным фронтом во время французской кампании, один из тех, кто больше всего настаивал на немедленной капитуляции; Кув де Мюрвиль — инспектор финансов, имеющий родственные связи с заправилами крупных банков и занимавший только за год до того пост директора в министерстве финансов Виши; Рене Майер — председатель Международного общества спальных вагонов, член административных советов многочисленных предприятий во Франции и за границей, представитель группы Ротшильда, некогда связанный с кабинетом Пьера Лавалья.

В ноябре 1943 г., через год после англо-американского десанта в Северной Африке, Французский комитет национального освобождения был реорганизован. Де Голль стал его единственным председателем. Генерал Жиро некоторое время оставался во главе армии, а затем в 1944 г. ушёл в отставку. Кув де Мюрвиль получил пост представителя (вместо Массигли) ФКНО в Консультативной комиссии по вопросам Италии. Генерал Жорж и некоторые другие были устранены и заменены представителями партий и группировок сопротивления. Французский комитет национального освобождения был образован в следующем составе: генерал де Голль, генерал Катру, высшие государственные чиновники: Массигли — бывший посол правительства Виши в Анкаре; Тиксье из Международного бюро труда; другие бывшие работники Лиги наций, как например Жан Моне и Анри Бонне; дельцы, негоцианты, как Майер, Плевен, Дьстельм; кадровый офицер Френе, привлечённый по делу Пюше, с которым он вёл переговоры до декабря 1941 г.; несколько профессоров: Филипп, принадлежащий к течению социальных христиан, депутат французской социалистической партии; де Мантон — католик; Капитан — от группы «Комба»; монархист д'Астье де ла Вижери; члены парламента: Кейль и Мендес-Франс — радикалы; Ле Трокер — социалист — и Жакино — из Республиканского союза (в прошлом правого направления).

Во время реорганизации ФКНО встал вопрос об участии в нём коммунистов. Центральный комитет французской коммунистической партии выразил своё принципиальное согласие на такое участие. Вместе с тем он счёл необходимым опубликовать наказ своим будущим представителям в ФКНО в форме следующей декларации: 1. Использование всех средств, которыми располагают Франция и империя для войны против гитлеровской Германии, вооружение французских патриотов, ведущих борьбу в метрополии. 2. Немедленное наказание предателей, которые находятся в руках французских властей или могут оказаться у них в руках. 3. Демократическая и социальная политика, способ-

¹ Comité National Français.

² Газета «Франс» (Лондон) от 19 февраля 1943 года.

ная возродить энергию народа для войны.
4. Объединение всех французов и населения империи путём удовлетворения законных требований народных масс, которые необходимо без различия расового происхождения и религии вовлечь в борьбу против врага.
5. Усиление роли Франции в блоке объединённых наций на основе уважения независимости Франции и в целях восстановления её величия.

Помимо этой декларации, полностью отвечающей интересам французского народа и объединённых наций в войне против гитлеровской Германии, Центральный комитет компартии требовал права самому выделить своих представителей в ФКНО. Де Голль согласился с программой в целом, но не согласился на то, чтобы коммунистическая партия сама выделила своих представителей. Лишь 4 апреля 1944 г. два коммуниста — Бийю и Гренье — вошли в ФКНО одновременно с радикалом Жакоби.

В начале ноября 1943 г. ФКНО создал Консультативную ассамблею. Сначала она состояла из 84 членов, а затем из 102, в том числе 49 представителей сопротивления в метрополии, 21 представитель сопротивления в колониях и французских группировок в других странах и 20 членов парламента, выделенных соответствующими партиями на основе соотношения сил в бывшем парламенте. Как указывает само название, ассамблея играет лишь совещательную роль: она не имеет никакой власти, кроме права обсуждать проекты, которые представляет на её рассмотрение ФКНО, при этом её решения не имеют силы закона. И всё же создание Консультативной ассамблеи и реорганизация ФКНО явились новым шагом вперёд. Они представляют собой первые основы подлинно национальной власти, противостоящие предательству и подлости Виши. Укрепление этой фактической власти, авторитет ФКНО, разумеется, будут определяться мощью и темпами мобилизации всех французских сил в войне против гитлеровской Германии, для эффективного ведения этой войны.

С этой точки зрения следует отметить известную тенденцию некоторых французских деятелей слишком много говорить о будущем Франции, о месте, которое она должна занимать в мире, забывая, что только в боях сегодняшнего дня, в эффективном содействии всего народа усилиям объединённых наций, направленным к сокращению сроков войны, французский народ может и должен обеспечить возрождение Франции и вернуть ей в мире место, достойное её славного прошлого. В то время как народ Франции ещё закован в цепи, кое-кто слишком торопится обсуждать будущую конституцию, хотя бы временную. (Кстати, во Франции говорят, что ничто не бывает столь длительно, как временное.) Народ ждёт и требует в настоящее время не проекта конституции и не указа об условиях будущих выборов: народ Франции требует, чтобы был положен конец его мукам и страданиям, т. е. чтобы были сокращены сроки войны и приближен час освобождения, дабы на французской земле ещё остались живые французы, дабы вся наша страна не покрылась развалинами

и могилами к моменту, когда последний оккупант будет изгнан или уничтожен.

Каковы же те условия, которые могут и должны обеспечить скорое освобождение Франции?

Первое условие заключается в организации, вооружении и введении в действие в кратчайший срок мощной французской армии, армии, которая может быстро превысить один миллион человек. Современным вооружением — танками, самолётами, орудиями последнего образца — должны быть немедленно оснащены не четыре или пять, а десятки французских дивизий. Тогда французская армия сможет играть крупную роль в предстоящих наступательных операциях союзников и не будет рассматриваться больше как только вспомогательная военная сила.

Второе условие заключается в эффективной помощи всеми средствами вольным стрелкам и партизанам, являющимся передовым отрядом новой, национальной армии, которая уже сражается на родной земле. Одна из резолюций Консультативной ассамблеи потребовала, чтобы «подпольные военные организации были включены в план действий союзников на континенте». Речь идёт о том, чтобы оказать полное доверие народу, предоставить ему оружие, призвать его к подготовке всенародного восстания и к своевременному началу этого восстания согласованно с военными действиями союзников.

Третье условие: ускорить чистку, изгнать явных вишийцев, бывших членов фашистских группировок со всех главных постов в администрации, армии, полиции. Беспощадно покарать предателей, как это уже начали делать, приведя в исполнение смертный приговор, вынесенный народом гитлеровцу Пюше.

Четвертое условие: необходимо помешать скатыванию на позиции Виши под влиянием вновь «присоединившихся». Разумеется, должно быть место для всех людей доброй воли, но нельзя доверять командные посты тем, кто несёт вполне определённую долю ответственности за нынешние страдания Франции. В этом духе писала подпольная газета «Комба», издаваемая деголлевцами: «Нам не следовало бы видеть на руководящих постах людей, имена которых фигурируют во многих административных советах во Франции и за границей и которые были тесно связаны с Лавалем и его политикой».

Наконец, последнее условие состоит в решительном утверждении подлинно независимой французской политики, отвечающей традициям и интересам Франции. В этой области также необходимо ликвидировать нежелательное наследство в лице мюнхенцев и вишийцев. Они-то уже давно отказались от великой, сильной, независимой Франции, играющей первостепенную роль среди прочих государств. Независимая французская политика предполагает укрепление дружественных связей и сотрудничества между Францией и всеми её союзниками, особенно с тремя великими державами антигитлеровской коалиции: Англией, Советским Союзом, Соединёнными Штатами. Народ Франции высоко ценит огромную помощь своих дру-

зей и союзников. Он испытывает безграничное восхищение и благодарность к Красной Армии, ко всему советскому народу, к маршалу Сталину. Народ Франции понял, что поражение, оккупация и все его несчастья в большой степени являются результатом ярой антисоветской политики привилегированных слоёв Франции, лавалевцев и прочих мюнхенцев.

Таким образом, освобождение и возрождение Франции требуют подлинно независимой французской политики; это требует, чтобы было покончено с положением некоторой несамостоятельности, которая являлась чуть ли не правилом до войны. Наконец, это требует постоянного укрепления франко-русской дружбы и союза. Нельзя сказать, чтобы по всем этим вопросам удалось уже добиться полного единодушия, твёрдых позиций и ясной политики. Создаётся впечатление, что несмотря на похвальные усилия правильная политика ещё только нащупывается.

После капитуляции в Компьенском лесу Франция пережила самые трагические годы своей истории. Она была приведена на край

Май 1944 г.

пропасти. Ей ещё и теперь угрожает величайшая опасность. Однако благодаря усилиям и жертвам своих сынов Франция начинает возрождаться. Героизм её бесчисленных мучеников, мужество и отвага её вольных стрелков и партизан, её тулонских моряков, её солдат из Бир-Хаккейма и Туниса, её лётчиков из эскадрильи «Нормандия» свидетельствуют о воле французского народа к освобождению и возрождению. Борьба за изгнание оккупантов из Франции, за уничтожение вишийских предателей будет ещё тяжела, потребует ещё больших усилий и ещё больших жертв. Она потребует более тесного единства всех французов в боях, дабы возродить сильную, демократическую и независимую Францию. Она потребует безоговорочного доверия к традиционным качествам французского народа, к его инициативе, к его организационным способностям. Близок день, когда народ Франции с помощью своих союзников сотрёт позор 22 июня 1940 г., ускорит разгром гитлеровской Германии, сметёт с лица земли вишийскую пададь и обратит предателей в прах. И Франция, страна свободы и прогресса, засияет новой славой.

ВОЛЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В ОБОРОНЕ СТАЛИНГРАДА ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК

Р. Мордвинов

Когда германские фашисты в 1941 г. вероломно напали на нашу страну, по Волге могучим потоком стали идти боевые грузы: горючее для наших танков и самолётов, продовольствие армиям, сырьё для оборонных заводов.

Волга, являясь одним из крупнейших водных путей нашей страны, в условиях войны приобрела ещё большее значение. Важность перевозок по Волге особенно повысилась с приближением фронта к её берегам. Немецкое командование всячески стремилось нарушить непрерывность волжской коммуникации.

Захватить Волгу стало одной из основных задач в планах гитлеровского командования к лету 1942 года. В июле самолёты противника проводили над Волгой усиленную разведку, особенно на участке Саратов—Астрахань. Вскоре фашистские самолёты стали наносить бомбовые удары волжским пароходам и транспортам, а также минировать реку.

Но врагу не удалось заставить нас врасплох: на страже Волги стояла Волжская военная флотилия.

Бронекатера и другие вооружённые суда флотилии стали конвоировать суда и караваны с нефтью и другими грузами. В борьбе за непрерывность волжской коммуникации большое значение также имела организация противовоздушной обороны судов и караванов во время их движения и на стоянках. Атакуя суда и караваны, вражеские самолёты обычно действовали попарно и применяли следующий тактический приём: один самолёт производил штурмовой налёт, отвлекая на себя огонь конвоя и вызывая демаскировку, вслед за этим одиночные или группы самолётов пытались нанести бомбовой удар по каравану. Эта хитрость противника была быстро разгадана, и наши корабли стали успешно противодействовать вражеским налётам.

За период с 22 июля по 1 ноября бронекатера только одного соединения Волжской военной флотилии конвоировали 113 транспортов. За это время были отражены 152 одиночные и групповые атаки, во время которых было сбито три вражеских самолёта; конвоируемые суда потерь не имели.

Вместе с тем опыт борьбы с вражеской авиацией показал необходимость вооруже-

ния судов речного пароходства. Для обслуживания зенитной артиллерии на судах Волжская военная флотилия выделила военные команды, которые не раз показывали отвагу и боевое мастерство в борьбе с авиацией противника.

Зенитный расчёт парохода «Сократ» под руководством лейтенанта Муровского прикрывал караван с нефтепродуктами и военным грузом в районе Владимировки; в одном бою он выдержал атаку 48 самолётов типа «Ю-88» и «ХЕ-111». 3 из которых были сбиты; при этом караван не пострадал. Зенитчики парохода «Алтай» под руководством лейтенанта Бурого 27 октября 1942 г. прикрывали транспорт с грузом, подвергшийся нападению 6 самолётов противника. Зенитчики сбили 2 самолёта; транспорт с грузом повреждён не был. Всего военными командами зенитных орудий судов речного пароходства был сбит 21 немецкий самолёт и отбиты многочисленные атаки противника с воздуха.

Налёты немецкой авиации производились, как правило, ночью, дневная бомбёжка происходила очень редко.

Систематическое конвоирование волжских караванов с грузом боевыми кораблями флотилии, быстрое приспособление их к тактическим приёмам врага и вооружение зенитной артиллерией части судов речного пароходства вынудили немецкую авиацию производить бомбёжки с больших высот, что уменьшило эффективность бомбардировок.

Одновременно флотилия вела борьбу с минами постановками противника. Постановки мин в нижней части Волги со своих самолётов немцы начали ещё 22 июля 1942 года.

При минировании противник действовал большей частью одиночными самолётами и группами до 5 самолётов на высоте 50—300 м, преимущественно в ночное время, используя полноту тьмы.

В целях борьбы с поставленными немцами минами, кроме траления районов, засорённых минами, зачастую практиковалась посылка тральщиков для сопровождения караванов. В опасных районах тральщик шёл впереди бронекатера, конвоирующего караван.

Кроме того в нижнем течении Волги была раскинута широкая сеть постов наблюдения, обязанностью которых было отмечать все случаи постановки мин противником и ограждать опасные места. К обслуживанию этих постов в помощь военным командам и работникам речного транспорта в ряде случаев привлекалось и местное гражданское население. Волжская флотилия обеспечила непрерывность волжской коммуникации, что имело огромнейшее значение в питании фронта всем необходимым.

Тесно взаимодействуя с войсками Сталинградского и частично Донского фронтов, флотилия приняла активное участие в героической обороне Сталинграда.

Артиллерийские корабли флотилии — канонерские лодки, пловучие батареи — в составе двух основных групп (одна под командованием контр-адмирала Новикова, другая под командованием контр-адмирала Воробьёва) заблаговременно, ещё за 20—25 дней до выхода немцев на предел дальности корабельной артиллерии, заняли огневые позиции. Согласно плану командования фронта, они должны были взаимодействовать с частями Красной Армии, прикрывавшими направление Красноармейск—Сталинград, перед которыми стояла задача не допустить противника к Сталинграду с юга и препятствовать его выходу к Волге в этом районе.

Как только появилась угроза Сталинграду с северной стороны, туда была направлена группа кораблей под командованием капитана 3-го ранга Лысенко, севернее которой действовал отряд кораблей под командованием капитан-лейтенанта Аржавкина¹.

Система боевого управления действиями кораблей обуславливалась оперативной подчинённостью флотилии командованию фронта. Отдельные же соединения кораблей либо находились в оперативном подчинении той или иной армии либо взаимодействовали с отдельными армейскими частями.

К концу августа обстановка на Сталинградском фронте усложнилась. Противник усилил нажим в направлении на Красноармейск, развивая наступление по линии Ивановка—Тундутово—Дубовый овраг. 23 августа в районе Ерзовка—Латашанка мотомеханизированная группа противника прорвалась к берегу Волги. Затем немцы начали постепенно просачиваться к Волге и в других местах вблизи Сталинграда. С этого момента корабли Волжской военной флотилии вынуждены были бороться не только с вражеской авиацией, но и с наземным противником.

Одним из главных видов боевой деятельности Волжской военной флотилии сделалась стрельба с кораблей (преимущественно канонерских лодок и плавающих батарей) по скоплениям войск противника на берегу реки или вблизи неё. Дальнобойные морские орудия, установленные на канонерских лодках, оказывали частям Красной Армии большую помощь и наносили противнику ощутительный урон. Так, 25 августа кано-

нерские лодки «Громов», «Шорс» и «Руднев», поддерживая действия 15-й гвардейской стрелковой дивизии, вели интенсивный огонь по противнику, наступавшему в районе Дубовый овраг — балка Песчаная, и помогли дивизии приостановить начавшееся было продвижение немцев на этом участке.

Придавая большое значение действиям канонерских лодок, командование армии использовало их в особенно ответственные моменты оборонительных и наступательных операций. При осуществлении управления артиллерийским огнём канонерских лодок и бронекатеров важную роль играли наблюдательные и корректировочные посты. Посты развёртывались на большую глубину; нередко они выбрасывались на расстояние 18—20 км от огневых позиций, в непосредственной близости от противника. Как правило, основной наблюдательный пункт выставлялся в районе командного пункта армейской части, с которой осуществлялось взаимодействие. Расстановка наблюдательных и корректировочных постов, таким образом, в условиях ожесточённых боёв обеспечивала высокую эффективность артиллерийского огня.

В начале сентября противник, сосредоточив крупные силы вблизи Сталинграда, предпринял ожесточённое наступление. Германское командование стремилось овладеть Сталинградом во что бы то ни стало. Не выполнив этой задачи, оно не могло развивать своё наступление на север. Начался этап напряжённых оборонительных битв непосредственно за самый Сталинград. Город упорно оборонялся. Все, кто был способен носить оружие, стали на защиту города.

10 сентября немецким войскам удалось выйти к Волге в районе Купоросное. Тогда же наша Н-ская стрелковая дивизия начала наступление на село Купоросное, которое являлось одним из важных стратегических пунктов к югу от Сталинграда, захваченных противником. Артиллерия канонерских лодок и бронекатеров соединения контр-адмирала Воробьёва поддержала наступление дивизии. Благодаря этой поддержке дивизии удалось продвинуться вперёд и очистить от противника село Купоросное. Особенно отличился в этом бою личный состав канонерской лодки «Громов», за что командование Н-ской стрелковой дивизии объявило ему благодарность.

Выше Сталинграда против провазавшегося к берегу Волги противника вело бои соединение капитана 3-го ранга Лысенко. Канонерские лодки этого соединения «Усыскин» и «Чапаев», а также бронекатера подходили на короткую дистанцию к берегу, знаятому противником, и систематически обстреливали его позиции в районе Латашанка—Винновка—Сухая Мечетка.

Выйдя к Волге в районе Латашанки, немцы перерезали коммуникации и сообщения по реке в районе Сталинграда. Снабжение войск, защищавших Сталинград, боеприпасами и продовольствием крайне усложнилось. Большие трудности представляла также эвакуация из города раненых и населения. Для перевозок, кроме пловучих средств

¹ Позднее этим отрядом командовал старший лейтенант Морев.

речного транспорта и понтонных батальонов, были использованы также тральщики и бронекатера Волжской военной флотилии. Эти корабли вместе с другими судами речного флота в чрезвычайно тяжёлых условиях, под систематическим артиллерийским обстрелом противника выполняли важную боевую работу. Перевозки приходилось производить в основном ночью, в трудных навигационных условиях, при потушенных речных сигнальных фонарях.

Паромные и мостовые переправы систематически выводились из строя авиацией или артиллерийским огнём противника, в связи с этим требовалось постоянное наличие у переправ пловучих средств. Большую роль сыграли буксиры и суда речного пароходства, а также тральщики и бронекатера Волжской военной флотилии: они перевозили бойцов, боеприпасы, продовольствие и раненых. В ряде пунктов Волги они являлись единственными связующими звеньями между правым и левым берегами реки, особенно на переправах, обеспечивавших снабжение частей 62-й армии.

Из-за сильного обстрела и бомбардировок вскоре после начала ожесточённых боёв от понтонных мостов и паромов пришлось отказаться, и вся тяжесть перевозок легла на суда речного флота и Волжской военной флотилии. Срочные перевозки, как правило, производились на бронекатерах и тральщиках.

В наиболее горячие дни боёв массовые перевозки часто проводились как самостоятельные операции. Иногда эти операции носили характер прорыва кораблей с боем через укреплённую полосу противника. Они сделались особенно частыми в районе действий 62-й армии, когда причалы были разрушены на значительном расстоянии.

14 сентября немцам удалось прорваться к Волге в районе Ельшанки и севернее её. Положение героических защитников Сталинграда сделалось ещё более тяжёлым. В тот же день отдельные группы немецких автоматчиков просочились в центральную часть города и вышли к вокзалу Сталинград-1. Здесь развернулись ожесточённые уличные бои. Значительная часть городских и заводских зданий Сталинграда к этому времени уже была разрушена вражеской авиацией.

Так как в распоряжении командующего 62-й армией, оборонявшей город, к этому моменту не было никаких резервов, встал вопрос о быстрой переброске войск с левого берега Волги. Командование фронта приняло решение срочно перебросить с левого берега в город только что прибывшую 13-ю стрелковую гвардейскую дивизию¹ под командованием полковника Родимцева². Переправа дивизии началась 14 сентября, в 22 часа дня, и к утру 15 сентября в основном была закончена.

¹ Ныне 13-я гвардейская ордена Ленина и Красного знамени Полтавская стрелковая дивизия.

² Впоследствии генерал-лейтенант, Герой Советского Союза.

Тральщики Волжской военной флотилии выполняли это боевое задание под непрерывным обстрелом фашистской артиллерии и под воздействием вражеской авиации. Были случаи, когда они возвращались из операции, имея по 500—600 пробоин от осколков мдн, пуль и снарядов. Старшина 1-й статьи Пётр Лукаш, плававший на тральщике «Н» группы капитана 3-го ранга Ляльченко, в своём дневнике так передаёт чувства моряков, участвовавших в переправе гвардейцев: «14 сентября. Доставили в Сталинград гвардейцев. Не успели отойти от берега, как немец зажёл осветительную ракету и автоматчики, засевшие в домах, начали обстреливать тральщик. Засвистели, зацокали пули. К командиру подбежали пулемётчик грузин Габуния, электрик Соколов, я и другие моряки.

— Товарищ командир, — сказал Габуния, сжимая кулаки, — разрешите на берег. Выбьем гадов, а тогда в путь. Всё в груди кипит».

Но на левом берегу ждали гвардейцы. Нужно было спешить с переброской их в город. Дивизия переправлялась небольшими подразделениями, которые после высадки пробирались в центральную часть города и вступали в уличные бои.

Красная Армия вместе с рабочими сталинградских заводов и трудящимися города сдержала первый яростный натиск врага. Попытка гитлеровцев взять город с ходу провалилась. Началась напряжённая, более чем четырёхмесячная битва. Враг истекал кровью. Советские люди проявляли беспримерное мужество в борьбе за каждую улицу, за каждый дом.

Моряки Волжской военной флотилии в период героической сталинградской битвы не раз оказывали помощь защитникам города, причём как раз в наиболее критические и ответственные моменты, как это было в ночь на 15 сентября.

После упорных, кровопролитных боёв к 21 сентября противнику удалось захватить южную и центральную части Сталинграда и потеснить наши подразделения к северной окраине города. Одновременно он занял район выхода к Волге от станции Купоросное до пристани Соляная.

Крупные подразделения немецких автоматчиков, продвигавшиеся вдоль реки Царица, вышли к берегу Волги, отрезав подразделения двух стрелковых бригад 62-й армии. Эти части, сосредоточившиеся на небольшой территории у истока ниже реки Царица, оказались в тяжёлом положении. Было принято решение вывезти их на левый берег реки. Под ураганным огнём противника в ночь на 27 сентября эти подразделения были переправлены на левый берег при активном участии тральщиков и бронекатеров Волжской военной флотилии. Здесь они получили пополнение и после небольшого отдыха опять были переброшены в район заводских посёлков, где к этому времени развернулись особенно напряжённые бои, в которых активное участие принимали моряки Н-ской береговой железнодорожной батареи Волжской военной флотилии. Моряки бес-

пошадно уничтожали гитлеровцев из морских орудий, установленных на железнодорожных платформах. Тральщики и бронекатера каждую ночь выполняли свою кропотливую боевую работу — под ураганным огнём противника переправляли в районы заводов пополнение, боеприпасы и продовольствие.

В конце сентября танки и пехота противника предпринимали неоднократные попытки прорвать линию обороны одной нашей части в районе севернее Сталинграда. При этом особенно давал себя чувствовать огонь неприятельской 120-миллиметровой батареи, которая была хорошо замаскирована в складках местности и поражала боевые порядки наших войск. Требовалось в кратчайший срок уничтожить вражескую батарею. Эта задача была возложена на канонерскую лодку «Усыскин». 25 сентября корабельный корректировочный пост, вынесённый на передний край нашей обороны, точно определил координаты цели. Артиллерия корабля открыла огонь, и вскоре наблюдатели войсковой артиллерии сообщили, что вражеская батарея уничтожена. Командующий фронтом генерал-полковник Ерёмченко, наблюдавший эту стрельбу, дал высокую оценку действиям канонерской лодки.

В журнале боевых действий корабля записано: «Пятью залпами подавлена 120-миллиметровая немецкая батарея. Благодарность всему личному составу. «Волга»¹ — молодец. Генерал-полковник Ерёмченко».

В тяжёлые дни борьбы за Сталинград моряки Волжской военной флотилии получили телеграмму народного комиссара Военно-Морского Флота: «Горячие боевые дни наступили для ВВФ. В ежедневных горячих схватках с врагом краснофлотцы, командиры и политработники ВВФ громят фашистских захватчиков, беспощадно уничтожая их живую силу и технику, наносят им чувствительные удары. Священная обязанность каждого краснофлотца, командира, политработника ВВФ — вместе с Красной Армией намотать врага, обескровить, разбить и отбросить его от Волги. Выражаю полную уверенность и не сомневаюсь в том, что славные краснофлотцы, командиры и политработники ВВФ, следуя примерам беззаветного мужества, храбрости и отваги личного состава Дунайской, Днепровской и Азовской флотилий, будут так же бесстрашно, мужественно и стойко биться с озверевым врагом и выполнять с честью возложенную на них задачу. Ещё сильнее удары по врагу, славные защитники великой Волги! Враг будет разбит, победа будет за нами! Да здравствует Волжская военная флотилия! Да здравствует наш вождь, наш любимый полководец, товарищ Сталин! Народный комиссар ВМФ СССР адмирал Кузнецов»².

В первых числах октября началось сосредоточение немецкой пехоты и танков в районе посёлка Баррикады. Одновременно немцы продолжали атаки на югозападную и южную части Тракторного завода. Враже-

ская авиация только за один день, 3 октября, произвела тысячу самолётных вылетов.

В связи с тем, что вражеские атаки в основном были направлены на югозападную часть Сталинградского тракторного завода, которую обороняла сильно поредевшая в предыдущих боях Н-ская стрелковая дивизия, на этот участок была переброшена 37-я гвардейская дивизия. В ночь на 4 октября основная часть бойцов дивизии была переправлена на правый берег Волги на бронекатерах и тралящихках Волжской военной флотилии. Своевременная переброска подкрепления вынудила немцев на время перенести свои удары к северу.

7 октября, когда фашисты, подтянув дополнительные силы, опять возобновили атаки на югозападную часть Сталинградского тракторного завода, сюда была переброшена Н-ская танковая бригада. Переброска бригады в район Тракторного завода также была произведена при участии тралящихков и бронекатеров Волжской военной флотилии. Танки бригады были переправлены на баржах и паромах. Сразу же после выгрузки танковая бригада вступила в бой отражая атаки гитлеровцев вместе с 37-й гвардейской дивизией.

Когда противник направил свои главные удары на заводские посёлки Сталинграда (28 сентября — 4 октября), а затем (с 4 октября и до начала нашего наступления 19—20 ноября) на районы заводов большую роль сыграли частные наступательные операции Красной Армии на различных участках Сталинградского фронта. Эти операции сковывали силы противника и лишали его возможности маневрировать резервами. Во вспомогательных боях перемалывались живая сила и техника противника. Доступ противнику к Волге выше и ниже занятых им около Сталинграда пунктов был закрыт. Вместе с тем советские войска закрепляли плацдарм для дальнейшего наступления. Корабли Волжской военной флотилии обеспечивали Сталинградскому фронту перевозку войск и боеприпасов, охрану коммуникаций и огневую поддержку. 27 сентября соединение контр-адмирала Воробьёва артиллерийским огнём кораблей поддержало наступление 36-й гвардейской стрелковой дивизии с южной окраины села Купоросное, в результате чего дивизия значительно улучшила свои позиции. Когда немецкая пехота при поддержке 40 танков контратаковала дивизию, канонерские лодки огнём своей артиллерии отразили вражескую атаку. 29 сентября на другом участке фронта, в районе Дубовый овраг, канонерские лодки «Федосеевко» и «Киров» соединения контр-адмирала Новикова поддерживали наступление частей 15-й гвардейской стрелковой дивизии на Дубовый овраг, причём огнём канонерских лодок была уничтожена артиллерийская батарея противника, взорван склад с боеприпасами, рассеяно и частично уничтожено до батальона вражеской пехоты. В результате успешных боёв 30 сентября и 1 октября 15-я гвардейская стрелковая дивизия заняла село Дубовый овраг. В течение всего октября канонерские

¹ «Волга» — позывные «Усыскина».

² Дело № 951 Ш., л. 161.

лодки боевой канонерской флотилии Волги Бёва и Павликов огнём своей артиллерии способствовали успешным действиям наших войск.

В этих боях пример бесстрашия и находчивости показали коммунисты канонерской лодки «Руднев» тт. Клепов и Калашников. Во время одной операции расплавилась свинцовая пробка левого котла на канонерской лодке «Руднев». Пар повалил в топку, резко понизилось давление в котле, что угрожало потерей маневренности и подвижности корабля. Надо было спустить пар, выгрести из котла горящий уголь, дать котлу остыть, потом исправить повреждение и снова поднимать пар. В нормальной обстановке на это потребовалось бы не менее 20—24 часов. Товарищи Клепов и Калашников с санкции командования корабля разрешили эту задачу по-фронтальному. Надев ватное обмундирование, они закутались в брезент и быстро очистили топку котла. Работали они поочередно. В топке была температура свыше 100°. Через каждые пять минут моряков вытаскивали оттуда и обливали водой. В течение 50 минут благодаря находчивости и самоотверженности тт. Клепова и Калашникова повреждение в котле было устранено, а через два часа давление пара стало нормальным.

В период октябрьских напряжённых боёв командиры и краснофлотцы канонерской лодки «Громов» обратились с письмом к своим землякам — трудящимся приволжских областей, в котором клялись отстоять Сталинград и Волгу и призывали волжан оказать помощь фронту:

«Дорогие земляки! На каждом корабле Волжской военной флотилии, защищающем Сталинград, можно встретить волжан. Не все они до войны были военными моряками. Многие из них трудились на волжских фабриках, заводах, плавали на судах... Война сделала всех нас военными. Третий месяц наши корабли защищают Сталинград, дорогой, близкий сердцу, и Волгу-матушку. Мы дали краснофлотскую клятву матери-родине: умножим боевую славу волжских моряков! Выстоим! Жизни своей не пожалеем, но не отступим, не отдадим Сталинграда, вольной Волги на поругание немцам! Поклялись и вступили в боевое предоктябрьское соревнование за наибольшее истребление немецко-фашистских мерзавцев и их техники. Рады сообщить вам, что волжане бьют врага зло, по-волжски. Вот один из многих примеров: стоял наш корабль на огневой позиции. Вдруг зорко наблюдавший за станом врага краснофлотец Наймушин доложил: «Вижу в посёлке семь танков и автомашины, за домами попрятались». Стрелял Чистяков со своими друзьями-украинцами; казалось, всю силу гнева и мести вложили они в снаряды: так метко били они в цель. Шесть искалеченных танков остались на месте. Военный совет фронта наградил тов. Чистякова медалью «За боевые заслуги». Канонерка немало уже истребила немцев и их румынских холоуёв, порядочно разрушила блиндажей и много военной техники. Но мы говорим себе: этого мало! Здесь, под Сталинградом, в небы-

злых битвах решается судьба родины. Враг бросает в бой всё новые резервы. Мы увидим огонь по немецко-фашистским захватчикам. Каждый снаряд понесёт смерть фрицам. Мы выстоим! Огнём врага от вольной Волги-матушки! А вы, дорогие земляки, просим не отставать от моряков. Увеличивайте помощь фронту оружием, танками, самолётами, хлебом, продовольствием. Продолжайте предоктябрьское соревнование за наилучшую помощь фронту. Соревнуйтесь ещё упорнее. Как нет в Европе рек больше, чем великая река Волга, так нет на свете большей ненависти к врагу, чем у нас, советских людей. Эта ненависть ведёт нас к тяжёлым, кровопролитным, но победным боям. Смерть немцу! Командиры и краснофлотцы канонерской лодки: старший лейтенант И. Резанин, старшина 1-й статьи А. Якушин, старшина 2-й статьи Л. Чистяков»¹. И краснофлотцы Волжской военной флотилии свято выполнили свою клятву.

К октябрю силы Красной Армии на Сталинградском фронте заметно возросли, хотя на отдельных участках, особенно в районе заводов, противник всё ещё имел превосходство в живой силе и технике. Упорная, героическая борьба частей Красной Армии, сдерживавших натиск врага, давала возможность подбрасывать резервы и производить давление на других участках фронта. Борьба затягивалась, а это было нам на пользу. Противник нес огромные потери. Красная Армия также несла потери, но помощь всей могучей Советской страны защитникам Сталинграда неуклонно возрастала. На левом берегу Волги накапливались всё больше резервов, сосредоточивались в большом количестве материальная часть.

План гитлеровского командования — любой ценой овладеть Сталинградом — терпел крах. Враг не пытался уже предпринимать наступление на широком фронте, а сосредоточил ударные группы на его узких участках.

Одной из последних наступательных попыток гитлеровцев на Сталинградском фронте было стремление четырёх пехотных и одной танковой дивизии захватить завод «Баррикады». Имея большое численное превосходство, немцы подошли к западной окраине завода и стали постепенно вклиниваться на его территорию. К 23 октября ценой огромных потерь им удалось занять больше половины завода. Часть Н-ской Краснознамённой стрелковой дивизии, оборонявшаяся на этом участке, после упорной борьбы отошли и закрепились в восточной части завода. Несмотря на героическое многодневное сопротивление наших бойцов немцам удалось обойти позиции, занимавшиеся подразделениями дивизии, с севера и с юга и к 15 ноября отрезать дивизию от остальных частей 62-й армии. Одновременно противник занял северовосточную часть завода. Положение дивизии сделалось очень тяжёлым. Почти все боеприпасы были израсходованы, много личного состава выбыло из

¹ «За родную Волгу» № 8 от 5 ноября 1942 года.

строя; крайне остро встал вопрос о продовольствии. Попытка снабжать дивизию продовольствием и боеприпасами с самолётов не дала нужных результатов. Дивизия была отрезана с трёх сторон, а позади неё была Волга. Здесь опять пришли на помощь моряки Волжской военной флотилии. Бронекатера с боем прорывались через Денежную Воложку и несмотря на наступивший в это время ледоход по ночам подвозили дивизии боеприпасы, продовольствие и пополнение. Одновременно на левый берег они эвакуировали раненых и заболевших бойцов.

Все помыслы моряков флотилии были направлены к тому, чтобы несмотря на трудности быстрее и лучше оказывать помощь дивизии. Краснофлотцы, выполняя это боевое задание, показывали образцы героизма. При выполнении задания по доставке грузов этой дивизии бронекатер «Н» попал под сильный артиллерийский обстрел. В результате прямого попадания снаряда в машинном отделении возник пожар. Пламя грозило перекинуться на другие части корабля. Но усилиями подразделения мотористов во главе со старшиной 1-й статьи Лозовым пожар был потушен, и корабль благополучно выполнил своё боевое задание.

В ночь на 21 ноября проходила очередная операция по доставке грузов отрезанной дивизии. Для этой операции были выделены 3 бронекатера. Через лёд их выводил на буксире пароход «Гетман». Кюгда катера вошли в район прорыва и расстояние от побережья, занятого противником, было не более 30 м, немцы открыли по ним интенсивный огонь из пулемётов и автоматов, а также бросали в направлении катеров ручные гранаты. Бронекатера, открыв ответную стрельбу, благополучно прошли зону, занятую противником, и, пришвартовавшись у восточной части завода «Баррикады», стали производить выгрузку боеприпасов, продовольствия и медикаментов. От места выгрузки до расположения противника справа и слева было не более 100—150 метров. Гитлеровцы открыли огонь из орудий, миномётов, пулемётов и автоматов. Красноармейцы, работавшие на выгрузке, были скоплены пулемётным огнём. На место убитых стали краснофлотцы Иванов, Кулешов и Самойлов. Под прикрытием огня с наших бронекатеров в течение 45 минут катера были разгружены и на их борт приняты раненые. Бронекатера обратно проходили мимо берега, занятого противником; они открыли огонь по берегу, уничтожили и подавили более 10 огневых точек, взорвали склад с боеприпасами. Во время возникшей артиллерийской перестрелки прямым попаданием снаряда в боевую рубку был убит командир отделения рулевых старшина 2-й статьи Емелин и тяжело ранен командир отряда бронекатеров старший лейтенант Житомирский. Несмотря на тяжёлое ранение в обе ноги Житомирский заменил убитого рулевого Емелина и, истекая кровью, вывел катер из-под обстрела. За этот подвиг Житомирский был награждён боевым орденом.

Кроме подвоза боеприпасов и продовольствия отрезанной дивизии флотилия неоднократно помогала ей своей артиллерией. Канонерская лодка «Усыскин» не раз вела артиллерийский огонь по скоплениям немцев в районе завода «Баррикады», поддерживая активную оборону отрезанной дивизии 62-й армии. Благодаря своевременной помощи кораблей Волжской военной флотилии дивизия отстояла свои позиции и продержалась до соединения с 62-й армией (25 декабря 1942 г.)¹.

Группа войск 62-й армии под командованием полковника Горохова более полутора месяцев (с 6 октября по 25 ноября) также была отрезана от остальных частей армии. Благодаря упорной, героической обороне она не только сумела продержаться до соединения с другими частями армии, но наносила чувствительные удары врагу в районе Спартакровка — Рынок и отвлекала значительные неприятельские силы, не давая возможности использовать их непосредственно против города Сталина. Успеху боевых действий группы способствовали корабли Волжской военной флотилии. Вся боевая деятельность соединения капитана 3-го ранга Лысенко была направлена в помощь группе полковника Горохова. Снабжение группы производилось почти исключительно кораблями соединения Лысенко. Канонерские лодки своим артиллерийским огнём также не раз оказывали ей большую помощь.

Моряки 141-й роты морской пехоты под командованием старшего лейтенанта Горшева героически сражались в составе подразделений полковника Горохова. Во время наступления гитлеровцев на район Орловки моряки не раз успешно отражали атаки значительно превосходящих сил противника. Так, 29 сентября роту лейтенанта Горшева атаковали с фланга две роты немецких автоматчиков при поддержке пяти танков. Моряки забросали танки гранатами. Подпустив вражеских автоматчиков на близкое расстояние, они открыли по ним сильный ружейный, пулемётный и миномётный огонь. Гитлеровцы понесли большие потери, откатились назад. При отражении атаки особенно отличился миномётный расчёт лейтенанта Подольского. Неприятельские танки подошли к окупу миномётчиков на расстоянии 50—60 метров и обстреляли бойцов миномётного расчёта прямой наводкой. Младший лейтенант Подольский был тяжело ранен; его место занял командир отделения Парфёнов, который умело продолжал командовать расчётом до конца отражения атаки.

Во время начавшегося 19 ноября 1942 г. победоносного наступления частей Красной Армии группа кораблей Волжской военной флотилии продолжала боевые действия несмотря на суровые зимние условия.

Бронекатера работали по перевозкам на

¹ Общее генеральное наступление, начатое нашими войсками 19—20 ноября, не сразу сказалось на участке в районе заводов, и здесь ещё больше месяца происходила упорная оборонительная борьба.

армейских переправах через Волгу до 15 декабря. Чтобы перевезти груз с одного берега Волги на другой, приходилось пробиваться сквозь льды в течение нескольких часов под ураганным артиллерийским и миномётным огнём противника.

Канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» огнём своих орудий помогали войскам Сталинградского фронта в период их наступления и активно участвовали в ликвидации сталинградской группировки противника. Хребет врага был уже переломлен. Но надо было окончательно добить и уничтожить врага и очистить от него великий город Сталина.

Канонерские лодки «Чапаев» и «Усыскин» до последнего дня помогали очищать город и ликвидировать северную группировку противника, окружённую в районе заводов «Баррикады» и Тракторного. 21 января канонерская лодка «Чапаев» вела огонь по батарее, пулемётным точкам и блиндажам противника, расположенным в районе посёлка Красный Октябрь, её метким огнём было уничтожено три блиндажа вместе с находившимися в них немцами. На следующий день она также уничтожила артиллерийскую батарею противника. За это канонерская лодка «Чапаев» получила благодарность начальника артиллерии Н-ской стрелковой дивизии. В момент наступления, предпринятого в целях окружения северной группировки немцев, канонерская лодка вела интенсивный огонь по району Тракторного завода. 25 января, в разгар нашей наступательной операции, канонерская лодка «Чапаев» почти целый день вела огонь по скоплениям пехоты и танков противника в районе Тракторного завода, а также по сильно укреплённому Дому профессоров, в котором находился штаб противника. При этом было отмечено 10 прямых попаданий в дом. Кроме того канонерская лодка «Чапаев» уничтожила 9 машин и другое военное имущество, а также рассеяла скопление вражеской пехоты и танков.

Чтобы соединиться с частями 21-й армии и замкнуть кольцо вокруг северной группировки немцев, части 62-й армии 26 января штурмовали господствовавшую высоту 97,7. Канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» поддерживали нашу наступавшую пехоту, ведя интенсивный артиллерийский огонь.

В результате этого боя господствующая высота к вечеру находилась в наших руках, и вскоре северное кольцо было замкнуто.

Боевая работа канонерских лодок продолжалась до окончательной ликвидации 6-й и части 4-й танковой германских армий. Последний залп с канонерской лодки «Усыскин» был дан 30 января, а с канонерской лодки «Чапаев» — 31 января 1943 года.

В период наступательных боёв Красной Армии много поработали также моряки морских стрелковых бригад, действовавших в рядах 64-й армии. В начале нашего прорыва в районе Попова большое значение имело взятие сильно укреплённой немцами высоты 119,7. Упорные бои за эту высоту

выдержала 154-я морская стрелковая бригада. С 10 по 13 января высота дважды переходила из рук в руки. 13 января бригаде было приказано штурмом взять высоту и окончательно закрепиться на ней. Противотанковая артиллерия батареи капитана Лобачева была поставлена в передовые цепи моряков. Пользуясь темнотой, бойцы бригады подползли к вражеским окопам на расстояние 30—50 м и, забрасывая немцев гранатами, штурмом заняли высоту. В тот же день подразделения бригады отбили предпринятую немцами контратаку.

При отражении этой контратаки командир роты автоматчиков младший лейтенант Лунев из трофейной винтовки уничтожил 41 гитлеровца. Когда был выведен из строя расчёт орудия противотанковой батареи капитана Лобачева, он сам стал у лафета орудия и в упор бил по немцам. Во время боя за высоту 119,7 было уничтожено более 500 немецких солдат и офицеров.

Образцово действовала 154-я морская стрелковая бригада при очищении от противника центральной части Сталинграда.

25 января, в 8 часов утра, подразделения бригады начали наступление на главный вокзал города и элеватор. К 16 часам они подошли к элеватору на расстояние 200—300 м и оттуда стремительно атаковали противника. Немцы упорно сопротивлялись. Всю ночь в районе элеватора шла напряжённая борьба, переходившая в рукопашные схватки. К 12 часам следующего дня моряки сломали сопротивление противника; оставшиеся в живых гитлеровцы были взяты в плен.

Во время этого боя подразделения нашей морской стрелковой бригады взяли в плен 40-й артиллерийский германский полк во главе с командиром полка, часть 39-го артиллерийского полка и роту румын. В числе пленных было 45 офицеров.

2 февраля 6-я германская армия перестала существовать. В ответ на доносение об исторической победе Верховный главнокомандующий товарищ Сталин поздравил и объявил благодарность командованию и войскам Донского фронта. Эта благодарность великого вождя относилась также и к морякам Волжской военной флотилии и морских стрелковых бригад.

В итоге боевой деятельности кораблей Волжской военной флотилии с начала боевых действий и до 20 декабря было уничтожено более трёх полков вражеской пехоты, 48 танков, 16 самолётов, 30 шестиствольных миномётов, 70 дзотов, 25 блиндажей, 18 пулемётных точек, 104 автомашины, несколько складов и другие военные объекты. Бронекатера и тральщики перевезли с левого берега на правый 98 293 бойцов, 11 429 тонн военных грузов, 17 самолётов, 1975 ящиков с минами и 404 автомашины.

Волжская военная флотилия оправдала своё назначение — оказала большую помощь частям Красной Армии в героической борьбе за город Сталина. Боевая деятельность флотилии была подчинена командованию фронта и проходила в тесном взаимодействии с частями Красной Армии.

Именно это обусловило успешное выполнение задач, возложенных на флотилию.

Правильная организация противовоздушной обороны на боевых кораблях флотилии, а также хорошая маскировка огневых позиций и мест стоянки кораблей привели к тому, что Волжская военная флотилия выполнила свои задачи без значительных потерь.

Переправы и перевозки с помощью боевых средств флотилии имели большое оперативное значение. Помощь тральщиков и бронекатеров в перевозках на отдельных участках фронта сыграла решающую роль.

Личный состав Волжской военной флотилии в боях за город Сталина с честью поддержал героические традиции русских моряков. Волжские моряки — достойные сыны своего народа.

За проявленную отвагу в боях за отечество, против немецких захватчиков, за стойкость и мужество, за высокую воинскую дисциплину и организованность, за беспримерный героизм личного состава 1-й и 2-й дивизионы бронекатеров удостоены гвардейского звания. Гвардейское звание получили также 66-я и 154-я морские стрелко-

вые бригады¹. Орденом Красного знамени были награждены канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев». Многие моряки за отвагу и мужество, проявленные в героической сталинградской битве, были награждены орденами и медалями Советского Союза, и весь личный состав действующих подразделений флотилии был награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Успешным действиям Волжской военной флотилии способствовала правильно поставленная партийно-политическая работа. Коммунисты показывали личный пример в бою. Вся агитационно-массовая и партийная работа была направлена на лучшее выполнение боевых заданий командования.

Личный состав флотилии закалялся и окреп в борьбе за великий город Сталина и полный сил и энергии был готов к новым боям за окончательный разгром и уничтожение ненавистного врага.

¹ 66-я морская стрелковая бригада была преобразована в 13-ю гвардейскую стрелковую бригаду, 154-я морская стрелковая бригада — в 15-ю гвардейскую стрелковую бригаду.

ОДЕССА

(К 150-летию со дня основания)

Проф. С. Боровой

Ровно 150 лет назад (1794) на берегу Чёрного моря, на месте небольшой крепости Ени-Дунья и посёлка Хаджибей, было решено построить русский город и порт.

Рассказывают, что когда возник вопрос о наименовании этого города, то учёные советники Екатерины вспомнили о древнегреческой колонии Одессос, которая, по их предположению, находилась на месте Хаджибея, но они предложили несколько видоизменить грамматическую форму греческого имени (придать ему женское окончание «а»). Так родилось необычное в своё время для русского уха, но ставшее таким родным слово Одесса.

Создание Одессы явилось естественным завершением длительного исторического процесса продвижения российского государства и украинско-русской народной колонизации к берегам «тёплого моря». Выйдя на берега Чёрного и Азовского морей, русский и украинский народы выступали не как завоеватели чужих земель и покорители других народов: они возвращались на свои исконные земли, на места поселений древних тиверцев и уличей. В течение ряда столетий наша страна была отрезана от берегов Чёрного моря сменяющимися волнами кочевников, не сумевших ни освоить эти благодатные земли, ни оставить здесь прочные следы своего пребывания; позже доступ сюда преграждался недоброжелательной политикой соседних государств. Но ни искусственно начертанные границы, ни «дикие поля», которые должны были задержать продвижение колонизации, ни требования дипломатов об обращении пограничной зоны в пустыню не могли задержать неуклонное продвижение русского и украинского народов к устьям их великих рек, на пустынные, ждавшие тружеников плодородные степи.

Начиная с последних десятилетий XVIII в. в Северном Причерноморье шла гигантская работа, до сих пор слабо изученная историками и совершенно недостаточно оценённая. Это был обширный край, который заселялся с необычайной быстротой, обстраивался и покрывался густой сетью сёл, деревень, колоний и городов. Русский солдат завершал дело, вначале вольными казаками и беглыми крестьянами-колонистами; за ними двинулись ремесленники и предприимчи-

вые мещане, потом пришли купцы, а помещики-крепостники стали переводить сюда, на пожалованные и захваченные ими земли, крепостных.

Крупнейшим городским торговым центром всего этого края стала Одесса, превратившаяся одновременно и в самый значительный порт на Чёрном море. Скоро Одесса стала и административным центром так называемого Новороссийского генерал-губернаторства.

Мировая хозяйственно-политическая конъюнктура оказалась особенно благоприятной для Одессы в первые годы её существования. Развитие капитализма в странах Западной Европы создавало особо большой спрос на русский хлеб. Одесский порт стал естественным выходом на внешние рынки для всё растущих масс хлеба, производимых в Новороссии, на Правобережной Украине и в Бессарабии, как раз тогда включённых в состав России. Уже в 1847 г. Одесса заняла первое место среди портов Европы по вывозу хлеба. В середине XIX в. через Одессу проходило 37% всего хлебного экспорта России.

Новый город рос необычайно быстро: в 1803 г. в Одессе насчитывалось 9 тыс. жителей, в 1827 г. — уже свыше 32 тыс.¹, через 10 лет — 53 800², а ещё через 20 лет (в 1858 г.) население города достигло 104 тысяч³.

Цифры, иллюстрирующие внешнеторговые обороты города, дают такую же картину роста (в 1827 г. внешнеторговый оборот Одессы составлял 8 млн. руб., а в 1837 г. — 34 млн. руб.)⁴. При этом следует иметь в виду, что Одесса вела внешнюю торговлю не только морем: туда направлялся, например, обильный поток товаров из пограничного австрийского города Броды⁵. Через Одес-

¹ «Одесса 1794—1894», стр. 56. Одесса. 1895.

² Скальковский А. «Первое 30-летие истории города Одессы», стр. 206. Одесса. 1837.

³ Скальковский А. «Записка о торговых и промышленных силах Одессы», стр. II. СПб. 1858.

⁴ «Одесса 1794—1894», стр. 190.

⁵ Bagnery Ribas «Memoria sobre el commercio de los puertos del Mar Negro», p. 34. Madrid. 1832.

су шёл также транзит товаров в Закавказье и дальше — на Иран.

В течение многих лет Одесса была порто-франко (1819—1859), т. е. городом, в черте которого разрешались продажа и хранение иностранных товаров без обложения пошлиной. Хорошо известная одесситам Старопортофранковская улица была внешней границей этой вольной зоны. Учреждение порто-франко, конечно, способствовало росту торговых оборотов города.

Но было бы ошибочно считать, что жизнь Одессы того времени целиком и полностью определялась её внешней торговлей: в первой половине XIX в. в Одессе уже было большое число ремесленных и промышленных предприятий.

Вместе с тем Одесса становилась значительным и оживлённым культурным центром. Уже в самые первые годы XIX в. здесь было несколько школ и пансионов, а в 1817 г. был основан Ришельевский лицей, позже, в 1865 г., преобразованный в университет. В 1826 г. в Одессе было открыто еврейское училище, по существу первая в России «европеизованная» еврейская школа¹, ставшая вскоре образцом для подражания. В 1829 г. в городе открылась Публичная библиотека — первая в России провинциальная публичная библиотека, выросшая в крупнейшее культурное учреждение, в подлинный «вольный университет» для многих поколений². В 1839 г. было основано Одесское общество истории древности. Общество это создало Археологический музей, впоследствии имевший мировое значение, и выпускало «Записки» большой научной ценности.

Рано зародилась в Одессе периодическая печать. Уже в 1820 г. здесь печатался листок на французском языке «Messager de la Russie Meridionale», а в 1822 г. — театрально-музыкальный ежемесячник «Troupadour d'Odessa». В 1827 г. начинает выходить «Одесский вестник» и параллельно — «Journal d'Odessa» (в 1854 г. первый имел 1482 подписчика, второй — 204)³.

Одесса тех лет была крупным театральным и музыкальным центром⁴. В итальян-

¹ Лернер О. «Евреи в Новороссийском крае». Одесса. 1902.

² К 110-летию со дня основания Одесской Публичной библиотеки была издана её подробная история, написанная проф. В. И. Селиновым, проф. С. Я. Боровым и М. В. Рапопорт — «Одесская государственная Публичная библиотека имени М. Горького. Исторический очерк». Одесса. 1941. 184 стр. Этой книге суждено было стать библиографической редкостью. Книга была закончена печатанием незадолго до захвата Одессы румыно-немецкими оккупантами, и весь её тираж остался в типографии, за исключением трёх авторских экземпляров, вывезенных из Одессы.

³ «Русская старина» за февраль 1896 г., стр. 385.

⁴ См. Всеволожский И. «Путешествие через южную Россию, Крым и Одессу». Т. I, стр. 100. М. 1839.

ской опере Пушкин упивался «пленительным России»⁵.

Хорошо известна многонациональность состава населения Одессы тех лет. Однако следует раз и навсегда отбросить неправильный взгляд на Одессу как на город, основанный иностранцами и единственно им обязанный своим процветанием. Пусть официальным основателем Одессы считается испанец де Рибас, строителем порта — француз де Волан, первым губернатором Новороссии (1803—1814) — герцог Ришелье. Но не эти иностранцы на русской службе были истинными создателями Одессы. Не были создателями нового города и иностранные negociants, которых привлекла сюда возможность больших барышей: французы (из среды которых вышел первый историограф города — Сикар⁶ итальянцы и югославы.

Эта пёстрая и шумная иностранная колония наложила своеобразный отпечаток на облик города, но истинными создателями города, трудами которых город строился, жил и рос, были русские, украинцы, евреи и отчасти греки.

Украинская и русская колонизация Северного Причерноморья началась, как отмечалось выше, ещё до официального включения этих земель в состав империи. Уже население Хаджибея, который по недоразумению называют турецкой деревней, состояло главным образом из украинцев. Во вновь основанный город устремились, спасаясь от крепостничества, украинские и отчасти русские крестьяне, бывшие запорожцы, предприимчивые мещане и ремесленники из Подолья, Левобережья и Волыни, отставные солдаты, беглые раскольники и т. п. Этот украинский элемент заполнил слободки и пригороды и составлял значительную часть населения рабочих и бедняцких кварталов самого города.

В Одессе очень значителен был процент еврейского населения. По некоторым данным можно предполагать, что уже в Хаджибее жили евреи⁷. По неполным данным, в 1843 г. в Одессе насчитывалось 12 тыс. евреев⁸, а в 1855 г. — 17 тысяч⁹. В 1764 г. Новороссия была включена в состав «черты оседлости», и, естественно, этот быстро растущий город стал привлекать к себе еврейских ремесленников и мелких торговцев, задыхавшихся в экономически отсталых местечках Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы¹⁰.

⁵ Гроссман Л. «Пушкин в театральных креслах». Ленинград. 1926.

⁶ Сикар был автором «Lettres sur Odessa», впервые напечатанных в «Bibliothèque britannique» в 1808 г. и вышедших отдельным изданием в 1812 году.

⁷ Пен «Еврейская старина в Одессе». Одесса. 1900.

⁸ Финкель И. «О торговле, промышленности, просвещении и образовании одесских евреев», стр. 5. Одесса. 1843.

⁹ Tarnopol J. «Notices historiques et caractéristiques sur les israelites d'Odessa», p. 182. Odessa. 1855.

¹⁰ Боровой С. «Еврейская земледельческая колонизация в старой России», стр. 15, 108, 173 и сл. М. 1928.

Греческую колонию города образовали главным образом выходцы из Турции, спасавшиеся здесь от преследований и погромов в период греческого восстания. В Одессе греков называли «арнаутами».

II

Одесса 20-х годов прошлого века выступает перед нами, озарённая светлым именем Пушкина. Пушкин жил в Одессе с июля 1823 г. по август 1824 года.

Он с необычайной жадностью впитывал в себя впечатления от южного города, жившего молодой и яркой жизнью. Морской ветер доносил до него шум революционных и национально-освободительных битв в странах Южной Европы. С глубоким сочувствием и величайшим вниманием Пушкин следил за ходом греческого восстания. Он хорошо знал небольшой домик восточной архитектуры по Красному переулку, где собирался штаб организаторов восстания — греческая «гетерия».

Много любопытных людей встречал здесь сосланный поэт. Внимательно присматривался он к корсару Морали, долгие часы проводил в беседах с англичанином-доктором, у которого брал «уроки чистого афеизма», в то же время с интересом слушал мудрствования А. С. Стурдзы, его философское и богословское обоснование политики, «священного союза»¹. Со многими из тех, с кем Пушкин впервые встретился в Одессе, он продолжал поддерживать связи и много позже, живя в Петербурге².

Год жизни в Одессе для Пушкина был годом плодотворнейшей работы. Здесь он закончил «Бахчисарайский фонтан», написал «Цыганы», первые главы «Евгения Онегина» и несколько прекрасных лирических стихотворений.

Не успел Пушкин покинуть Одессу, как туда приехал в изгнание Адам Мицкевич (февраль—ноябрь 1825 г.) — гениальный польский поэт.

Пушкин навсегда запомнил Одессу. Ему принадлежит поэтически образная и в то же время чёткая конкретно-историческая характеристика Одессы тех лет:

«Я жил тогда в Одессе пыльной...
Где долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет Югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице весёлой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжёлый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали».

¹ Биографии одесских знакомых Пушкина помещены в 3-м выпуске сборника «Пушкин. Статьи и материалы». Одесса. 1926.

² «Рукою Пушкина». Несобранные и неопубликованные тексты, М. 1935.

Справедливо сетовал Пушкин на недостаточную благоустроенность молодого города, в первую очередь на пыль летом и грязь зимой. По словам А. Россет, записанным П. Бартевым, Пушкин остроумно назвал Одессу: «летом песочница, а зимой черпильница»³.

Довольно скоро Одесса превратилась в один из наиболее благоустроенных городов России. Город прославился не только своей несравненной планировкой — его улицы украшались великолепными сооружениями. В строительстве Одессы в первой половине XIX в. соревновались одарённые архитекторы Бофо, Тома де Томон, Фраполи, Торичелли и др. В эти годы была построена знаменитая лестница, ведущая из города в порт. Это — единственное в своём роде сооружение, имеющее 200 ступеней и 10 широких площадок. Замечательное по своим пропорциям здание биржи (потом здесь помещалась городская дума, позже обком партии), дворец Потоцких (ныне 1-я больница), так называемые Сабанские казармы и многие другие здания составляют блестящие архитектурные ансамбли, которые придают облику Одессы неповторимую прелесть и своеобразие и роднят этот город с Ленинградом. На бульваре, над лестницей, был поставлен памятник «Устроителю Одессы» — герцогу Ришелье, одно из лучших творений Мартоса.

К середине XIX в. Одесса стала одним из крупнейших городов России, занявшим в экономической и культурной жизни страны очень видное место. Годы генерал-губернаторства М. С. Воронцова (1823—1843) были годами особого расцвета города. На фоне крепостнической России Одесса являлась своеобразным городом. Руководящую роль в городе играли буржуазные элементы; здесь дышалось несколько свободнее, чем в остальной России: меньше чувствовался национальный гнёт, меньше было полицейского произвола. Воронцов, бесспорно, был одним из либеральнейших администраторов николаевской России.

Крымская война не отразилась сколько-нибудь серьёзно на жизни города. Бомбардировка города союзным флотом в 1854 г. причинила самые незначительные разрушения. Город был почти не защищён. Но героические действия батареи прапорщика Щёголева с её прислугой из добровольцев (преимущественно студентов лицея) заставили неприятельский флаг держаться на почтительном расстоянии.

III

Во второй половине XIX в. население Одессы увеличивалось необычайно быстро. В 1872 г. в Одессе насчитывалось 169 тыс.⁴, а в 1897 г. — 403,8 тыс. жителей. По коли-

³ «Русский архив». Кн. I за 1882 г., стр. 246.

⁴ 1 декабря 1892 г. в Одессе была проведена однодневная перепись населения по широкой программе, первая перепись такого типа в России. Материалы переписи в трёх томах были изданы к 100-летию юбилею города.

честву населения Одессы занимала третье место — после Петербурга и Москвы. По-прежнему ведущее место в экономике города занимал порт. За последние годы порт был технически переоборудован: портовые деревянные сооружения начиная с 1866 г. заменены каменными, построены новые молы, волнорез, эстакада и т. д. Громадное значение имела постройка железной дороги в 1865 г., которая связала Одессу с жизненными центрами страны и расширила экономические связи города. Отмена портофранко (1859) не подорвала значения Одессы среди других портов страны. В 1862 г. оборот Одесского порта составил 37 млн. руб., в 1872 г. — 112 млн. руб., в 1897 г. — 166 млн. рублей. По размерам оборота Одесский порт занимал второе место в стране, только несколько уступая Петербургскому.

Одновременно значительно вырос удельный вес промышленности в жизни города. Развитие капиталистических отношений в стране заметно сказалось и на росте Одессы. Одесса превратилась в довольно крупный промышленный центр. Об этом свидетельствует следующая таблица:

Годы	Число фабрик и заводов	Производство в млн. руб.
1858	66	4
1879	159	14
1890	306	29
1900	486	59

Основная выработка приходилась на предприятия легкой промышленности. Очень большую роль в производственной жизни города играли мастерские кустарного и полукустарного типа.

Благоустройство дворянско-буржуазных кварталов города всё время улучшалось. Одесса украшалась великолепными сооружениями, среди которых особенно выделялись здание биржи и замечательный Оперный театр. На центральных улицах вырастали десятки прекрасных жилых домов, богатые магазины и кафе. В приморских районах застраивались дачи и целые улицы изящных особняков и вилл (Малый Фонтан, Французский бульвар, улица Маразли и др.). Однако в дореволюционной Одессе, как и во всех капиталистических городах, была резкая разница между центральными кварталами и рабочими районами города, поражающими своей неблагоустроенностью и грязью — Молдаванкой, фабричным районом Пересыпью. Жалкий вид имели и другие предместья: Слободка-Романовка, Ближние и Дальние Мельницы и особенно припортовые кварталы.

Одесса превращалась в «образцовый» капиталистический город. Место негоцианта первой половины века заняли промышленники — грюндеры, биржевики и банковские дельцы. Не случайно, что именно в Одессе воспитывался С. Ю. Витте, в деятельности которого наиболее ярко отразился процесс превращения России из страны полукрепостнической в страну буржуазно-капиталистическую.

Также не случайно, что именно в Одессе зародилась и действовала первая в России рабочая организация — «Южнорусский рабочий союз», — основанная Е. Заславским в 1875 году. Союз существовал недолго, всего около года, но до разгрома его полицией сумел объединить около 300 рабочих и оставить след в истории рабочего движения нашей страны.

Одесса была также крупным центром народнического движения. Достаточно вспомнить о кружке Чудновского и о И. Ковальском, расстрелянном в 1878 г., о Лизогубе, Чубарове и Давиденко, повешенных за организацию покушения на царя в 1879 году. В Одессе же после покушения на прокурора Стрельникова был повешен Степан Халтурин (1880). В Одессе жил несколько лет А. Желябов. Он организовал здесь студенческие кружки и за участие в студенческих беспорядках был исключён из Одесского университета.

В 1900—1901 гг. в Одессе работала подпольная Южно-революционная группа — зародыш будущей одесской организации большевиков¹.

Во второй половине XIX в. в культурной жизни города происходят заметные сдвиги. Одесса окончательно утрачивает свой «левантийский» колорит.

Крупнейшим событием этого периода было открытие в 1865 г. Одесского или, как он назывался официально, Новороссийского университета².

В первые годы студентов в университете было немного, но постепенно количество их росло, в особенности с 1900 г., после открытия медицинского факультета. Кроме уроженцев южной части Украины Одесский университет привлекал много молодёжи с Кавказа, из Бессарабии, а также из среды балканских славян.

С первых же дней существования Одесского университета среди его профессуры мы встречаем много выдающихся учёных: ветеринарного физиолога И. Сеченова, бактериолога Илью Мечникова, основавшего в Одессе в 1886 г. первую в России Пастеровскую станцию, метеоролога Классовского, биолога Верриго, психолога Н. Ланге и др. В Одессе в течение многих лет преподавали знаменитый византинист Ф. Успенский, историк византийского и русского искусства Н. Кондаков, слависты Валтазар Богишич (составивший впоследствии Черногоское уложение), будущие академики В. Истрин, Б. Ляпунов и др. Среди профессоров-историков назовём изве-

¹ Подробные указания на материалы по истории революционного движения в Одессе собраны в следующем издании «Библиография революционного руху в Одессі». Одесса. 1933.

² По истории Одесского университета (кроме старой книги Маркевича «25-летие имп. Новороссийского университета») см. «Одесский университет за 75 лет (1865—1940)», под редакцией проф. К. П. Добролюбовского. Одесса. 1940.

стного специалиста по древней истории Украины и Польши И. Линниченко и историка-западника Е. Щепкина. Последний проделал чрезвычайно интересную идейно-политическую эволюцию. Влюбленный знаменитого русского актёра, он, вступив в ряды преподавателей университета, был очень далёк от политических интересов. Однако события революции 1905 г. превратили его в активного политического деятеля и члена 1-й государственной думы (фракция кадетов). После поражения революции он подвергался репрессиям. В 1917 г. проф. Щепкин стоял на значительно более левых позициях, а умер в 1920 г. членом ВКП(б) и комиссаром Одесской высшей школы¹.

С ростом реакции в стране Одесский университет стал пополняться преимущественно правыми профессорами. Одесский университет в это время приобрёл заслуженную репутацию одного из самых реакционных университетов страны.

В культурной жизни Одессы исключительно большую роль играл театр. Одесса славилась как театрално-музыкальный город. Там выступали выдающиеся труппы, в особенности оперные. В актёрской среде считалось, что «пройти» через Одессу не менее трудно, чем получить признание столичного зрителя.

Довольно видное место занимала Одесса тех лет в развитии украинской культуры. С конца 70-х годов здесь существовал кружок «Громады», находившийся под влиянием М. Драгоманова. В нём участвовало довольно много педагогов и студентов. В 80—90-е годы ввиду относительной «либеральности» одесской цензуры в Одессе был напечатан ряд украинских альманахов. Здесь же много лет работал выдающийся украинский библиограф и литературовед М. Комаров.

Совершенно исключительную роль играли Одесса в развитии еврейской культуры. В Одессе прожил всю свою писательскую жизнь родоначальник современной еврейской литературы И. Аксефельд; здесь творили долгие годы «дедушка» Менделе Мойхер-Сфорим (Ш. Я. Абрамович) и такой выдающийся писатель, как И. Линецкий. Здесь же некоторое время проживал Шолом-Алейхем, много раз вспоминая Одессу на страницах своих произведений. В Одессе написал свои наиболее замечательные произведения крупнейший, «почти гениальный», по словам М. Горького², еврейский поэт Х.-Н. Бялик.

Одесса была родиной еврейского театра. Здесь зритель увидел впервые спектакль на еврейском языке (1878). С 1882 г. до момента запрещения еврейского театра в 1905 г. в Одессе с большим успехом выступали труппы под руководством создателя еврейского театра А. Гольдфадена, О. Лернера и др.

¹ См. сборник «Памяти Е. Н. Щепкина». Одесса, 1927.

² Горький М. «Советская литература» (доклад на I-м всесоюзном съезде советских писателей), стр. 48. М., 1934.

IV

В начале XX в. вплоть до революции 1917 г. развитие Одессы шло замедленными темпами. Население города выросло примерно до полумиллиона (в 1915 г. — 488 тыс.).

Рост оборота порта значительно снизился по сравнению с предшествующими периодами в связи с усиливавшейся конкуренцией Николаева, Херсона, Ростова и других портов. Всё же Одесса оставалась самым крупным и наилучше оборудованным портом Черноморско-Азовского бассейна. На фоне общего роста капиталистического развития страны Одесса тех лет не выделялась ростом своей промышленной продукции. Валовая продукция промышленных предприятий в 1910 г. составляла 59 млн., в 1912—1914 гг. в среднем ежегодно достигала 110 млн. рублей. Всё же следует отметить, что в Одессе в те годы возник ряд крупных предприятий. Среди одесских фабрик преобладали предприятия пищевой и лёгкой промышленности, перерабатывавшие импортное сырьё (пробочный завод, джутовая фабрика, чайная фабрика и т. д.) или работавшие для экспорта (мельницы, маслобойные заводы и т. д.). Наряду с ними работали судоремонтные заводы, железнодорожные мастерские, крупные заводы сельскохозяйственных машин (например завод Гена) и др.

Общее количество фабричных рабочих в Одессе исчислялось примерно в 30 тыс. человек. Кроме того в Одессе было почти такое же число ремесленников и рабочих ремесленных мастерских, где царил «лоточный» режим.

Среди одесского пролетариата большое место занимали также моряки торгового флота и громадная армия портовых рабочих: всевозможные грузчики, «сносчики», «лопаточники», «зашивалки» и т. п. Эта группа рабочих постоянно находилась в неоплатном долгу у подрядчиков и была объектом злейшей эксплуатации.

Дореволюционная Одесса кишела многочисленными мелкими дельцами — спекулянтами, маклерами, — которым перепали жалкие крохи с богатого стола промышленников, крупных купцов и биржевых «королей», что накладывало известный отпечаток на всю общественную жизнь города.

Одесса была одним из крупнейших центров рабочего и революционного движения. Особенности состава одесского пролетариата, наличие большого количества ремесленников создавали благоприятную среду для развития в Одессе зубатовских организаций, возглавлявшихся доктором Шаевичем, анархистских кружков и еврейских националистических партий. Но зубатовцам удалось лишь временно добиться некоторого влияния на отдельные рабочие организации. Классовая борьба разгоралась в стране всё с большей силой. Неуклонно росло влияние некровцев на рабочие массы. В рядах одесской большевистской организации работали в те годы такие замечательные большевики, как Емельян Ярославский и Р. Землячка, а в годы реакции — В. Воровский. Одесские большевики с гордостью вспоминают,

что их делегатом на III съезде партии был В. И. Ленин

В революции 1905 г. Одессе принадлежит очень заметное место. Всем памятна общая стачка одесских рабочих, переросшая в вооружённую борьбу против царского самодержавия, и приход в Одесский порт восставшего против самодержавия броненосца «Потёмкин».

Ленин, как известно, придавал одесским событиям огромное значение и командировал в Одессу для объединения действий рабочих и матросов большевика Васильева-Южина. К осени 1905 г. революционное движение охватило всю страну. Громадный размах приобрела октябрьская стачка в Одессе, на которую правительство ответило кровавым еврейским погромом, рассчитывая этим гнусным путём отвлечь народные массы от революционной борьбы. Во время погрома было убито более 300 человек. Против полиции и черносотенцев героически боролись группы самообороны, в которых принимали участие рабочие и студенты. Городские власти подожгли порт с провокационной целью и расстреляли там до 2 тыс рабочих. В бурные дни октябрьской политической стачки в Одессе возник Совет рабочих депутатов, издавший несколько номеров своих «Известий».

После поражения революции 1905 г. наступили мрачные годы реакции. Царское правительство стало усиленно громить политические и экономические организации пролетариата.

В эти годы на всю Россию «прославились» одесские черносотенцы, в течение ряда лет безнаказанно терроризировавшие население города, орудовавшие в самом тесном контакте с полицией и властями. Печальную славу стяжал себе одесский градоначальник Толмачов, действовавший в стиле салтыковского Угрюм-Бурчеева. Черносотенцы из «Союза русского народа» оказались во главе одесской городской думы. Во главе с городским головой Пеликаном они побили все известные в тогдашней России рекорды по расхищению народных средств.

До революции университет был единственной высшей школой в Одессе, если не считать высшие женские курсы и высшие женские медицинские курсы, где преподавали те же профессора университета.

Только с 1911—1912 гг. Одесса стала несколько оправляться от экономической и культурной депрессии. В эти годы в Одессе была организована Торгово-промышленная выставка и построен электрический трамвай.

Для характеристики культурного уровня города в те годы отметим, что по размерам книжной продукции Одесса занимала четвертое место в стране — после Петербурга, Москвы и Киева¹. Так, в 1912 г. в Одессе было напечатано 1160 названий книг.

Вместе со всеми сознательными рабочими страны одесский пролетариат ответил на

одесский расстрел рабочих в апреле 1912 г. массовыми стачками. Первомайская забастовка 1912 г. в Одессе была самой крупной после революции 1905 года. Она носила яркий политический характер и проходила под большевистскими революционными лозунгами.

V

Война 1914—1918 гг. заметно отразилась на облике города. Население Одессы значительно выросло за счёт беженцев. Деятельность порта была совершенно парализована. Как и все крупные торгово-промышленные города страны, Одесса стала центром нездоровой военно-спекулятивной горячки. Для торгово-спекулятивных элементов — в Одессе особенно многочисленных — это была пора неслыханных барышей.

После февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в Одессе наряду с органами Временного правительства был создан Совет рабочих депутатов, который находился под влиянием меньшевиков и эсеров. В мае 1917 г. в Одессе был образован Исполнительный комитет советов румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерод). В нём также преобладали соглашатели. Великая пролетарская революция развивалась здесь в очень сложной обстановке. В борьбе за советскую власть приходилось преодолевать не только сопротивление всевозможных контрреволюционных организаций, но и враждебные советы власти националистические организации Центральной рады.

Несмотря на все эти трудности большевистское влияние на широкие трудящиеся массы неуклонно росло. Большевистская организация Одессы к октябрю 1917 г. насчитывала 3400 человек. Рабочие и революционные солдаты одесского гарнизона — Ахтырского, Колонтовского, пулемётного, кавалерийских полков, моряки «Синопа» и др. — энергично поддерживали большевиков в борьбе за советскую власть. Под давлением революционных масс даже соглашательский Одесский совет ещё в августе вынужден был принять решение о вооружении Красной гвардии. Как только были получены известия о восстании в Петрограде, рабочие Одессы и солдаты революционных частей гарнизона выразили свою солидарность с петроградскими рабочими и солдатами.

II съезд представителей румынского фронта, происходивший в Одессе 12 декабря 1917 г., проходил под большевистскими лозунгами. Рабочие под руководством большевиков готовились к решительным действиям. 15—16 января 1918 г. на улицах Одессы разгорелись ожесточённые бои рабочих, революционных солдат и матросов с офицерами, юнкерами и гайдамаками. Восставшие рабочие победили. 27 января в Одессе была установлена советская власть.

Советская власть существовала в Одессе недолго — только до 13 марта 1918 г., когда город был занят при содействии буржуазной Центральной рады германо-австрийскими оккупантами. До окончательного утверждения советской власти Одесса прошла через

¹ «Статистика произведений печати, вышедших в России в 1912 году». СПб, 1914.

«лишнюю полосу «замен властей» и хозяйничания белогвардейцев и оккупантов¹. Месяцы оккупации были периодом жестокого террора. Оккупанты унижали человеческое и национальное достоинство населения, уничтожили все политические свободы и социальные завоевания рабочих, грабили и убивали жителей. Это было время почти полного паралича промышленности и роста массовой безработицы. Одесские рабочие под руководством большевистской партии героически боролись против оккупантов и гетманщины.

Большевики организовали стачки, вооружённые выступления и руководили крестьянским партизанским движением. 31 августа 1918 г. одесские партизаны взорвали громадные артиллерийские склады. Под влиянием большевистской агитации оккупационные войска разлагались. В ноябре 1918 г. австро-германские оккупанты были изгнаны из Одессы. Жители Одессы хорошо помнят, с какой поспешностью немецкие оккупанты оставляли город: они бросали не только награбленное добро, но и военное имущество. Начальник австрийского гарнизона в Одессе генерал Бельц нашёл для себя единственный выход в самоубийстве. Советский город был освобождён от ненавистного немецкого ига. Но 26 ноября 1918 г. в Одесском порту высадился франко-греческий десант. Началась новая полоса контрреволюции. От рук интервентов погибло немало отважных сынов свободолюбивого города. Навсегда останутся в памяти имена героев одесского большевистского подполья: Николая Ласточкина, бесстрашных членов «Иностранной коллегии» — Жанны Ляурб, Жака Елина и др.

Под влиянием Октябрьской социалистической революции и большевистской агитации в Одесском порту вспыхнуло восстание моряков французского военного флота под руководством Андре Марти. В начале апреля 1919 г. боязнь дальнейшего распространения большевистских идей заставила французское правительство прекратить интервенцию. В Одессе установилась советская власть.

Второй период советской власти в Одессе был тоже не очень продолжительным. 23 августа 1919 г. в Одессу ворвались денкинские банды. В этот момент вспыхнул мятеж в немецких колониях, расположенных по соседству с Одессой. Немецкие колонисты готовились нанести предательский удар в спину красным частям, залить кровью рабочие кварталы Одессы и нажиться на её разграблении. Но немецкие кулаки просчитались. У одесских рабочих за несколько дней до взятия города денкинцами ещё хватило сил, чтобы подавить мятеж немецких колонистов, этих злейших врагов страны, которая их приютила и на землях которой они богатели.

¹ Отмечу здесь чрезвычайно важное пособие для истории Одессы периода гражданской войны: «Одеська періодична преса, р. 1917—1921». Одесса, 1929. («Праці Од. Центральної наукової бібліотеки», т. III.)

Полгода в Одессе хозяйничали денкинцы, с 23 августа 1919 г. до 7 февраля 1920 года. Эти месяцы вызвали дальнейший упадок культурной и хозяйственной жизни города. В борьбе с денкинцами в этот период пало немало героев одесского партийного и комсомольского подполья (вспомним 17 одесских комсомольцев, замученных денкинцами).

VI

Советская власть окончательно утвердилась в Одессе 7 февраля 1920 года.

Хозяйничание белогвардейцев и оккупантов причинило городу неисчислимые потери. Промышленность совершенно замерла. В 1920 г. промышленная продукция одесских предприятий составляла 8,3% довоенной². Порт был полностью парализован, коммунальное хозяйство разрушено. Резко уменьшилось население города. В августе 1920 г. насчитывалось 428 тыс. жителей, но голод 1920—1921 гг., эпидемии повлекли ещё дальнейшее уменьшение населения, и во время переписи 15 марта 1923 г. зарегистрировано в городе только 299 тыс. жителей.

Но вот наступил период восстановления, и советская Одесса начала залечивать раны. К 1927 г. промышленность её достигла довоенного уровня. Население города к 1926 г. увеличилось до 420 тысяч.

Коренной перелом в жизни города наступил в годы сталинских пятилеток. За этот период Одесса превратилась в крупный индустриальный центр, возникла новая, социалистическая, советская Одесса. За годы первой и второй пятилеток в городе построено свыше 30 новых крупных промышленных предприятий.

По переписи 1939 г., в Одессе насчитывалось 604 тыс. населения. Таким образом, по населению Одесса занимала 7-е место в стране. В результате более быстрых темпов развития некоторых промышленных и республиканских центров Одессу за эти годы «перегнали» Киев, Харьков, Баку и город Горький.

В 1938 г. промышленность Одессы выпустила продукцию на 1133 млн. руб. в неизменных ценах 1926 г., т. е. в 7,5 раза больше довоенного уровня. 70% всей продукции давали новые или реконструированные предприятия. Наряду с ростом промышленности произошли глубокие изменения и в её структуре. Если в дореволюционной Одессе на долю металлообрабатывающей промышленности приходилось только 12%, а на долю пищевой — 62%, то в 1936 г. продукция металлообрабатывающей промышленности составляла около 34% валовой продукции промышленности Одессы, а пищевая — 29%.

² Цифровые данные по демографии и экономике Одессы, приводимые в этой главе, извлечены из ещё не опубликованной работы кандидата географических наук Г. В. Нухимсона «Экономико-географический очерк г. Одессы».

Широкую известность по всей стране приобрели Одесский станкостроительный завод, завод сельскохозяйственных машин имени Октябрьской революции, завод киноаппаратуры, завод подъёмных механизмов, кинофабрика, джутовая фабрика, консервные и кондитерские предприятия и др. По размерам химической промышленности Одесса занимала одно из первых мест в УССР, уступая лишь Донбассу. Кроме того в Одессе имелось много более мелких предприятий. Всего в Одессе накануне Отечественной войны было около 400 промышленных предприятий.

За годы советской власти Одесса стала одним из крупнейших транспортных узлов Советского Союза. Обороты одесского железнодорожного узла к 1938 г. удвоились по сравнению с довоенным уровнем, обороты порта к 1939 г. достигли 125% довоенного уровня, причём 49% погрузочных операций были механизированы.

Благодаря благоприятным климатическим условиям и наличию в окрестностях Одессы лечебных грязей (лиманов) она стала крупнейшим в стране курортным центром. В Одессе и её окрестностях находились 40 прекрасных санаториев и 20 домов отдыха. На долю одесских курортов приходилось 12% коек всесоюзной курортной сети, а по всей Украине — 60%. Богатство и разнообразие целебных факторов и постоянные заботы советского правительства с здоровьем трудящихся обеспечивали одесским курортам широчайшие возможности для дальнейшего развития.

Но ещё большее значение Одесса приобрела как один из крупнейших культурных центров нашей страны. По количеству высших учебных заведений Одесса занимала 5-е место в стране. В 1913 г. в Одессе было только 4 высших учебных заведения. Накануне злодейского нападения гитлеровской Германии на Советский Союз в Одессе насчитывалось 16 высших учебных заведений, в которых обучалось 22 тыс. студентов. Среди высших учебных заведений первое место занимал университет, в котором было в 1940 г. 2488 студентов и 300 чел. профессорско-преподавательского состава; затем шли: Медицинский институт (созданный на базе медицинского факультета старого университета), Институт инженеров водного транспорта, Индустриальный институт, Кредитно-экономический институт и др.

Среди 25 научно-исследовательских институтов, работавших в Одессе, некоторые приобрели всесоюзную и даже всемирную известность. Достаточно назвать Институт экспериментальной офтальмологии, руководимый акад. В. П. Филатовым, где проводились знаменитые операции по пересадке роговицы, и Генетико-селекционный институт акад. Т. Д. Лысенко, где впервые производились всемирноизвестные опыты по яровизации.

Одесса стала городом замечательных библиотек и музеев. Публичная библиотека, обладающая одним из лучших библиотечных этаний в стране, в 1940 г. насчитывала более

2 млн. книг, в 1916 г. в этой библиотеке насчитывалось 188 тыс. книг. Университетская библиотека, имевшая в 1915 г. 290 тыс. книг, в 1940 г. насчитывала до 1400 тыс. книг. Обе эти библиотеки принадлежали к числу крупнейших мировых книгохранилищ. Наряду с этими научными библиотеками в городе развернулась большая сеть библиотек массового пользования.

Одесский историко-археологический музей за эти годы значительно пополнил свои собрания (главным образом в результате раскопок в Ольвии и в других местах Черноморского побережья) и упрочил своё положение обладателя коллекции мирового значения по скифо-сарматам, трипольской культуре, греческим колониям и т. д. Жалкий старый городской музей дооктябрьского периода за годы советской власти совершенно преобразился и был разделён на два музея — русской и иностранной живописи. В Одессе был также единственный в Союзе музей еврейской культуры имени Менделеева Мойхер-Сфорима с очень ценными художественными, литературными и этнографическими собраниями.

Место Одессы в культурной жизни страны, особенно ярко выступит перед нами, если мы перечислим наиболее известных советских писателей, уроженцев Одессы, начавших в ней свою литературную деятельность: Э. Багрицкий, И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев, В. Инбер, М. Алигер, Л. Славин, Ю. Олеши, К. Паустовский, С. Кирсанов и др. В творчестве всех перечисленных выше писателей «одесская тема» занимает очень большое место. Достаточно напомнить повесть В. Катаева «Белеет парус одинокий», которая в замечательной чистоте донесла до нас аромат Одессы 1905 года.

Особую известность приобрела в последние годы Одесса как «рассадник» музыкальных талантов. Широчайшей популярностью пользуется имя замечательного музыканта-педагога проф. П. С. Столярского (умер в 1944 г.), который воспитал целую плеяду выдающихся музыкантов нашей страны. Многие лауреаты всемирных и всесоюзных конкурсов являлись питомцами одесских музыкальных школ. Назовём некоторых из них: брат и сестра Гилельс, Д. Ойстрак, Б. Гольдштейн, Я. Зак, Т. Гольдфарб.

Так росла, богатела и расцветала советская Одесса. Прекрасный город, пленявший издавна своими замечательными архитектурными ансамблями и планировкой, за годы советской власти украсился многими новыми сооружениями, из которых особенно выделялись здания Консервного института (архитектор — А. Б. Минкус) и музыкальной школы имени П. С. Столярского (архитектор — Ф. А. Тропянский).

Вероломное нападение гитлеровской Германии и её вассалов на Советский Союз нарушило мирный труд жителей замечательного советского города.

VII

Героическая оборона Одессы с 7 августа по 17 октября 1941 г. вошла в летопись Ве-

ликой отечественной войны как одна из самых величественных её страниц «Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы», — писал товарищ Сталин в приказе от 23 февраля 1942 года.

Защита Одессы была первым опытом обороны города — той новой формой борьбы, которой Красная Армия обогатила военное искусство нашего времени.

Подступы к Одессе стали могилой для кадровой румынской армии, и она уже не смогла оправиться от понесённых потерь. Под Одессой погибли и отборные полки немецко-фашистской армии. 18 неприятельских дивизий оказались связанными под Одессой в самые напряжённые дни войны. Неприятель потерял под Одессой до 250 тыс. солдат и офицеров. Длительная оборона Одессы дала возможность эвакуировать важнейшие предприятия города, вывезти десятки тысяч жителей и этим спасти их от гибели или рабства.

Красноармейцы, матросы и жители Одессы, защищавшие город, проявили исключительный героизм. Одесские комсомольцы послали на защиту родного города 11 тыс. добровольцев, парторганизация города из 22 тыс. послала на фронт 20 тыс. человек.

Трудящиеся города, главным образом женщины, подростки и старики, в необычайно короткий срок построили на улицах Одессы 243 баррикады. Они проявили невиданный героизм на производстве, обеспечивая необходимыми боеприпасами защитников города. При отсутствии необходимых материалов и оборудования рабочие и инженеры обнаружили исключительную изобретательность и смекалку, изготавливая оружие и боеприпасы. Интеллигенция города

боролась в рядах Красной Армии или работала на оборонных предприятиях¹.

Страна и правительство высоко оценили героев обороны Одессы. Сотни участников её получили ордена и медали, для всех участников защиты Одессы была установлена особая медаль — «За оборону Одессы». 70 дней продолжалась героическая оборона Одессы. Только по решению Верховного Главнокомандования Красная Армия оставила город.

Начался страшный период в истории Одессы. Румыно-немецкие злодеи грабили и разрушали город. «Герои душегубок», они уничтожили десятки тысяч жителей, залили камни города кровью женщин, детей и стариков.

Никогда не забудет и не простит наш народ чудовищные преступления немецко-фашистских злодеев. Он потребует их к ответу!

Одесситы не склонились перед захватчиками. Как и все советские люди, оказавшиеся на территории, временно захваченной врагом, они не только с непоколебимой верой ждали своего освобождения — они боролись. Одесские партизаны держали в страхе румынских оккупантов и их немецких хозяев.

Два с половиной года жители Одессы томилась под тяжёлым игом немецко-фашистских и румынских захватчиков. Победоносные советские войска разгромили немецкую оборону на юге и 10 апреля 1944 г. освободили Одессу от ярма невольничьего рабства. Снова реет красное знамя над любимым солнечным городом. С небывалым подъёмом советский народ залечивает раны освобождённой Одессы.

¹ См. подробнее Сосновский И. «Героическая оборона Одессы». «Исторический журнал» № 1 за 1942 год.

ПАМЯТИ Е. М. ЯРОСЛАВСКОГО

Е. М. ЯРОСЛАВСКИЙ — РЕДАКТОР «ИСТОРИКА-МАРКСИСТА» И «ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»

И. Кудрявцев

Редактором журнала «Историк-марксист» Е. М. Ярославский стал в середине 1938 года. Четвёртая книжка журнала, за июль—август, вышла за его подписью как редактора.

До того как Е. М. стал редактором, «Историк-марксист» находился в тяжёлом положении. Отсутствовали связи с широкими кругами научно-исторической общественности, острые и актуальные проблемы, встававшие перед историками, на страницах журнала не находили своего отражения. Отсутствовало или почти отсутствовало освещение вопросов истории ВКП(б), истории советского периода, послевоенного периода всемирной истории и др. К этому нужно добавить и то, что журнал выходил редко — раз в два месяца — и нерегулярно. Всё это делало журнал более похожим на ведомственные академические, в плохом смысле слова, записки, нежели на журнал, призванный освещать и направлять работу широких кругов историков. А между тем к журналу предъявлялись высокие требования. Замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова на конспекты учебников истории, вышедший «Краткий курс истории ВКП(б)» поставили перед историческим фронтом ряд новых задач, потребовали коренной перестройки всей работы историков. На журнал «Историк-марксист» ложилась ответственная задача — сыграть ведущую роль в этой перестройке, стать центром, который бы объединял и направлял историков на выполнение указаний партии и правительства.

В лице Е. М. Ярославского журнал получил идеального редактора, счастливо и с избытком сочетавшего в себе все качества, нужные для этой работы: разносторонние знания в области истории и широкий теоретический кругозор, глубокую политическую ориентировку и острое чутьё современности, свойственное партийному публицисту и пропагандисту. Е. М. Ярославский, как никто из историков, умел связать, казалось бы, самые отдалённые вопросы истории с современной, текущей политической жизнью, умел выделить главное и определить те конкретные вопросы, которыми должна заняться историческая наука. К его голосу в одинаковой степени прислушивались и старики — заслуженные учёные — и молодёжь, только что начинающая свою научную деятельность. Для них мнение Е. М. Ярославского было мнением крупного и авторитетного учёного-историка и в то же время виднейшего деятеля нашей большевистской партии.

Под руководством тов. Ярославского журнал зажил новой жизнью. Поднялся его научный и теоретический уровень, расширился круг освещаемых вопросов, появились статьи и материалы на актуальные темы. Журнал стал откликаться на все более или менее крупные события как в жизни страны, так и на историческом фронте. Пример подавал сам Емельян Михайлович.

В № 5 «Историка-марксиста» за 1938 г. появилась статья Е. М. Ярославского «Краткая энциклопедия большевизма», посвящённая выходу в

свет «Краткого курса истории ВКП(б)». Изложив основное содержание вышедшей книги, дав общую оценку теоретического и политического значения её, автор специально остановился на вопросе, что даёт эта книга историкам и какие выводы для своей работы они должны сделать из этой книги. «Неоднократно товарищ Сталин в течение этого периода ставил перед нами требование повышения качества нашей работы по изучению нашего прошлого,— писал тов. Ярославский. — ...Только что вышедший «Краткий курс истории ВКП(б)» построен именно на основе этих указаний товарища Сталина... Ряд вопросов не только истории нашей партии, но и истории СССР должен быть поставлен по-новому, исходя из тех высоких требований, какие предъявляет ко всякому историку «История ВКП(б)» под редакцией комиссии ЦК».

В № 4 «Историка-марксиста» за 1939 г. Е. М. Ярославский опубликовал новую статью, под характерным названием «Невыполненные задачи исторического фронта». В этой статье, а также в докладе на эту тему, прочитанном на собрании Отделения общественных наук Академии наук СССР, тов. Ярославский подвёл итоги пройденному исторической наукой пути со времени опубликования «Замечаний» товарищей Сталина, Жданова, Кирова и «Краткого курса» и сформулировал задачи, которые стоят перед исторической наукой¹. Следует отметить, что эти задачи не устарели и по сие время, а задачи создания в СССР мирового центра славяноведения, более интенсивного и широкого изучения истории советского периода, истории русской культуры и общественной мысли, истории войн и русского военного искусства в настоящее время, в условиях Великой отечественной войны, приобрели ещё большее значение и остроту.

В этой своей статье тов. Ярославский подверг резкой критике попытки некоторых историков пересмотреть марксистско-ленинские взгляды на отдельные вопросы истории СССР и всеобщей истории. Он разоблачил попытки превратить в героев русского народа таких людей, как генерал Скобелев. «Мы воскрешаем подлинные образы героев,— писал Ярославский,— которые не жалели своей жизни и все свои силы, свой ум, свои таланты отдавали на борьбу за независимость, за самостоятельность своего народа. Но мы должны решительно бороться против того, чтобы в качестве героев прославлять людей, которые свой ум, таланты и энергию отдавали на угнетение народов, населяющих Россию». Тов. Ярославский указал, далее, на факты извращений и некритического применения учения марксизма-ленинизма в вопросе о войнах справедливых и несправедливых. В частности он категорически осудил тех, кто, вопреки прямым высказываниям по этому вопросу Маркса и Ленина, пытался объявить справедливой Крымскую войну. Также решительно осудил он и попытку ревизовать взгляды классиков марксизма на роль «Священного союза».

Особенно велико значение для исторической науки статьи Е. М. Ярославского «О ближайших задачах исторической науки в СССР», опубликованной после слияния журналов «Историк-марксист» и «Исторический журнал» в № 6 «Исторического журнала» за 1942 год. В этой статье, исходя из указаний товарища Сталина о роли советских учёных в Отечественной войне против немецкого фашизма, Е. М. Ярославский определил место, которое должен занять исторический фронт в общенародной борьбе, наметил конкретную программу, для выполнения которой историки СССР должны объединить и напрячь все свои усилия. «Каждый историк должен проверить накопленные им знания,— писал Емельян Михайлович,— должен перебрать весь арсенал исторической науки в той области, которую он лучше изучил, с одной целью — лучше применить эти накопленные знания, лучше использовать исторические

¹ См. подробнее об этом в статье А. М. Панкратовой «Ярославский как историк» в № 4 «Исторического журнала» за 1944 год.

события прошлых времён для того, чтобы укрепить в народе уверенность в неизбежности нашей победы, неизбежности гибели врага».

Перечислив вопросы, разработкой которых должны заняться историки, Е. М. Ярославский закончил статью следующим, весьма важным заявлением: «Работы историков должны приобрести политическую остроту, диктуемую моментом, ту силу научной объективности и исторической правды, которая убеждает, покоряет и вместе с тем ярко освещает примерами прошлого пути к победе. Историческая наука должна быть такой же боевой, как и всякая другая наука в СССР. Не оборона против фашистских уклонков, фальсифицирующих историю, а нападение, наступление — вот чем должна быть проникнута работа историков СССР».

Эта статья Е. М. Ярославского положила конец настроениям, имевшимся у некоторой части историков, прекратить на время войны научно-исследовательскую деятельность и перейти исключительно к популяризаторской и пропагандистской работе, покончила с колебаниями части историков в выборе тематики своих работ, помогла историкам яснее и глубже осознать их долг перед родиной. Выдвинутая Е. М. Ярославским программа ближайших работ историков была положена в основу планов Института истории Академии наук СССР, Комиссии по истории гражданской войны, Комиссии по составлению хроники Великой отечественной войны, ряда кафедр высших учебных заведений, и, наконец, самого «Исторического журнала». Ряд крупных исторических работ, опубликованных за время Отечественной войны, и большое количество пока не опубликованных или полностью ещё не завершённых, были задуманы и созданы не без влияния, помощи и руководства тов. Ярославского.

За время своей редакторской работы в журнале, кроме уже перечисленных, тов. Ярославский поместил ещё следующие статьи, связанные с крупнейшими политическими или историческими датами: «Историческое значение II съезда РСДРП», «О роли интеллигенции прежде и теперь», «К итогам XVIII съезда ВКП(б)», «Классики марксизма о французской буржуазной революции XVIII в.», «О жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского», «Маркс и Энгельс о России», «Сталин — это Ленин сегодня», «Ленин и Сталин — организаторы побед советского народа», «Первые три месяца Великой отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии», «Славный боевой путь (К 30-летию «Правды»)», «Историческое значение Великой Октябрьской революции», «Провозвестник нового мира (К 60-летию смерти Маркса)».

В этих статьях Е. М. Ярославский мастерски сочетал политическую злободневность с глубоким теоретическим и научным содержанием. Особенно это относится к статьям о Марксе и Энгельсе, Ленине и Сталине, о Чернышевском, к статьям по вопросам истории партии. Каждая из этих статей явилась ценным вкладом в научную и теоретическую разработку данного вопроса.

Известно, что история нашей партии, история развития русской общественной мысли являлись центром научных интересов Е. М. Ярославского. Его перу принадлежит ряд работ по истории ВКП(б), истории революции в России, биографии Ленина и Сталина. Длительное время он собирал материалы по истории распространения марксизма в России, и только смерть помешала ему написать на эту тему большую монографию. Таким образом, тематика его статей в журнале не определялась какими-либо случайными обстоятельствами, а вытекала из его научных и теоретических интересов. Его статьи всегда являлись результатом большой предварительной работы и имели большую познавательную ценность.

Е. М. Ярославский постоянно требовал от работников редакции установления самых тесных связей и общения с историками. При этом он всегда подчёркивал, что задачи, возложенные на журнал, могут быть им выполнены только при том условии, если журнал воздействие на историков со своих страниц дополнит воздействием в процессе повседневного

общения с ними. С этой точки зрения Е. М. Ярославский придавал большое значение различного рода совещаниям историков, созываемым редакцией журнала. Одним из видов таких совещаний были ежегодные совещания историков по обсуждению отчёта журнала за истекший год и планов журнала на будущий год. Эти совещания пользовались большой популярностью среди историков. Обычно на них подвергались обсуждению не только отчёты и планы журнала, но и вопросы работы исторических учреждений и кафедр высших учебных заведений. Ценность таких совещаний увеличивалась ещё и тем, что тут же намечались авторы статей на темы, включённые в план журнала и одобренные совещанием. Затем, как правило, тематика журнала включалась в планы Института истории АН СССР и кафедр московских высших учебных заведений. Помимо таких совещаний, опять-таки по указанию Е. М., при редакции проводились совещания историков для обсуждения отдельных проблем истории, вызвавших разногласия, или вышедших книг, представляющих крупное событие на историческом фронте. Проводились совещания и историков определённой специальности. В работе всех таких совещаний Е. М. принимал самое живое участие. Материалы этих совещаний обычно подробно освещались на страницах журнала.

Но такие совещания охватывали лишь столичных историков. Между тем большая часть историков живёт и работает в краях, областях и национальных республиках нашей страны. Перед журналом, таким образом, стояла настоятельная задача — установить тесную связь и общение с этими кадрами историков. Е. М. Ярославский постоянно напоминал работникам редакции об огромном политическом и научном значении привлечения местных научных учреждений, архивов и отдельных историков для выполнения задач, стоящих перед историческим фронтом, в частности для разработки и написания истории отдельных народов нашей страны.

Выполняя указания своего редактора, редакция установила оживлённую переписку со значительным количеством местных историков и исторических учреждений. За время своего редакторства Е. М. несколько раз обращался с личным письмом к наиболее видным историкам периферии с просьбой высказаться о работе журнала, внести свои предложения об улучшении его работы, а также с просьбой сотрудничать в журнале. Обычно такие обращения Е. М. Ярославского не оставались без ответа. В редакции собиралось большое количество отзывов и предложений, которые она учитывала в дальнейшей работе. Не довольствуясь письменной связью, в 1940 г. работники редакции посетили Киев, Одессу, Харьков, Симферополь, Ленинград, Петрозаводск, Минск, Белосток, Вильно, Тбилиси, Ереван, где провели совещания историков с обсуждением отчёта журнала и планов его работы. На этих же совещаниях велись переговоры о формах участия местных историков в работе журнала. Материалы поездок были опубликованы в журнале и сыграли серьёзную роль в обмене научным опытом. К сожалению, эти поездки были прерваны начавшейся войной. Уже во время войны, в начале 1942 г., Е. М. Ярославский обратился с личным письмом к деканам истфаков и заведующим историческими кафедрами с просьбой, чтобы они осветили на страницах журнала свою работу в условиях Великой отечественной войны. Полученные подробные сообщения были опубликованы в «Историческом журнале». Они показали большую пропагандистскую и научную работу историков, показали, что историки активно включились в общенародную борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, вкладывая в неё все свои знания, все свои силы. Вместе с тем полученные сообщения дали возможность точнее определить и планы дальнейшей работы исторических учреждений. Установившиеся тесные связи журнала с местными историками не оборвались и во время войны, они нашли, в частности, своё выражение и в том факте, что из года в год росло и про-

должает расти количество помещённых в журнале статей, написанных местными историками.

Огромное значение придавал Е. М. отделам критико-библиографическому и хронике. В первом отделе он видел широкое орудие воздействия на содержание научно-исследовательской работы историков, а во втором — трибуну взаимной информации и обмена опытом научной работы. Поэтому он предлагал не жалеть страниц журнала для материалов по этим отделам. Тов. Ярославский требовал, чтобы ни одна опубликованная и заслуживающая внимания работа историка не прошла мимо журнала, чтобы ей дана была соответствующая оценка. Будучи великолепно осведомлён о вновь вышедшей исторической литературе не только в СССР, но и за границей, он часто по телефону или запиской обращал внимание работников редакции на ту или иную работу и предлагал поместить о ней рецензию. Такие записки, как: «Надо дать небольшую рецензию на брошюру Л. Майрановского «Батумская демонстрация», «Используйте эту рецензию хотя бы для краткой аннотации» (речь шла о рецензии на книгу М. Вернера «Великое наступление». — И. К.). «Поручите кому-либо сократить реферат о книге Хирншоу для «Ист. журнала» на $\frac{1}{2}$ печатн. листа, — выжать самое важное», — были обычным явлением в жизни редакции. Иногда тов. Ярославский писал рецензии сам. Так, в 1941 г. им были написаны рецензии на книги Д. Ю. Берлинского «Ладос Кецховели в Киеве» и Саво Меденица «Россия и славянство».

Тов. Ярославский требовал самого серьёзного отношения к рецензиям. Он был врагом как рецензий «разносных», наезднических, так и рецензий необоснованно хвалебных или ничего не говорящих (поверхностных). Он требовал, чтобы рецензия подробно разбирала книгу, с полным знанием существа дела, чтобы книге была дана обоснованная оценка. Вот почему он всегда настаивал на привлечении к рецензированию высококвалифицированных специалистов, достаточно знающих и авторитетных, чтобы по-настоящему оценить работу. Точно такие же высокие требования предъявлял Е. М. Ярославский и к материалам отдела хроники. Настаивая на максимально широком освещении работы исторических учреждений, кафедр и отдельных историков, он одновременно требовал помещения материалов только проверенных, оценок только правдивых, без каких-либо элементов как самовосхваления, так и затирательства. Особое значение он придавал рефератам, защищённых докторских и кандидатских диссертаций, справедливо считая, что опубликование этих материалов значительно оживит научную мысль на историческом фронте.

Так, используя различные формы, журнал стал объединять и сплачивать широкие круги историков и направлять их работу.

Е. М. всегда охотно писал для журнала. Не было такого случая, когда бы он отказался выполнить просьбу редакции написать статью, хотя он всегда был чрезвычайно занят, а в последний год и серьёзно болен. Уже будучи прикованным к постели, Е. М. всё же дал согласие написать статью о Ленине для первого номера «Исторического журнала» за 1944 год. Преждевременная смерть не дала ему возможности выполнить своего обещания.

Как автор, Е. М. отличался необычайной аккуратностью и скромностью. Он всегда в срок выполнял свои обязательства перед журналом и никогда не отказывался принять замечания и предложения по своей статье. В редакции сохранился документ, ярко характеризующий эту черту тов. Ярославского. По просьбе редакции «Исторического журнала» он написал статью «Провозвестник нового мира (К 60-летию смерти К. Маркса)». Направляя статью в редакцию, он сопроводил её следующим письмом: «Дорогие товарищи! Извиняюсь, что на два дня я задержал статью о Марксе (я обещал крайний срок — 10 февраля). Если бы Вы

знали, как мне трудно выдержать сроки при моей нагрузке и некотором расстройстве здоровья! Но я надеюсь, что журнал не задержится. Прошу Вас очень учесть, что статья написана в большой спешке, её можно улучшить, я сам чувствую, что чересчур большие цитаты. Но не успею её переделать, а прошу Вас поработать над статьёй. С товарищеским приветом Е. М. Ярославский». Нужно сказать, что эта статья принадлежит к числу лучших статей Е. М. и не потребовала почти никакой работы со стороны редакции.

Таков был всегда Е. М. как автор — акуратный до педантичности, без ложного авторского самолюбия, всегда готовый выслушать и принять все дельные замечания своих товарищей по редакции.

Е. М. много работал для журнала как автор, но ещё больше он работал в журнале как редактор. Взяв на себя обязанности редактора, он не отнёсся к ним формально и не передоверил работу редакционному коллективу. Несмотря на свою загруженность он прочитывал весь подготовленный номер от корки до корки. Больше того: статьи, имеющие принципиальное значение, он прочитывал по несколько раз: и тогда, когда они поступали от автора, и тогда, когда они были подготовлены к печати.

В конце 1942 г., учитывая большую занятость Е. М. и его пошатнувшееся здоровье, работники редакции не хотели утруждать его, посылая для чтения весь материал текущего номера журнала. На запрос по этому поводу последовал краткий, но очень выразительный ответ: «Статьи № 1 буду читать все». Слово «все» Е. М. подчеркнул. И так продолжалось до лета 1943 г., когда его болезнь особенно обострилась. Но и тогда все передовые статьи журнала, а также статьи, имеющие особенно важное значение, он попрежнему сам читал и правил. Будучи требовательным к себе, Е. М. был столь же требователен и к авторам статей. Часто он возвращал статьи с целым рядом поправок, замечаний на полях и т. д. В редакции сохранился ряд его писем, сопровождавших прочитанные им статьи. Поскольку они показательны для характеристики редакторского стиля Е. М., приведу некоторые из них: «Статья о книге товарища Сталина, по-моему, удачно написана. Я её тщательно просмотрел, кое-где выправил, дополнил. Проследите ещё раз, чтобы сталинские формулировки не подверглись упрощению в «вольном изложении». Вот отзыв о другой статье: «В статье... надо больше сказать о Ленинграде, использовать отзывы иностранной печати последних дней и речь тов. Щербакова... Учтите мои поправки». О третьей статье: «Согласен с товарищами по редакции в оценке статьи. Сократить её надо... вычеркнув то, что менее важно, и сократив отдельные рассуждения». И, наконец: «Статья... интересна. Замечаний серьёзных у меня нет. Редакционные мелкие замечания см. на полях и в тексте». И так всегда. Сколько нужно было потратить труда, чтобы так тщательно просматривать ежемесячно 10—7 печатных листов! А между тем его работа в журнале этим не ограничивалась.

Е. М. Ярославский регулярно проводил заседания редколлегии, вёл обширную переписку с авторами, занимался не только утверждением тематики журнала, но и подбором авторов. Особенно возросла эта сторона редакторской работы Е. М. во время Отечественной войны. Война выдвинула перед историками новые задачи. Новые требования она предъявила и к журналу. В начале войны журнал «Историк-марксист» слился с «Историческим журналом». Нужно было подобрать состав редакционных работников, поскольку значительная часть старых работников ушла в армию. Нужно было определить лицо нового журнала, изменить тематику статей, а в связи с этим нужно было собирать и новые кадры авторов. Целиком заслугой тов. Ярославского является то, что журнал стал систематически помещать статьи по истории Отечественной войны. Он не только поставил перед редакцией эту задачу, но и помог осуществить её, привлекая к сотрудничеству в журнале ряд военных историков.

Тов. Ярославский занимался не только принципиальной стороной работы журнала: он вникал и во все технические детали оформления и выпуска журнала. Он добивался, чтобы журнал выходил в срок, и строго осуждал всякую задержку. Он требовал, чтобы журнал был красиво оформлен: сам рассматривал и утверждал макеты обложки, расположение отделов в журнале, порядок вёрстки статей. Мимо него не проходил и вопрос о шрифтах, которыми набирались статьи. Когда, например, встал вопрос о сокращении в связи с военными обстоятельствами объёма «Исторического журнала» с 10 до 7 листов, дабы не уменьшать ёмкости журнала, Е. М. одобрил набор журнала петитом. Для характеристики того, насколько тов. Ярославский глубоко вникал во все детали оформления журнала, свидетельствует одна из его записок в редакцию: «В оглавлении статей «Исторического журнала» надо печатать рядом с именами авторов указания их учёного звания или возглавляемого ими научного учреждения, например: Б. Греков, действит. член Академии наук СССР; И. Минц, член-корреспондент Академии наук СССР; Линецкий, профессор Куйбышевского гос. университета... и т. д. И в заголовке статьи перед текстом надо также давать эти указания». Даже вопрос о переводе оглавления журнала на иностранные языки не прошёл мимо внимания Ярославского. Он радовался каждой удачно оформленной и хорошей по содержанию книжке журнала и по-настоящему болел и волновался за каждый промах, за каждую неудачу журнала. В руководство журналом Е. М. вкладывал все свои знания, свой опыт, всю свою чудесную большевистскую душу.

Для нас, работников редакции, работа под руководством Е. М. была великолепной школой. Мы учились у него большевистской непримиримости в принципиальных вопросах, умению связывать вопросы истории с современной политической жизнью, умению быстро реагировать на запросы современности. Каждое заседание редколлегии, каждая беседа с Е. М. расширяли наш партийный и научный кругозор, толкали к усиленной работе над собой. Работа под руководством Е. М. всегда останется в нашей памяти как наиболее светлый и незабываемый период нашей жизни.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА «ЧТО ТАКОЕ «ДРУЗЬЯ НАРОДА» И КАК ОНИ ВОЮЮТ ПРОТИВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ?» (1894 — 1944)

Проф. Б. Волин

I

Одной из драгоценнейших жемчужин Музея В. И. Ленина в Москве предстаёт перед глазами посетителя в мраморе и бронзовой раме первоначальный экземпляр гениальной работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)».

Трудно представить себе, что эта первая нелегальная работа В. И. Ленина, законченная и опубликованная в весенние и летние месяцы 1894 г. и изучавшаяся вплоть до конца 90-х годов социал-демократическими деятелями в России, была обнаружена только через двадцать с лишним лет, в начале 1923 года¹.

Этой работе Ленина суждено было тогда, в середине 90-х годов прошлого века, сыграть решающую роль в разоблачении до конца истинного лица народников.

Известно, что в 1920 г. Ленин в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» отметил, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия понестине выстрадала полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Ев-

ропы»². Вряд ли будет преувеличением сказать, что самым тяжёлым и самым сложным периодом в этом историческом для судеб марксизма пятидесятилетии было последнее десятилетие — вторая половина 80-х и первая половина 90-х годов XIX века.

Это был период между возникновением за границей плехановской группы «Освобождение труда» (1883) и созданием ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895), который, по выражению Ленина, представлял первый серьёзный зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение.

Это был труднейший период возникновения и упрочения в ожесточённейших боях с народниками теории и программы социал-демократии, переживавшей как политическая партия мучительный процесс своего утробного развития.

Споры в среде революционной интеллигенции между народниками и марксистами о дальнейших путях развития России, о судьбах капитализма в нашей стране, о классах — потенциальных носителях прогресса — начались уже в 80-х годах прошлого столетия.

«После появления «Капитала», — отмечал Ленин в «Друзьях народа», — главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»³.

В ту пору вплоть до первых лет 90-х годов идейное влияние народничества, этого, по определению Ленина, крупнейшего течения нашей общественной мысли, было почти безраздельным. А идейным вождём передовой интеллигенции, «властителем дум», как его называли тогда, был Н. К. Михайловский.

Несмотря на огромную плодотворную работу Г. В. Плеханова и его товарищей по группе «Освобождение труда», нанесших основной удар народнической идеологии, идейный разгром народничества не был ещё завершён, а революционная марксистская рабочая партия в ту пору не была ещё создана.

¹ Первый и третий выпуски этой работы были обнаружены в социал-демократическом архиве в Берлине в начале 1923 г. и одновременно в ленинградской Публичной библиотеке. В советской печати эта работа была опубликована в 1923 г., почти через 30 лет после её написания. В большевистской дореволюционной печати первое и единственное упоминание о «Друзьях народа» было сделано С. И. Мицкевичем в 1906 г. в большевистском легальном сборнике «Текущий момент», в статье «На заре рабочего движения». Описывая события зимы 1894—1895 г., С. И. Мицкевич рассказывал: «Около этого же времени появились в Москве 3 гектографированных выпуска очень интересной работы Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Здесь велась речь о Михайловском, Южакове и Кривенко».

² Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 175.

³ Ленин. Соч. Т. I, стр. 249. 4-е изд.

Историческая задача — идейно до конца разгромить и добить народничество как врага марксизма, расчистить дорогу марксизму, создать партию революционной социал-демократии — выпала в конце этого периода на долю В. И. Ленина.

II

Свою гениальную работу «Что такое «друзья народа» В. И. Ленин подготовил в Петербурге. Но если вспомнить, что Владимир Ильич покинул Самару в середине августа 1893 г. (17-го по ст. ст.), что в Петербург он прибыл в конце августа (31-го), что вначале он немало времени потратил на установление полученных через нижегородских марксистов революционных связей, на приписку в качестве помощника присяжного поверенного к адвокату М. Ф. Мандельштаму, что осенью он написал свой знаменитый реферат «По поводу так называемого вопроса о рынках» и читал его в кружке «стариков», что весь конец декабря 1893 г. и половину января 1894 г. он провёл у родных в Москве, где выступал на знаменитом нелегальном собрании («вечерипке») против народника В. В. (В. П. Воронцова), что затем, в январе, Владимир Ильич посетил Нижний Новгород, где выступил на нелегальном собрании с рефератом о книге В. В. «Судьбы капитализма в России», что окончание первого выпуска «Друзей народа» помечено апрелем, а следовательно, Ленин подготовлял его значительно раньше, — то естественен вывод, что Ленин уже из Самары приехал вполне подготовленным для своего исторического выступления в Петербурге против народников.

Воспоминания участников петербургских марксистских кружков той поры свидетельствуют о том сильном впечатлении, которое произвёл на них Владимир Ильич во время своих первых выступлений глубоким знанием Маркса, умением применить марксизм к русской жизни того времени, выдающимся организаторским талантом, горячей верой в неизбежность победы рабочего дела.

И. К. Крупская в своих воспоминаниях рассказывает о том, что осенью 1893 г. она услышала от товарищей, что «с Волги приехал какой-то очень знающий марксист». Г. М. Кржижановский (тогда студент-технолог, член петербургской марксистской группы, а затем активный деятель ленинского «Союза борьбы», ныне академик) рассказывает: «Появление у нас осенью 1893 г. В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозным разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь. Вернувшись осенью 1893 г. с летней заводской практики, я нашёл весь свой кружок в состоянии необычайного оживления именно по той причине, что наш новый приятель, пришедший к нам с берегов Волги, в кратчайший срок занял в нашей организации центральную роль... Оглядываясь назад и вспоминая фигуру тогдашнего 23-летнего Владимира Ильича, я ясно теперь вижу в ней особые черты удивительной душевной опрятности и того неистощимого горения, которое равносильно постоянной готовности к подвигу и самопожерт-

вованию до конца... нам, марксистам, до педантизма... imponировало в нём его удивительное умение владеть оружием Маркса и превосходное, прямо-таки поразительное знакомство с экономическим положением страны по первоисточникам статистических сборников»¹.

«Мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером», — вспоминает студент университета нижегородец М. А. Сильвин.

Таков был Ленин для петербургских марксистов в зиму 1893—1894 г., когда он стал готовиться публично атаковать народничество в лице его идеологов, писателей, публицистов, столпов тогдашней народнической мысли, «друзей народа»: Н. Михайловского, главаря журнала «Русское богатство», и его сотрудников — С. Кривенко и С. Южакова.

Чтобы понять величие фигуры 24-летнего Ленина в этот период, надо знать самарский период его жизни и деятельности. Именно весь самарский период (1889—1893) жизни и деятельности Владимира Ильича и отчасти ещё казанский (1883—1889) подготовили его к той исторической миссии, с которой он выступил по приезде своём в Петербург.

Ленин поражал всех своим глубоким и всесторонним знанием марксизма, знанием основных работ Маркса и Энгельса по первоисточникам². Владимир Ильич изучил в Самаре не только I том «Капитала» (его он начал изучать ещё в Казани), но и II том. Свои блестящие знания как I, так и II тома «Капитала» Ленин с исключительным мастерством применил в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках», написанной им ещё осенью 1893 г., вскоре по приезде в Петербург. III том «Капитала» Ленин, очевидно, в Самаре не мог достать.

¹ Кржижановский Г. О Владимире Ильиче, стр. 30—31. Партиздат. М. 1933.

² П. Маслов в 1924 г. в своих воспоминаниях о В. И. Ленине самарского периода рассказывал, как приехавшие ещё в 1892 г. к нему в деревню на Урале друзья из Самары говорили, что в Самаре живёт поднадзорный казанский студент Владимир Ильич Ульянов, который занимается вопросами экономики и вообще является выдающимся человеком по своему уму и образованию (см. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института» № 2 за 1924 год). М. П. Голубева, знавшая хорошо Ленина по Самаре, рассказывает: «Осенью 1892 года я уезжала из Самары в Сибирь. Владимир Ильич ехал тогда со мной на пароходе до Казани... Сидя со мной на палубе парохода, он вытаскивал из кармана какие-то тетрадки и вычитывал оттуда различные выдержки». Далее М. П. Голубева, полагая, что это были тетрадки, содержавшие наброски работы «Что такое «друзья народа», продолжает: «Прочитанные им выдержки вырисовывали его как вполне сложившегося марксиста, революционера, а ему был лишь 23-й год» («Молодая гвардия» № 2—3 за 1924 г., стр. 30).

Он его искал и в Петербурге¹. Тогда ещё не были переведены на русский язык такие работы Маркса и Энгельса, как «Нищета философии», «Немецкая идеология», «Письма Маркса к Руге от 1843 г.», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Жилищный вопрос». Всё это, цитируемое Лениным в «Друзьях народа», он переводил с французских или немецких изданий. Не доверяя, видимо, русским переводам I и II томов «Капитала», сделанным Николаем — оном и вышедшим в 1872 и 1887 гг., Ленин в своих цитатах, как правило, ссылался на немецкий оригинал.

Ленин в самарский период, кроме основной подготовки к государственным экзаменам по всем предметам университетского курса (юридический факультет), глубоко и всесторонне изучал работы по истории России и её экономике, кропотливо рылся в многочисленных статистических изданиях, внимательно следил за журнальной литературой, читая статьи не только в текущих номерах журналов, но и перечитывая старые номера журналов, где были интересовавшие Владимира Ильича статьи по экономике России, по крестьянскому вопросу, авторами которых были главным образом народники².

¹ Так, в приписке к своему письму Марии Ильиничне Ульяновой (в Москву) Владимир Ильич 13 декабря 1894 г. сообщал: «Я писал давно уж о том, чтобы узнать насчёт III-го тома «Капитала». Мне обещали достать его... И теперь я ничего не знаю» (В. И. Ленин. Письма к родным, стр. 2. Партиздат. 1934). Владимир Ильич, видимо, всё же располагал III томом глубокой осенью того же 1894 года, ибо в своей работе, направленной против П. Струе, он несколько раз наряду с I и II томами цитирует и III том «Капитала» с немецкого подлинника.

² В архиве ИМЭЛ за № 221 хранится отрывок из перевода этой работы, сделанного В. И. Лениным ранее апреля 1894 года.

³ В самарской Публичной библиотеке найдены две книги «Русского богатства» за 1893 г. с пометками В. И. Ленина: в № 5 — на статье Н. Карышева «Народно-хозяйственные наброски», в № 9 — на статье Н. Михайловского из серии «Литература и жизнь», в которой разбирается II том «Основ народничества» Юзова (см. Ленинский сборник V, стр. 552). В архиве самарской Публичной библиотеки найден абонемент Ульяновых, по которому видно, что для Владимира Ильича только за один 1893 год, с января до его отъезда в Петербург, были взяты журналы: «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник» за 1892—1893 гг., а также Исаев в Артели в России, «Статистическое обозрение в России», «Статистика Российской империи. Сборник сведений по России», «История местного управления в России», Семёнов Освобождение крестьян, «История промышлен-

За годы пребывания в Самаре Владимир Ильич Ленин прочёл значительное количество так называемых рефератов в различных кружках и особенно для молодых марксистов и тянувшейся к марксизму молодежи. Это было не простое реферирование книг и статей, а оригинальное, самостоятельное исследование (наподобие реферата-статьи о книге Постникова), обобщающее сложные явления русской жизни на основе глубокого знания марксизма и анализировавшее эти явления при помощи марксистского метода, которым Ленин уже тогда владел в совершенстве⁴.

Владимир Ильич реферировал тогда ещё не переведённую на русский язык «Нищету философии» К. Маркса, сделал перевод «Коммунистического манифеста». Перевод этот был уничтожен во время жандармского обыска у одного из членов кружка.

Ленин читал реферат, направленный против одного из столпов народничества — В. В. — в связи с его книгой «Судьбы капитализма в России», вышедшей в 1882 году⁵.

В одном из своих рефератов Владимир Ильич, используя богатейшие данные из области статистики (Ленина в Самаре называли «гениальным статистиком»), доказы-

ности», «Труды по исследованию кустарной промышленности», книги 1, 2 и 3, «Труды комиссии кустарной промышленности», книги 6 и 7; «Свод материалов по кустарной промышленности», «Сборник материалов поземельных обществ»; Костомаров Очерки истории Московского государства; Ключевский Русская история; Брикнер Иван Посошков; Владимир Соловьёв. Соч.; Глеб Успенский. Диккенс, Тэн. Происхождение строя Франции, Мишье История Французской революции. В распоряжении ленинского кружка была довольно большая полудегаляльная библиотека, откуда Ленин также брал книги для чтения.

В самарский период Владимир Ильич прочёл также Чернышевского и Добролюбова, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, Дарвина и Лассаля, Маркса и Энгельса, Давида Рикардо и Куно Фишера и многое, многое другое.

⁴ Данные о самарских рефератах Владимира Ильича основаны на воспоминаниях близких в то время к Ленину лиц. Что касается статьи-реферата о книге В. Е. Постникова, то об этом имеется прямое упоминание самого В. И. Ленина. Так, в письме к Маслову от 31 мая 1894 г. он говорит о том виде, какой имеет статья, и замечает, что она дана «в виде простого реферата о книге В. Е. П.» (Архив ИМЭЛ, № 43812).

⁵ Судя по воспоминаниям П. Маслова, Владимир Ильич летом 1892 г. послал ему рукопись своей статьи, в которой критиковал работы В. В. об экономическом развитии России и о судьбах в ней капитализма. Маслов рассказывает, что в этой работе молодого Ленина ему бросились в глаза резкость и определённая формулировка основных его идей. Видно, это была рукопись его реферата о В. В.

вал естественный, под влиянием развития капиталистических отношений в России, распад русской общины.

Ленин выступал также с обширными рефератами против Михайловского, Кривенко, Южакова и других.

Неслыханно дерзкими казались многим слушателям в ту пору безраздельного господства народнических идей в литературе решительные выступления В. И. Ленина против В. В. Карышева, Каблукова, Николая — она, Михайловского и других видных народников.

В 1891 г. в Москве была издана работа чиновника по устройству казённых земель в Таврической губернии В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», которая, по характеристике Владимира Ильича, представляла собой одно из наиболее выдающихся явлений в экономической литературе того времени. Книга Постникова попала в руки Ленина только в 1893 г.¹; тогда же Ленин прочёл на тему этой книги реферат, который весной 1893 г. переработал в статью. Самое название этой статьи — «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» — свидетельствует о характере ленинских рефератов.

В предисловии к своей книге Постников отмечал большое употребление машин в крестьянском земледелии и заметное расширение размеров хозяйства у зажиточной части крестьянства, что способствовало увеличению числа семей, которые, становясь лишними для села, должны были искать заработка на стороне и фактически становиться безземельными. В этих явлениях, а также и в том факте, что вследствие введения машин поднимается благосостояние крестьян и значительно повышается экстенсивность земледелия, Постников видел «залог силы новых хозяйственных движений в крестьянской жизни. Отметим и выясним эти движения в южно-русском крестьянстве, — писал автор, — составляет ближайшую задачу настоящей книги»².

Ленин своему реферату, а затем и своей статье дал заголовок из фразы, сформулированной Постниковым, сосредоточив внимание слушателей и читателей на этой центральной мысли и показав при этом как раз прямо противоположное тем выводам и задачам, к которым пришёл Постников³.

¹ В архиве ИМЭЛ хранится эта книга с пометками В. И. Ленина.

² См. Ленин. Соч. Т. I, стр. 6 (разрядка моя. — Б. В.). 4-е изд.

³ Дальнейшая судьба этой статьи Ленина такова. Так как марксистских журналов в то время не было, Владимир Ильич решил послать её в либеральную «Русскую мысль» (экономической частью которой заведовал Н. А. Каблуков). «Я даже имел наивность, — писал Ленин в одном из своих писем П. Маслову, — послать её в «Русскую мысль», откуда получил, конечно, отказ: вполне понятно мне это стало, когда я прочитал в № 2 «Русской мысли» статью о Постникове «нашего известного» либерального пошляка, г. В. В. Нужно же ведь иметь

Намереваясь дать свою статью в либеральный журнал, Ленин, естественно, не мог сформулировать со всей резкостью и откровенностью марксистские идеи своего реферата. Об этом он писал из Петербурга П. Маслову, которому он из Самары послал свою статью о Постникове. Условия тогдашней литературы, вспоминал Ленин в 1908 г. в предисловии к сборнику «За 12 лет», заставляли социал-демократов говорить «эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далёкими от практики и политики».

О прямых выводах своих, не нашедших по цензурным условиям резкого выражения в статье, Ленин сообщил в двух письмах к П. Маслову⁴.

Эта статья-реферат самарского периода и письма Ленина к П. Маслову, комментирующие статью, свидетельствуют о той громадной теоретической подготовке, уровне знаний и глубине марксистских взглядов Владимира Ильича, по приезде из Самары приступившего к своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

В. И. Ленин прочитал также реферат и написал статью на жгучую тогда тему — «Спор между социал-демократами и народниками».

Ленин в Самаре подверг глубокой критике только что вышедшую книгу Николая — она «Очерки нашего пореформенного хозяйства». Ленин реферировал также книгу английского автора Эшли «Экономическая история Англии» (история первобытной английской общины).

Большой интерес представляет другая работа-реферат Ленина самарского периода — «Подстрочный комментарий к народнической profession de foi». Владимир Ильич обратил внимание на статью «Новые входы на народную ниву» в журнале

такое искусство, чтобы совершенно изуродовать прекрасный материал и замазать все факты фразёрством!» (Ленинский сборник XXXIII, стр. 17). Ленин после отказа «Русской мысли» решает дополнить и изменить эту статью и издать её брошюрой. Владимир Ильич поручил С. И. Мицкевичу (ныне здравствующему) справиться в «Русской мысли» о судьбе статьи. Каблуков вернул её и сказал, что она не будет напечатана, так как не подходит к направлению журнала. Статья осталась у С. И. Мицкевича и была конфискована (вместе с третьим выпуском «Друзей народа») при обыске у него 3 декабря 1893 года. Эта замечательная работа В. И. Ленина пролежала в архивах до 1923 г., когда она впервые была обнаружена. Одновременно была найдена вторая рукопись (которая является первоначальной) в бумагах В. И. Ленина. Тогда же, в 1923 г., эта статья впервые увидела свет. Основной её материал Ленин использовал позже во II главе «Развития капитализма в России».

⁴ Письма В. И. Ленина к П. Маслову считались потерянными. Они были найдены более чем через 45 лет после их написания.

«Отечественные записки» № 1 за 1879 г., помещённую в отделе «Современное обозрение».

Ленин построил свой реферат весьма оригинально: он текстуально почти целиком брал отдельные положения этой статьи и снабжал своими подстрочными комментариями. Эти ленинские комментарии имели целью «показать выдуманность и вздорность ходячих приёмов либерально-народнической полемики»¹.

Известно также, что Ленин в Самаре читал реферат — разбор рукописной статьи П. Е. Федосеева «Экономические причины отмены крепостного права». В своих замечаниях на эту работу Федосеева Ленин, как он объяснял в письме к П. Маслову, исходил «из того основного положения, что эта реформа — продукт развития товарного хозяйства и что весь её смысл и значение состояли в том, что разрушены были те пути, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя»². Об исключительно высоком уровне теоретических марксистских знаний и глубокой политической зрелости Владимира Ильича уже того периода говорят не только его рефераты в самарских кружках, но также и выступления во время разного рода дискуссий, которые были довольно часты в Самаре. В то время в Самаре жил под надзором полиции В. В. Водовозов, проявивший себя впоследствии как публицист народнического направления и либерал. Водовозов в конце 1892 г. выступил в узком кругу с докладом о германской социал-демократии, в котором доказывал, что социал-демократия может одними парламентскими бюллетенями, без пролития крови, победить буржуазию и осуществить социализм. Владимир Ильич выступил с беспощадной резкостью, заявив, что только архивные крысы могут представить себе так просто захват власти пролетариатом. При этом Ленин приводил слова Маркса о парижских коммунарах, штурмующих небо. Страстная, резкая речь Владимира Ильича, сказанная с обычной для него силой и про-

Письмо же, написанное В. И. Лениным П. Маслову в 1892 г., до сих пор не найдено (см. Ленинский сборник XXXIII, стр. 15—19).

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 374. 4-е изд. Этот самарский реферат Ленин затем превратил в I-ю главу своей знаменитой работы, направленной против Струве, — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)». Она была написана Владимиром Ильичем в конце 1894 г. и напечатана за подписью К. Тулин в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (СПб. 1895), который был сожжён, за исключением ста спасённых экземпляров, царской цензурой. Эту работу Ленина прочитал товарищ Сталин в Тифлисе в 1898 году. Она произвела на него глубокое впечатление. «Я во что бы то ни стало должен увидеть его» — сказал Сталин.

² Ленинский сборник XXXIII, стр. 16.

стотой, произвела на слушателей большое впечатление».

Но упомянутыми статьями, рефератами, дискуссиями далеко не исчерпываются выступления Ленина в Самаре. Круг вопросов, которые затрагивал Владимир Ильич в своих выступлениях, был значительно шире, рефератов было значительно больше³. Сведения о многих из них не дошли до нас; например до сих пор не обнаружены две письменные работы, которые Владимир Ильич выполнил, когда сдавал экстерном экзамены при Петербургском университете: одна работа, приложенная при прошении, и другая — в период сдачи экзаменов в осеннюю сессию.

Всё, что нам сейчас известно о Владимире Ильиче в его самарский период жизни, свидетельствует о том, что он был полностью подготовлен к тому положению, какое он занял среди петербургских марксистов с осени 1893 г., по своему переезде. Уже в глубоко провинциальной Самаре молодой Владимир Ильич Ленин становился тем «горным орлом», которым спустя некоторое время так восхищался на Кавказе молодой «пламенный колхидец» — Иосиф Виссарионович Сталин.

Кончалось самарское лето 1893 года. Ленин, для которого Самара всё более и более становилась тесной клеткой, вырвался, наконец, глубокой осенью в Петербург. Это были как раз те месяцы 1893 г., когда начался «настоящий поход против марксистов представителей старых идей, напуганных ростом марксизма»⁴.

³ ИМЭЛ, рукописный архив. Спор В. И. Ульянова с Водовозовым. В. В. Водовозов в своих эмигрантских воспоминаниях рассказывает о В. И. Ленине: «В вопросах политической экономии и истории его знания поражали солидностью и разносторонностью, особенно для человека его возраста. Он свободно читал по-немецки, французски и английски, уже тогда хорошо знал «Капитал» и обширную марксистскую литературу... и производил впечатление человека, политически вполне законченного и сложившегося... Он очень интересовался возражениями против марксизма, изучал их и вдумывался. У него как бы была презумпция, что никаких серьёзных аргументов против марксизма нет и быть не может, и изучал их он в целях отыскания коренившейся в их основе ошибки, в существовании которой он был заранее убеждён» (Водовозов В. Моё знакомство с Лениным. Цит. по сб. Ленин в Самаре 1889—1893, стр. 98—99. Партиздат. 1933).

⁴ М. И. Семёнов (Блан), близкий к ленинскому кружку, вспоминает, что В. И. Ленин написал «статью о роли русской интеллигенции в рабочем движении в связи с основными целями этого движения. Эта работа была, несомненно, первым фрагментом статьи «Что такое «друзья народа»» (сб. «Ленин в Самаре», стр. 57). Это же утверждает и И. Лалаянц: «У него были наброски его политических статей «Что такое «друзья народа»» (Лалаянц У истоков большевизма, стр. 17. Изд. «Молодая гвардия». 1934).

⁵ Ленин. Соч. Т. I, стр. 268. 4-е изд.

III

В то время когда Владимир Ильич Ленин появился в столице, «Русское богатство» сделало все приготовления к походу против русских марксистов. В октябрьской книжке № 10 «Русского богатства»¹ за 1893 г. Н. К. Михайловский в статье «Литература и жизнь»² выступил с заявлением о предстоящей полемике против «так называемых марксистов или социал-демократов».

Не следует думать, что «Русское богатство», а до него и другие либеральные и особенно народнические журналы раньше не выступали против марксизма. Дело происходило далеко не так. В разное время начиная с «Отечественных записок» 1872 г. разные авторы (Михайловский, В. В., Николай — он, Кривенко, Южаков, Жуковский и др.) в журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Северный вестник», «Русское богатство», «Неделя» выступали против марксизма.

Одним из первых, если не первым, со злобствующей критикой Маркса и марксизма выступил в статье «Карл Маркс и его книга о капитале» в сентябрьском номере «Вестника Европы» за 1877 г. реакционный экономист и юрист 70-х годов Ю. Жуковский. С ответом ему «К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» выступил Н. Михайловский. Отвечая и возражая Жуковскому в «Отечественных записках» за 1877 г., Михайловский настолько вульгаризировал Маркса, показал такое непонимание «Капитала» и всего марксистского мировоззрения (он, между прочим, утверждал, будто сам Маркс заявлял о неприменимости своих положений к России), что Маркс вынужден был написать в редакцию «Отечественных записок» своё известное письмо по поводу статьи Михайловского³.

Но это было не первое выступление Михайловского, направленное в той или иной степени против Маркса и марксизма. Ещё в 1872 г. он выступил в апрельском номере «Отечественных записок» со статьёй «По поводу русского издания книги Карла Маркса»⁴.

¹ «Русское богатство» в тот период редактировали Кривенко и Михайловский. Издательницей журнала была жена Михайловского — Н. В. Михайловская.

² Статья эта под заголовком «О народничестве г-на В. В.» была перепечатана в полном собрании сочинений Н. К. Михайловского. Т. VII.

³ К. Маркс написал своё письмо на французском языке в конце 1877 г., но оно осталось неотправленным. Энгельс после смерти Маркса нашёл это письмо в его бумагах, переписал его и направил Вере Засулич. Но тогда оно не было опубликовано, а ходило по рукам. Только в 1884 г. это письмо было напечатано в майском номере «Вестник Народной воли» (Женева), а в России оно впервые было опубликовано в 1888 г. в № 10 «Юридического вестника».

⁴ Известно, что первый перевод «Капи-

тала» «на-днях русская переводная литература сделала весьма ценное приобретение», что «редко приходится заявлять о выходе новой книги с таким удовольствием». Михайловский (который, несомненно, «Капитала» не понял, если его тогда же прочёл) говорит о К. Марксе, что это «строгий, местами очень сухой учёный», и успокаивает своих читателей, а вместе с ними и царское правительство: «...являясь революционным элементом на Западе, у нас он (т. е. К. Маркс.— Б. В.) никакого нарушения общественного спокойствия не может произвести». Разглагольствуя о возможности в России предотвращения «неправильностей европейской цивилизации» (т. е. развития капитализма в России), Михайловский разъяснил, что «идеи и интересы, с которыми он (т. е. Маркс.— Б. В.) борется, слишком ещё слабы у нас, чтобы от их расшатывания могла воспоследовать какая-нибудь опасность. Но они уже достаточно сильны для того, чтобы для нас было обязательно призадуматься над результатами их дальнейшего развития».

Прошло немало времени с тех пор, как Михайловский написал это. Судьба капитализма в России совершенно явно определялась. Россия довольно быстро шла по капиталистическому пути своего развития. Росла буржуазия, развивался её антипод — русский пролетариат, — а с ростом пролетариата всё большее значение в России приобретал марксизм. Среди публицистических, «философских», социологических и литературно-критических статей Н. К. Михайловского немало место стали занимать статьи, направленные против марксизма⁵. И через 20 лет после своего первого антимарксистского дебюта, в 1892 г., Михайловский, продолжая клеветническую кампанию против марксистов, утверждал, что марксисты приветствуют обезземеление крестьянства⁶.

Накануне выхода в свет ленинской работы «Что такое «друзья народа» Михайловский в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 г. и в январской книжке за 1894 г. снова выступил против марксистов.

Будучи на склоне дней своих, в 1902 г., за два года до смерти, Михайловский в год выхода ленинской работы «Что делать?» не постеснялся выступить с «литературной» статьёй, в которой нарочито смешивал в одно марксизм с... декадент-

тала» был сделан на русском языке и что первое переводное издание появилось в России в 1872 г. в издательстве Н. Полякова.

⁵ В предметном указателе к сочинениям Н. Михайловского имеется особый раздел — «Полемика с марксизмом», — в котором только за 90-е годы перечисляется около 30 статей против марксизма и русских марксистов.

⁶ См., например, его «Литературные воспоминания и современная смута». Т. I. стр. 338.

ством, выдавая небезызвестного Бердяева («злегалного марксиста») за марксиста. Этот апологет русского капитализма в сборнике «Литературное дело» за 1902 г. писал: «Чаяния лучшего будущего могут быть связаны только с синтезом того реализма, который присущ современному социальному движению и который нашёл себе лучшее выражение в марксизме, с тем идеализмом, который духовная аристократия должна внести в это движение». И Михайловский возводил очи горе и благочестиво вздыхал: «В первых рядах этой духовной аристократии стоит Метерлинк... Маркс и Метерлинк за одной скобкой! А «ученики» (т. е. социал-демократы, по тогдашней подцензурной терминологии.— В. В.) ещё так недавно заявляли, что с декадентством у них нет ничего общего»¹.

Таким отъявленным врагом марксизма был на протяжении всей своей литературно-общественной жизни Н. Михайловский, приёмы полемике которого не свидетельствовали, по выражению Владимира Ильича, ни об уме, ни о чувстве приличия».

Но каковы бы ни были выступления Михайловского в печати против русских марксистов, ни одно из них не вызвало такого резкого возмущения, как его статья в десятой книжке «Русского богатства» за 1893 год. Это был предвестник клеветнического похода против русских социал-демократов².

Для того чтобы яснее представить сущность тех клевет, которые пустили в оборот Михайловский и его присные, Владимир Ильич в заключительных словах первого выпуска «Друзей народа» нарисовал следующую картину. «Скажите пожалуйста,— спрашивал Ленин,— как называли бы поступок человека, который объявил бы, что критикует социально-революционное народничество (а другое ещё и не выступало— беру такой период), и который стал бы излагать примерно такие вещи: «Народники, сколько я понимаю, разделяются из три разряда: народники последовательные, которые вполне принимают идеи мужика и в точном соответствии с его желаниями обобщают розни, женобойство и вообще проводят ту гнуснейшую политику правительства кнута и палки, которая ведь называлась же народной политикой; затем, дескать, народники-трусы, которые не интересуются мнениями мужика и только пытаются перенести в Россию чуждое ей революционное движение, посредством ассоциаций и т. п.—против чего, впрочем, с этической точки зрения ничего возразить нельзя, если бы не скользкость пути, которая легко может свести трусливого на-

родника к последовательному или смелому; и наконец—народники-смелые, которые во всей полноте осуществляют народные идеалы хозяйственного мужика и потому сажаются на землю, чтобы кулачествовать вплотную»,— все порядочные люди назвали бы, конечно, это подлым и пошлым глумлением³. А если бы притом излагавший такие вещи человек не мог получить опровержения от народников в той же печати; если бы при этом идеи этих народников излагались до сих пор только нелегально и потому многие не имели о них точного понятия и могли легко поверить всему, что бы им ни сказали о народниках,— тогда все согласились бы, что такой человек... Может быть, впрочем,— саркастически заключил Владимир Ильич,—г. Михайловский и сам не совсем ещё забыл то слово, которое следовало бы здесь поставить»⁴.

Владимир Ильич пригвоздил Михайловского к позорному столбу, он до конца вскрыл смысл и суть подлых инсинуаций и пошлых глумлений, которыми были полны злобные статьи Михайловского⁵.

Либеральные народники к этому времени окончательно порвали с боевой программой революционного народничества. Ленин недаром говорил о народниках, что они серьёзно полагали, что если попросить корошечку да поласковее у царского правительства, то оно всё хорошо устроит⁶.

¹ Владимир Ильич пародировал Михайловского, имея в виду его заявления в февральской книжке «Русского богатства» за 1894 г., стр. 149. Это место цитирует Владимир Ильич в «Друзьях народа» (см. Соч. Т. I, стр. 180. 4-е изд.).

² Ленин. Соч. Т. I, стр. 182—183. 4-е изд.

³ В «Русском богатстве», кроме статей Михайловского, в начале 90-х годов появились статьи В. В. (1892), вошедшие в его сборник «Наши направления», Н. Кареева «Источники исторических перемен» (№ 1 за 1892 г.), С. Кривенко «По поводу культурных одиночек» (№ 12 за 1893 г.), С. Южак «Вопросы экономического развития России» (№ 11—12 за 1894 г.) и пр.

⁴ В. Г. Короленко, один из ближайших друзей Михайловского, вспоминая о том времени, когда марксизма, по его выражению, ещё не было, а, наоборот, царил преувеличенная идеализация общины, сообщал любопытные подробности о том, как некоторые народники постепенно докапывались до «принятия» самодержавия. Вот что он рассказывал об эволюции довольно популярного в своё время народнического писателя земского статистика, Виктора Пругавина: «Он горячо ополчился против «интеллигентского предрассудка», мешающего русскому образованному обществу признать царизм, и готовил книгу в этом смысле... книга вышла и была встречена большими похвалами именно «Нового времени» и «Московских ведомостей» (Короленко Г. Воспоминания о писателях, стр. 80. Изд. «Мир», 1934).

¹ Михайловский Н. Соч. Т. X, стр. 1079.

² П. Струве в 1897 г. в статье «Мужики» Чехова и г. Михайловский» определял этот поход как «кровавые полемические сражения», данные на страницах «Русского богатства» «ученикам» «настоящим» и «ненастоящим» («На разные темы», стр. 133. СПб. 1902).

Народники демагогически обвиняли русских марксистов в стремлении разорить крестьянство, пролетаризировать и обездолить его¹.

Самый тяжёлый снаряд из словесной батареи «Русского богатства» выпустил в октябре 1893 г. «сам» Михайловский, развязав таким образом войну против марксистов.

Говоря в № 10 «Русского богатства» за 1893 г. о полемике В. В. с «русскими марксистами или социал-демократами» и не соглашаясь с ним в отдельных частностях, Михайловский вместе с тем позволил себе заявить тогда: «Об этой полемике, по обширности предмета, я сегодня не успею говорить. Замечу лишь, во избежание недопониманий, что в общем я совершенно разделяю мнения г. В. В. на этот счёт... Марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить нашу «экономическую организацию, обеспечивающую трудящемуся самостоятельное положение в производстве», а г. В. В. протестует против «подвигов» такого прямого воздействия на существующий экономический строй».

Это выступление Михайловского вызвало многочисленные отклики в различных слоях русского общества. Правительственная и охранная печать высказала полное одобрение Михайловскому за этот его вынужденный выпад, а реакционная суворовская газета «Новое время» с большой похвалой отозвалась о полемике Михайловского против русских марксистов. В. И. Ленин тогда справедливо писал в «Друзьях народа» о Михайловском: «Пускай себе кувыркается на потеху и удовольствие г. Буренина (который надаром погладил по головке г. Михайловского в «Новом времени»)»².

Особо благожелательно к клеветниче-

ской кампании «Русского богатства» отнеслась царская цензура. Небезызвестный Иванчин-Писарев, народоволец и впоследствии член редакции «Русского богатства», сообщал в письме Михайловскому, что начальнику главного управления по делам печати Соловьёву очень понравились многие статьи «Русского богатства». «Одни талантливы, — сказал он, — а другие, направленные против марксизма, прямо желательны»³. Михайловский и вся народническая литературная кампания вели дело, прямо угодное царской цензуре, так свирепствовавшей против всего передового, против всего марксистского. Царская цензура не только благожелательно отклонилась к народническому походу против марксистов, но явно мирволила «Русскому богатству». Так, в другом письме к Михайловскому тот же Иванчин-Писарев, сообщая о закрытии цензурой ряда изданий, писал: «После всех этих крахов я ждал, что наступит очередь «Русского богатства», но пока нас не трогают»⁴.

На выступление Михайловского реагировало и близкое к нему окружение, состоявшее из его почитателей. В одном из писем, адресованных Михайловскому, подписанном «Не марксист»⁵, автор выражал неудовольствие статьями Михайловского в «Русском богатстве», которые «не удовлетворяют ваших же поклонников, а между тем дают довольно сильное оружие вашим противникам»⁶.

«Русскому богатству» придаёт деятельное участие в нём г. Н. Михайловского, известного публициста и критика». Буренин ограничился этой недвусмысленной похвалой народническому публицисту. Этот обратительный мракобес пошёл дальше в комплиментах Михайловскому и превозносил его: «Не могу не признать, что он более чем кто-либо из теперешних руководителей ежемесячных журналов имеет право на титул действительного руководителя». Затем Буренин разъяснил, за что «Новое время» так превозносит Михайловского. Отметив, что Михайловский в «Русском богатстве» много распространяется о русском «марксизме» и «марксистах», В. Буренин признал с удовлетворением, что Михайловский прав, что у него о марксистах хорошо сказано («хорошо даже говорит о «марксизме» и «марксистах»). При этом Буренин пожурнул Михайловского за то, что он слишком много внимания уделяет марксистам. Стоит отметить, что, расхвалив и одобрив Михайловского, Буренин в том же очерке лягуна К. А. Тимирязева: и «доморощенный Невтон, и московский учёный муж Тимирязев» и т. д.

² «Литературное наследство» № 1 за 1931 г., стр. 166—167.

³ Там же.

⁴ Опасаясь охраны, которая перлюстрировала письма, авторы не подписывались своим именем. Авторство большинства этих писем до сих пор не удалось установить.

⁵ «Литературное наследство» № 1 за 1931 г., стр. 167—168.

¹ Н. К. Федосеев в своём письме к Н. Михайловскому рассказывал: «Мне один народник, ученик г. Н. Златовратского, серьёзно говорил: «Так что ж нам-то теперича делать: идти в деревни, да и кричать на площадях: бей горшки, ломай ухваты, прялки, бороны и сохи, режь, продавай скот! Идут «капитализм и марксизм» («Литературное наследство» № 7—8 за 1933 г., стр. 204).

² Ленин, Соч. Т. I, стр. 141. 4-е изд. Бесчестный В. Буренин немедленно по выходе январской книжки «Русского богатства» за 1894 г. разразился большим фельетоном «Критические очерки» в № 6443 «Нового времени» от 4 февраля 1894 года. Виктор Буренин весь большой подвал газеты посвятил дружеской оценке «Русского богатства» и такому же дружескому цитированию своего литературного «врага» — Михайловского. «С прошлого года, — писал Буренин, — «Русское богатство» перешло в новую редакцию и, — радовался нововременский публицист, — кажется, начало возрождаться: журнал и составляется гораздо живее, чем прежде, и, как я слышал, приобрёл большое количество читателей. Особенный интерес теперешнему

Было немало откликов и отдельных читателей «Русского богатства», отошедших от народничества, но, видимо, ещё не пришедших к марксистскому лагерю. Наиболее типичным является письмо Михайловскому, подписанное «Близкий народник». Автор письма справедливо напоминал потерявшему всякие литературные и политические приличия Михайловскому, что, «подняв знамя борьбы против русских марксистов, «Русское богатство» упустило из виду то обстоятельство, что марксисты — такая же нелегальная партия, как народолюбцы и народоправцы. Этим «Русское богатство» поставило себя в тяжёлые и роковые условия»¹.

Уже эти письма вовсе не марксистов дают известное представление о том резонансе, какой вызвали в русском обществе выступления против марксистов «Русского богатства» во главе с Н. Михайловским.

IV

«Деятельность «Русского богатства», — писал Ленин в «Друзьях народа», — принимает по отношению к нам всё более и более вызывающий характер. В своём стремлении парализовать распространение в обществе социал-демократических идей журнал дошёл до прямого обвинения нас в равнодушии к интересам пролетариата и в настаивании на разорении масс. Смеем думать, что такими приёмами журнал только вредит себе и подготавливает нашу победу»².

Деятели «Русского богатства» были уверены в себе. Они располагали значительными материальными средствами для самой широкой пропаганды своих клевет, в их распоряжении был широко распространённый журнал со значительным по тем временам тиражом, к их услугам были библиотеки и читальни. Казалось, преждевременно говорить о победе марксистов, которых, по мнению народников, не так уж было много и о которых мало кто знал. А между тем к этому периоду в России на основе развития капитализма (неизбежный процесс роста которого народники отрицали) вырос русский пролетариат, всё более усиливалось рабочее движение, появлялись идеологи рабочего класса — русские социал-демократы, — возникали марксистские кружки³.

Один из литературных обозревателей того периода писал: «Спор сторонников и противников Маркса всё усиливается. В 90-х годах, т. е. в наше время, он достигает высшего ожесточения... Книги о Марксе постигает та же судьба, какая в 40-х годах по-

стигла книги о Гегеле: их зачитывали до дыр на страницах»⁴.

Говоря о начавшемся марксистском «священном времени», другой публицист того времени разводил руками: «К. Маркс не вчера написал свою книгу, даже на русский язык переведена она около тридцати лет назад (речь идёт о переводе, вышедшем в апреле 1872 г. — Б. В.), она стала «библиографической редкостью» и тем не менее не переиздавалась в течение четверти века, — когда вдруг в половине 90-х годов зажгла русские сердца «непонятным огнём» и взволновала всю «передовую» часть общества»⁵.

Не многие представляли себе тогда те потенциальные силы, которые были уже накоплены в русском обществе и на первый взгляд казались незаметными, силы, о боевой идеологии которых — марксизме — даже такой наблюдательный человек, как Михайловский, презрительно говорил в «Русском богатстве», как о науке, «умещающейся чуть ли не в карманном словаре»⁶.

И стоило только Михайловскому в октябрьской книжке «Русского богатства» за 1893 г. солидаризироваться с клеветой В. В. на марксистов, как все эти силы выступили одновременно из разных мест России с решительными и резкими протестами, с разъяснениями и изложениями своего кредо, с авторитетными советами и настойчивыми требованиями.

Эта реакция на октябрьское выступление Михайловского была выражена в особой, не известной до того в русской журналистике форме — в виде нелегальных протестующих писем в редакцию «Русского богатства» и лично к главарю похода против русского марксизма — Михайловскому.

Возникла на короткое время особая отрасль марксистской нелегальной литературы, характерной для того времени, — эпистолярная марксистская литература.

Сам Михайловский должен был в дальнейших статьях в «Русском богатстве» признать неожиданный для него факт — появление большого количества статей, падавших на него, как град, и долбивших его со всех сторон и неустанно. Это были статьи, «целые диссертации» и «краткие извещения», как их характеризовал Михайловский в январской книжке «Русского богатства» за 1894 год. Михайловский решительно отказывался публиковать что-либо из полученного от марксистов и прежде всего потому, что «всего этого слишком много». Но он всё же не удержался от соблазна использовать выдержки из них в своих целях.

¹ «Литературное наследство» № 1 за 1931 г., стр. 168.

² Ленин. Соч. Т. I, стр. 185. 4-е изд.

³ Михайловский, который довольно внимательно следил за общественными явлениями в России в начале 1895 г., правильно отмечал: «Если русский марксизм не представлен в литературе, то это ещё не есть признак такой массовой его распространённости, чтобы он не заслуживал внимания» («Русское богатство» № 2 за 1895 г., стр. 148).

⁴ «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф» за октябрь 1898 г., стр. 12. Явный намёк на одно место в «Былом и думам», где А. И. Герцен, вспоминая о кружке Станкевича и увлечениях в то время Гегелем, писал, что книги с одним даже упоминанием о Гегеле «зачитывались до дыр, до пятен, до выпадения листов» («Былое и думы», стр. 327. «Академия», 1932).

⁵ Перцов П. Первый сборник, стр. 17—18. СПб. 1902.

⁶ Михайловский Н. Соч. Т. VII, стр. 758.

И вот в первой же, январской статье Михайловского появился невиданный до того и совершенно необычный раздел — из писем марксистов. Михайловский, начав с того, что нескольких слов, сказанных им о «народничестве» и «марксизме», было достаточно, чтобы «взволновать господ марксистов», сообщал: «Одно письмо подписано во множественном числе — «Марксисты». Авторы письма находят, что я обнаруживаю или «неспособность понять их точку зрения или желание путём искажений скомпрометировать её в глазах читающей публики...» Другое письмо подписано инициалами. Но в тексте автор говорит о себе: «Я — русский марксист, и притом оскорблённый вами!»

Михайловский цитировал только эти два письма, а между тем из его же слов видно — и сейчас это доподлинно известно, — что он получил ряд писем, что этих писем было «слишком много».

Что это были за письма и какова была их дальнейшая судьба?

Одно время считали, что эти письма, имеющие такое громадное значение как для понимания исторической обстановки, заполненной напряжённой борьбой марксистов против народников, так и для истории русского марксизма в целом, вместе со всем архивом Михайловского безвозвратно погибли¹. В примечаниях к XXVII тому сочинений В. И. Ленина отмечено: «Писем Н. Е. Федосеева Н. К. Михайловскому не сохранилось»². Но в действительности вся переписка марксистов с Михайловским, в том числе и письма Н. Е. Федосеева, к счастью, сохранилась и позднее была обнаружена в архиве Михайловского в Пушкинском доме в Ленинграде.

Когда Михайловский писал, что «другое письмо подписано инициалами», и инициалов не привёл, никто не подозревал (да и сам Михайловский этого знать не мог), что за инициалами «Н. Ф.» скрывается Николай Евграфович Федосеев (1871—1898), один «из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению»³, роль которого для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России была в то время чрезвычайно велика.

Один только Владимир Ильич по отдельным, произвольно вырванным Михайловским из письма цитатам⁴ узнал в них автора, о чём он вспоминает в своей статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве»: «Помню, что на этой почве (т. е. в связи с марксистским мировоззрением Федосеева. — Б. В.) началась его полемика с

Н. К. Михайловским, который отвечал ему в «Русском богатстве» на одно из его нелегальных писем. На этой почве началась моя переписка с Н. Е. Федосеевым»⁵.

Федосеев трижды писал Михайловскому⁶. Когда в 1893 г. вышла десятая книжка «Русского богатства» со статьёй Михайловского, Федосеев жил во Владимире, куда он был выслан в 1892 г. после 15-месячного одиночного заключения в петербургских «Крестах». Первое письмо его было датировано: «Владимир. 8 нояб. 1893 г.»

В период между ноябрём 1893 г., когда Федосеев писал своё письмо, и январём 1894 г., когда вышла январская книжка «Русского богатства» за 1894 г., Федосеев был снова арестован за революционную пропаганду во Владимире и выслан в Сольвычегодск, Вологодской губернии. Январская книжка «Русского богатства» за 1894 г. со злостной и злобной статьёй Михайловского Федосеева во Владимире уже не застала. В связи с этим друг Федосеева Мария Германовна Гопфенгауз, о которой упоминает Владимир Ильич, направила Михайловскому следующее письмо: «Милостивый государь, Николай Константинович, г. «Суровый марксист», увы, лишён возможности прочитать ваш блестящий ответ на его письмо. Загнанный злым роком в глухие северные места, он совершенно разобщён с интеллигентным миром, и новейшая литература для него совершенно недоступна. Ввиду этого не будете ли вы так любезны выслать ему один экземпляр вашего уважаемого журнала по адресу: «Сольвычегодск. Николаю Евграфовичу Федосееву». С истинным почтением М. Гопфенгауз. 19—II—94 г.»⁷

Хотя и с некоторым опозданием, Федосеев получил посланный в область «тотемской морозки», как называл он место своей ссылки, посланную редакцией книжку «Русского богатства». И 10, а затем 19 марта 1894 г. он написал ответ в связи с тем, что Михайловский цитировал его неправильно и неполно. Но этими двумя письмами не закончилась посылка Федосеевым нелегальных писем Михайловскому⁸. Через год, 27 февраля 1895 г., Федосеев написал из Сольвычегодска третье письмо Михайловскому (на этот раз письмо, написанное рукой Федосеева, было подписано: Ив. Ко-

⁵ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 376. Переписка В. И. Ленина с Н. Е. Федосеевым, уцелевшая во время обысков и ареста, до сих пор не обнаружена.

⁶ Оригиналы писем Н. Е. Федосеева хранятся в архиве ИМЭЛ №№ 33940, 33941, 33942.

⁷ См. «Литературное наследство» № 1 за 1931 г., стр. 176—177.

⁸ В цитированном уже примечании 173 (Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 557—558) отмечается, что Федосеев «написал второе письмо, но нет достоверных данных за то, что это письмо было послано Н. К. Михайловскому». Тот факт, что это письмо найдено в архиве Михайловского, является бесспорным доказательством отправления этого письма в адрес «Русского богатства».

¹ Один из комментаторов и библиографов Михайловского, Е. Колосов, в своей работе «О судьбе архива Н. К. Михайловского» (Петроград. 1917) констатировал, что «архив Н. К. Михайловского не сохранился».

² См. Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 558, конец примечания 173.

³ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 376.

⁴ Михайловский, цитируя Н. Федосеева, неизменно называл его суровым: «мой суровый корреспондент», «смею уверить моего сурового корреспондента», «план моего сурового корреспондента» и т. д.

зии, Н. Федосеев) в связи с непрекращавшейся травлей «Русским богатством» марксистов.

Кроме упомянутых трёх писем Федосеева (одного из Владимира и двух из Сольвычегодска) и двух за подписью «Марксисты» из Харькова в адрес Михайловского поступило много других нелегальных писем от марксистов: за подписью «Ваш читатель-марксист» от 7 января 1894 г. из Одессы, за подписью «Южный провинциал» от 12 марта 1894 г. из Киева, за подписью N от января 1894 г. из Москвы и из ряда других русских городов, даже из Лозанны (Швейцария)¹. Среди них резко выделяются по своему высокому уровню, по широте взглядов и политической целеустремлённости письма Н. Е. Федосеева. Но каковы бы ни были те или иные особенности этих нелегальных писем, вызванных выступлениями Михайловского в конце 1893 г. и в начале 1894 г., все они были, как отметил Владимир Ильич, по «самому возмутительному месту всей этой, по меньшей мере, неприличной «полемике»² — по «критике» г. Михайловским политической деятельности социал-демократов.

Н. Е. Федосеев начал своё письмо к Михайловскому так: «Я решил написать вам нижеследующие строки под живым впечатлением от того что прочитанного мною вашего очерка в октябрьской книжке «Русского богатства»... Собственно, писать вам это частное письмо,— я должен сказать это откровенно,— мне неприятно, после того как вы (в рецензии на «Судьбы капитализма» в «Отечественных записках» за 1883 г.) высказали своё мнение о «русских марксистах» в таких «нелитературных» выражениях³... Многое высказанное вами в последнем очерке заставило меня побороть своё неприятное чувство, возникающее при личном частном обращении к вам. Итак, видите, я — «русский марксист», и притом оскорблённый вами!»

Давая довольно развёрнутую оценку ряду выступлений Михайловского против марксистов, Федосеев решительно выступал также против «филиппики» Михайловского, будто «народнение и размножение ...русских марксистов объясняется очень просто — тем, что «понижился на Руси уровень ана-

ний, критической мысли, энергии, восприимчивости; что потускнели идеалы, выступили разочарования»... Я не встречал такой страстной жажды знаний,— отвечал на это Федосеев, говоря о марксистских кружках той поры,— такой энергии критической мысли и такой отзывчивости к злобам дня, какие господствуют в марксистских кружках. Идеалы этих кружков горят ярко; стремление к практической деятельности очнь велико. Жаль только, что до настоящего момента не выполнена громадная теоретическая работа, именно изучение с точки зрения нашего принципа русской истории, по крайней мере важнейших и ближайших её фазисов».

Письма Федосеева Михайловскому, особенно второе и третье, представляют собой подлинные трактаты на темы, затронутые народниками в их походе против марксистов. «Если на Руси уже налицо пролетариат и буржуазия,— писал Федосеев,— то этот факт неизбежно должен был вызвать к жизни марксистов. Следовательно, русский пролетариат и русские марксисты — явления одинаково реальные, и появление первого вызвало появление вторых, а совсем не наоборот». Письма Федосеева для исследователя развития марксистских идей в 90-е годы прошлого века, формировавшихся до исторических выступлений В. И. Ленина в 1894 и 1895 гг., представляют громадный, вполне оправданный интерес. Недаром Владимир Ильич отмечал, что «тогдашняя публика в своём повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»⁴.

Харьковские марксисты в письмах Михайловскому за подписью «Марксисты» с особым негодованием отмечали, что Михайловский превращает марксистов «из противников капиталистического строя в его защитников и пропагандистов. Что это? — спрашивали авторы письма,— неспособность понять нашу точку зрения или желанье путём искажений скомпрометировать её в глазах читающей публики»⁵.

Письмо за подписью «Ваш читатель-марксист» (Одесса) полно возмущения поведением Михайловского.

Полемической остротой особенно отличается небольшое, но резкое по тону письмо «Южного провинциала» (Киев).

Как и все другие корреспонденты Михайловского, направлявшие к нему свои нелегальные письма, «Южный провинциал» с особым возмущением отмечал тот факт, что русские марксисты, русские социал-демократы, лишённые печатной трибуны, подвергаются безнаказанному шельмованию со стороны народников. «Статья ваша,— писал в заключение киевский марксист,— наглая клевета, тем более гнусная, что марксисты не могут опровергнуть её, не имея литературных средств... Пользоваться тем, что лежащий не может ответить на пинок,— свинство, подлость. Литературному прохождению по-

¹ Эти письма также хранятся в архиве ИМЭЛ за №№ 35617, 35619, 35620, 35621, 35622, 35623. В архиве Михайловского были найдены письма марксистов и более позднего периода — из Симбирска и Киева.

² Ленин. Соч. Т. I, стр. 179. 4-е изд.

³ Федосеев имел в виду заявление Михайловского в «Отечественных записках» о том, что марксисты добиваются вываривания мужика в рабочем котле,— что влечёт за собой для целых поколений болезни, разврат и вырождение,— и что марксисты тем самым являются апологетами всех этих зол. Михайловский облыжно утверждал, будто Н. Зибер в личном разговоре с ним заявил, что пока русский мужик не выварится в фабричном котле, из него не выйдет никакого толку (см. «Русская мысль» № 6 за 1892 г., стр. 192).

⁴ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 377.

⁵ «Былое» № 23 за 1924 г., стр. 105—106.

ра бы это знать, а также знать и то, что у нас есть цензура, которая не только не позволяет марксисту напечатать учёный труд, но даже пикнуть».

В те дни, когда киевские марксисты, как и другие, полагали, что марксисты не могут опровергнуть гнусные статьи «Русского богатства», «не имея литературных средств», что цензура не только не позволит марксисту напечатать учёный труд, но даже пикнуть», — в эти дни Владимир Ильич заканчивал свой гениальный труд «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Ленин не посылал нелегальных писем Михайловскому, он отказался от увеличения эпистолярного архива «Русского богатства», как он не сделал тогда попытки отвечать ему как-либо через легальную (либеральную) печать. Он не пошёл по этому пути¹.

Ленин пошёл по линии наибольшего сопротивления: он стал на путь подпольной печати. Преодолевая отсутствие «литературных средств», вопреки препонам царской цензуры он выступил нелегально со своим великим учёным трудом, страстным и патристическим, ставшим подлинным евангелием русского революционного марксизма, подлинным манифестом рождавшейся в боях революционной марксистской партии в России и вооружившим русских социал-демократов острейшим идейным оружием в их борьбе против фальшивых друзей народа — либеральных народников с Н. К. Михайловским во главе.

V

Политическая обстановка того времени была такова, что «надо было до конца идейно разгромить народничество, чтобы обеспечить дальнейшее распространение марксизма и возможность создания социал-демократической партии»². Именно в этом состояло основное, центральное звено, за которое Ленин ухватился с самого начала своей политической деятельности.

Из всех ленинских рефератов сохранились лишь «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «Подстрочный комментарий к народнической profession de foi» и работа «По поводу так называемого вопроса о рынках»³ — обработанный рефе-

¹ В своём письме к П. Маслову вскоре по окончании первого выпуска «Друзей народа» (30 мая 1894 г.) Владимир Ильич писал: «Насчёт критики Н. К. Михайловского — думаю тоже, что редакция никакая не поместит — не столько по цензурным условиям (ходят слухи об изгнании цензурой русского марксизма после кутерьмы, поднятой «Русским богатством») — сколько по несогласию с Вами и трусости перед нахальной и зазнавшейся «шишкой» (речь идёт о Н. К. Михайловском. — Б. В.). Имел в сем отношении некоторый опыт. (Да я и не думаю, чтобы можно было и стоило отвечать ему в нашей печати) (Ленинский сборник XXXIII, стр. 18—19).

² История ВКП(б), «Краткий курс», стр. 20.

³ Историю этой работы рассказывала Н. К. Крупская в своих воспоминаниях

рат, прочитанный в группе «стариков» осенью (вероятно, в ноябре) 1893 года. Петербургские марксисты, для которых этот реферат В. И. Ленина явился поворотным моментом в истории их группы, получили новое идейное оружие для борьбы с народничеством. Этим нелегальным произведением Ленина зачитывались не только в петербургских подпольных кружках, но и далеко за пределами столицы (известно, что этот ленинский реферат ходил по рукам среди марксистов Тулы).

Широко известно выступление Владимира Ильича в декабре 1893 г. в Москве на нелегальной «вечеринке» против В. В. Там были народники — народовольцы и народоправцы (среди них будущий столп эсеров Виктор Чернов) — и марксисты (Ленин, Анна Ильинична Ульянова-Елизарова, Лядов, Старков, студент Давыдов). Читал реферат «сам» В. В. — «солидный народник», которому тогда было около 45 лет. Против него выступил студент Давыдов. Как сообщал потом на основании записки шпика московский обер-полицеймейстер в департамент полиции, Воронцов своей аргументацией вынудил его замолчать, «так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провёл эту защиту с полным знанием дела»⁴. И действительно, все позднейшие воспоминания отмечают успех выступления Владимира Ильича, который со всей силой убеждения обрушился на В. В., подкрепляя свои научные положения конкретными фактами из русской действительности и статистическими данными. Воспоминания отмечают, что Владимир Ильич выступал во всеоружии своих знаний, «поразил своей учёностью», «марксистская часть молодёжи торжествовала победу»⁵.

1925 года, 44 года эта рукопись не была разыскана. В первом томе сочинений В. И. Ленина (3-е издание) среди произведений, относящихся к периоду 1891—1896 гг. и считавшихся неразысканными, на стр. 462 отмечается и эта работа. Найдена она была в 1937 г. и впервые опубликована в «Большевике» № 21 за 1937 год.

⁴ «Красный архив» № 12 за 1934 г., стр. 76. Начинаясь эта полицейская реплика точным указанием времени и места «вечеринки»: «Января 10 числа 1894 года на конспиративно устроенной сыном коллежского асессора Н. У. Кушенским вечеринке в доме Залевской на Воздвиженке».

⁵ Виктор Чернов, которого трудно заподозрить в доброжелательности к марксистам и в каких-либо симпатиях к В. И. Ленину, в своих позднейших воспоминаниях в эмиграции («Записки социалиста-революционера») рассказывал, что один из присутствовавших на «вечеринке» обратил его внимание на одного молодого гостя, сказав: «Это очень, очень интересный человек, он среди питерских марксистов большая шишка, его брат был тоже крупной величины, он повешен по народоволь-

Ленин знал, что выступлениями в нелегальных кружках и своим, хотя и широко распространенным среди петербургских марксистов, рефератом ограничиваться нельзя. Работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», если даже и попадали в руки к марксистам, не могли ответить на вопросы сегодняшнего дня: они держали под обстрелом другого типа народников, а не либеральных народников середины 90-х годов: время было иное.

Вспоминая это время в «Что делать?», В. И. Ленин его характеризовал так: «Налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооружённой социал-демократической теоретической революционной молодёжи, которая рвалась к рабочим»¹.

В послесловии ко 2-му изданию первого выпуска Владимир Ильич объясняет мотивы, вызвавшие появление «Друзей народа»: «Мотивом, побудившим нас предпринять эту работу, была уверенность в том, что предлагаемое сочинение послужит к некоторому оживлению нашей социал-демократической пропаганды»².

Ленин дал русским марксистам, и прежде всего петербургским, свою гениальную работу «Что такое «друзья народа?» Эта работа воюет против социал-демократов? Эта работа сослужила двойную службу: она была по народникам, разоблачая фальшивых друзей народа, и одновременно развивала учение Маркса, исходя из конкретных русских условий; она служила непосредственно великому освободительному делу русских рабочих, народов России.

В чём заключается историческое значение этой первой ленинской работы, появившейся нелегально на арене политической и теоретической борьбы 50 лет назад?

Ленинская работа, в отличие от писем марксистов Михайловскому, — не защита, а нападение.

Гигантом теоретической марксистской мысли, подлинным знатоком русской истории, русской экономики, русских общест-

ческому делу». Это был Ленин. В. В. налетал на Владимира Ильича с большим азартом, приставая к нему, как с ножом к горлу: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что даёт право вам утверждать подобные вещи, предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал, за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, свой анализ дал Николай — он (в это время только что появился его «Очерк»). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!» Ульянов «огрызнулся» очень успешно, деловито, слегка насмешливо и хладнокровно» (цит. по «Пролетарской революции» № 14 за 1923 г., стр. 59).

¹ Ленин. Соч. Т. IV, стр. 385.

² Послесловие ко 2-му изданию первого выпуска «Друзей народа» — «К предлагаемому изданию». Июль 1894 г. (Ленин. Соч. Т. I, стр. 185. 4-е изд.).

венных отношений показал себя Владимир Ильич в этой работе. С открытым забралом, уверенный в своих силах, убеждённый в исторической объективной правоте своего дела, с новыми идеалами для новой жизни поднялся молодой Ленин против старых авторитетов народничества — Михайловского, Южакова и Кривенко.

Первый выпуск «Друзей народа» направлен против «теоретика» и «социолога» Михайловского; он содержит резкую критику и разоблачение клевет народников «против материализма и марксизма вообще», как говорил Ленин, обосновывает материалистическое мировоззрение и развивает марксистский диалектический метод. Второй выпуск, направленный против «экономиста» Южакова, содержит критику «политико-экономических теорий» народников. (Хотя второй выпуск пока не найден, всё же по работе В. И. Ленина «По поводу так называемого вопроса о рынках», а также и по содержанию критикуемой Лениным в этом выпуске статьи С. Южакова «Вопросы экономического развития России» можно сказать о содержании этого выпуска³.) В третьем выпуске, направленном против «политика» Кривенко, В. И. Ленин беспощадно разоблачает народнические «тактику, практические предложения и политическую программу» и одновременно гениально формулирует программные задачи русских марксистов.

Поход, начатый «Русским богатством», закончился его полным разгромом: народники предстали как фальшивые друзья народа, политика которых резко противоположна коренным интересам русского народа, программа и идеалы которых — программа и идеалы мелких «народных» буржуев», по выражению Ленина. Ленин клеймит народников, растерявших и опозоривших идеалы «первых русских социали-

³ Хотя ни рукописных, ни печатных экземпляров второго выпуска до сих пор не обнаружено, всё же несомненно, что второй выпуск был написан В. И. Лениным и что он напечатан. Во-первых, как уже говорилось выше, Ленин выступал в Самаре против Южакова с рефератом, который затем составил отдельную тетрадку (одну из трёх). Во-вторых, Ленин начинал третий выпуск заявлением о том, что он не будет разбирать статью Кривенко, как он это делал раньше по отношению к Михайловскому и Южакову, что Кривенко для «Русского богатства» является таким же типичным практиком, как Михайловский социологом и Южаков экономистом. При этом Ленин пишет: «Выше (т. е. во втором выпуске. — Б. В.) мы видели, как г. Южаков отделялся ничего не говорящими фразами о народной аренде» (Ленин. Соч. Т. I, стр. 189. 4-е изд.). Что касается вопроса, был ли второй выпуск напечатан, то на это прямой ответ даёт жандармское сообщение о том, что второй выпуск был напечатан в Москве. Воспоминания Л. Мартова (см. дальше, стр. 69) свидетельствуют о том, что он в Петербурге читал все три выпуска.

стов», идеалы, вера в которые когда-то воодушевляла и поднимала десятки и сотни людей на «геройскую борьбу с правительством»¹. Владимир Ильич показывал всю суть перерождения революционных народников в либералов, в идеологов кулачества, программы которых — заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ помещичьей, капиталистической России.

Эту сущность вырождения революционного народничества в народничество либеральное В. И. Ленин вскрыл на том факте, что в деревне за тридцать лет после крестьянской реформы произошло глубокое расслоение, что деревня раскололась.

Марксисты в результате ленинской контратаки предстали перед прогрессивным русским общественным мнением совсем в ином виде, чем их хотели представить Михайловский с компанией. Ленин показал марксистов как подлинных друзей народа, которые во имя настоящих, коренных интересов русского народа хотят уничтожить царизм, а вслед за ним — помещичье и капиталистическое угнетение народа. В этой ленинской работе впервые в русской марксистской литературе была выдвинута ставшая центральной идея революционного союза рабочих и крестьян², ибо Ленин первый среди русских марксистов понял тогда, как говорит товарищ Сталин, что кто идёт и готовится к власти, тот не может не интересоваться вопросом о своих союзниках. Ленин в своей работе «правильно указал путь борьбы рабочего класса, определил его роль, как передовой революционной силы общества, определил роль крестьянства, как союзника рабочего класса»³, и поставил перед марксистами ближайшую задачу — организацию из разрозненных марксистских кружков единой марксистской социалистической рабочей партии.

¹ Ленин, говоря об идеалах первых русских социалистов, вместе с тем отмечал реакционность их утопических взглядов, непонимание ими роли русского пролетариата, вредность их тактики борьбы.

² О рабочем классе как передовой революционной силе русского общества, как гегемоне в будущей революции Ленин много раз в разных выражениях говорит в своей работе. Он утверждает, что «русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России» (Соч. Т. I, стр. 280. 4-е изд.), что «человек будущего в России — рабочий» (стр. 280), что «фабрично-заводский рабочий является не более как передовым представителем всего эксплуатируемого населения» (стр. 281), что «положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса» (стр. 281), что русский рабочий в грядущей революции поднимется «во главе всех демократических элементов» (стр. 282) и т. п.

³ История ВКП(б), «Краткий курс», стр. 21.

Ленин 50 лет назад пророчески предначертал путь борьбы рабочего класса как передовой революционной силы русского общества и роль коммунистической партии. Эти гениальные идеи Ленина сформулированы им в следующих заключительных строках последнего, третьего выпуска «Друзей народа»: «Когда передовые представители его (т. е. рабочего класса России. — Б. В.) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведёт русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции»⁴.

Владимир Ильич дал блестящее изложение марксистского мировоззрения — диалектического и исторического материализма. Разоблачая одну за другой фальсификации Михайловского и других «друзей народа», Ленин показал подлинную теоретическую и революционную сущность «Капитала» Маркса, который своим объективным анализом капиталистического строя доказал, что строй этот должен неизбежно, путём классовой борьбы пролетариата против буржуазии, превратиться в строй социалистический.

Замечательные страницы «Друзей народа» посвятил В. И. Ленин блестящему изложению и дальнейшему развитию революционной и критической марксистской теории. «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечёт к этой теории социалистов всех стран, — писал Ленин, — в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества учёного и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно»⁵.

Ленин обращает внимание марксистов на то (и это звучит крайне актуально через 50 лет, и сегодня), что нельзя быть идейным руководителем без серьёзной «теоретической работы, как нельзя быть им без того, чтобы направлять эту работу по запросам дела, без того, чтобы пропагандировать результаты этой теории среди рабочих и помогать их организации»⁶.

Ленин тогда, в первом своём печатном труде, требовал органической связи, неразрывного единства теории и практики.

Революционной непримиримостью по отношению к врагам народа, фальшивым его

⁴ Ленин. Соч. Т. I, стр. 282. 4-е изд.

⁵ Там же, стр. 308.

⁶ Там же, стр. 279.

друзьям, отсутствием какого бы то ни было штегата к «общепризнанным» литературным авторитетам различных народнических кумиров и божков и к «самому» Н. К. Михайловскому, провидческой ясностью при формулировании стоящих перед марксистами и рабочим классом задач отличается ленинская работа.

В. И. Ленин развил идеи марксизма и защитил их не только от прямых врагов его — народников, — но и от тех, кто искажал и опошлял марксизм, «очищая» его от классовой борьбы, от революционной борьбы, кто пытался прикрыться флагом марксизма. «Самому безобразному сужению и искажению подвергается марксизм, — писал Ленин в приложении III к «Друзьям народа», — когда наши либералы и радикалы берутся за изложение его на страницах легальной печати. Что это за изложение! Подумайте только, как изуродовать нужно эту революционную доктрину, чтобы уложить её на прокрустово ложе российской цензуры!.. Не удивительно, что получается нечто до такой степени бледное и узкое, что наши радикалы принимаются оплакивать бедных русских марксистов. Ещё бы! Русский абсолютизм и русская реакция не были бы абсолютизмом и реакцией, если бы при существовании их можно было целиком, точно и полно излагать марксизм, договаривая до конца его выводы!»¹.

Своей работой молодой Ленин нанёс такой сокрушительный удар по народничеству и непосредственно по Михайловскому, какого до того ни народники вместе, ни Михайловский лично не испытывали².

VI

Как и когда появилась в свет работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа»

¹ Ленин. Соч. Т. I, стр. 307. 4-е изд. Уже тогда, в начале 1894 г., Ленин отметил в выступлениях П. Струве черты «легального марксизма» (см. приложение II к третьему выпуску «Друзей народа», стр. 290).

² Знали ли народники об этой работе В. И. Ленина? В «Указателе литературы о Н. К. Михайловском», приложенном к X тому изданного друзьями Михайловского полного собрания сочинений Н. К. Михайловского (1913) и занимающем 15 страниц текста, набранного петитом, на стр. 1122, в разделе под литерой «Д», приведено следующее признание его издателей и комментаторов: «Друзья народа», вып. I. Н. К. Михайловский. Изд. провинциальной группы соц.-дем. Гектографированная брошюра, 894 или 895 г., одна из самых первых и самых резких по тону брошюр против М-го (разрядка моя.—Б. В.). Автор её—ныне один из лидеров левого крыла русской социал-демократии». Эта библиографическая справка свидетельствует о том, что окружению Михайловского была хорошо известна эта работа Ленина, но против неё никто из них не решился выступить.

и как они воюют против социал-демократов?»?

Выпустить нелегально три больших выпуска была очень трудная задача. Ни у петербургских, ни у московских, ни у провинциальных марксистов своей типографии в то время не было.

Ленин закончил работу над первым выпуском в апреле 1894 года. Над остальными он работал в течение всего лета. Третий выпуск помечен сентябрём. Что третий выпуск Владимир Ильич обрабатывал и заканчивал не раньше лета 1894 г., подтверждается тем, что в приложении к нему упоминается последняя статья Николая — она, которая появилась только в июньской книжке «Русского богатства» за 1894 год. Если первый выпуск написан Владимиром Ильичем в Петербурге, то над остальными двумя он работал, повидимому, в Москве³, вернее, под Москвой.

Как же произошло самое издание этой исторической ленинской работы?

Из рассказов-воспоминаний непосредственных участников⁴ этой первой издательской деятельности ленинской группы выясняется следующее.

Весной 1894 г. петербургские марксисты выпустили первое издание первого выпуска. Второе издание первого выпуска вышло в июле. В Москве «Что такое «друзья народа» сначала предполагалось издать типографским способом; специально с этой целью Ленин приезжал в Москву. Летом рукопись первого выпуска была передана Владимиром Ильичем инженеру-технологу Ганшину, с которым они встретились на квартире Мицкевича, второй и третий выпуски — в Кузьминках (Люблино). Вскоре выяснилось, что типографию, хотя бы и самую примитивную, организовать невозможно. Но удалось достать литографский камень, пишущую машинку «Ремингтон», краски, валик и пр. Работу решено было издать литографским способом. Местом для печатания рукописей Владимира Ильича было выбрано имение отца Ганшина Горки, Переяславльского уезда, Владимирской губернии, в 160 верстах от Москвы⁵.

Но литографскую работу наладить не сумели. Тогда достали автокопист и приступили к делу. К концу августа был напечатан только первый выпуск, и то только в количестве 100 экземпляров, форматом $\frac{1}{4}$ листа, чёрной краской. Работа возобновилась в Москве с начала сентября на

³ Совершенно точно установлено, что 14 (25) июня Ленин выехал из Петербурга в Москву, затем он пробыл некоторое время в Самаре и 27 августа (8 сентября) 1894 г. вернулся в Петербург.

⁴ Врач С. Мицкевич, инженер-технолог А. Ганшин и студенты Московского высшего технического училища (ныне имени Баумана) братья А. и В. Масленниковы, М. Сильвин и др.

⁵ Не смешивать с Горками, что под Москвой, где работал и умер В. И. Ленин.

квартире отца Ганшина (1-я Мещанская). Таким образом в Горках и Москве были изданы первый и второй выпуски; третий выпуск не успели напечатать. Член ленинской группы А. Л. Малченко по поручению Ленина приехал в сентябре из Петербурга в Москву, забрал отпечатанные экземпляры и рукописи, отвёз всё в Петербург, где печатание продолжалось, но уже на гектографе.

Первый выпуск издавался четыре раза: первый раз он был отпечатан весной 1894 г. в Петербурге, второй раз — в июле 1894 г., третий раз — в августе 1894 г., четвёртый раз — в Петербурге в сентябре 1894 года. Второй выпуск издавался дважды: первый раз в августе — сентябре 1894 г. и второй раз — в Петербурге. Третий выпуск издавался один раз в Петербурге¹.

Владимир Ильич в послесловии ко 2-му изданию первого выпуска обращается ко всем единомышленникам с предложением «содействовать всеми средствами (особенно, конечно, переизданием) возможно более широкому распространению» «Друзей народа». Ленин настаивает на том, чтобы русские социал-демократы приложили все усилия, «чтобы доказать нашим врагам, что и выгоды привилегированного положения не всегда обеспечивают успех инсинуаций»².

Есть сведения, что «Друзья народа» в 1894 г. были отпечатаны также в Черниговской губернии на гектографе в количестве 100 экземпляров, из которых 70 были уничтожены из опасения обыска. Эта работа размножалась различными способами: переписывалась от руки (например в Саратове и в других городах), перепечатывалась на машинке и пр.

Значение этой работы было до того огромным, интерес к ней был так велик, что несмотря на свой незначительный тираж (не свыше 300 экз.) «Друзья народа» имели довольно широкое распространение. Эту ленинскую работу читали в Петербурге, Москве и Вильно в 1894 г., в Пензе и Владимире в 1895 г., в Томске и Полтаве в 1896 году. Она была известна в Киеве, Чернигове, Ростове на Дону, Саратове, Тифлисе и в других городах России. «Друзья народа» были хорошо известны за границей деятелям группы «Освобождение труда», ряду участников других социал-демократических организаций.

¹ В записке петербургского градоначальника в департамент полиции от 27 мая 1895 г. за № 7347 сообщалось о деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»: «Деятельность этого кружка выразилась... в выпуске брошюры, озаглавленной «Что такое «друзья народа» (появились первый и второй выпуски, выпущены Старковым и Ульяновым). Кроме того, при содействии Старкова та же брошюра (второй выпуск) была издана в Москве» («Красный архив». Т. 62 за 1934 г.).

² Послесловие ко 2-му изданию первого выпуска «Друзей народа» — «К предлагаемому изданию». Июль 1894 г. (Ленин. Соч. Т. I, стр. 185, 186. 4-е изд.).

Ленинскую работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» читал в Тифлисе и молодой Сталин. Читали её в 1897—1898 гг. и участники его кружка³.

Незначительность тиража, многочисленные обыски, аресты участников социал-демократического движения привели к тому, что эта работа В. И. Ленина через несколько лет (к концу 90-х годов) исчезла из обращения. И всё же несомненно, что это гениальное произведение Ленина читал весь марксистский партийный актив того времени:

Появление «Друзей народа» озарило ярким светом тогдашнее трудное и славное марксистское подполье. Своевременность и остроту выкованного Владимиром Ильичем оружия подтверждают многочисленные участники тогдашнего марксистского движения.

Н. К. Крупская в своих воспоминаниях рассказывает: «Осенью 1894 г. Владимир Ильич читал в нашем кружке свою работу «Друзья народа». Помню, как всех захватила эта книга. В ней с необыкновенной ясностью была поставлена цель борьбы». Выпуски «Друзей народа» ходили по рукам и «их читали довольно широко, и нет никакого сомнения, что они оказали сильное влияние на тогдашнюю марксистскую молодёжь»⁴.

Об огромном впечатлении и влиянии этой работы также говорят А. И. Елизарова и С. И. Мицкевич, один из ближайших товарищей и соратников Ленина в тот период.

О том впечатлении, какое произвели «Друзья народа» на социал-демократическую молодёжь, вспоминает и Н. А. Семашко⁵: «Брошюра Ленина «Что такое «друзья народа», направленная против народников и снабжённая ярким статистическим материалом, была для нас настоящим евангелием. Мы перепечатывали её на гектографе, несмотря на её величину, целыми ночами, прятали в самые недоступные

³ Товарищ Сталин в период 1897—1898 г. доставал нелегальную марксистскую литературу через Ладю Кецховели и среди других книг получил также «Коммунистический манифест», «Положение рабочего класса в Англии», работы Плеханова и работу В. И. Ленина «Что такое «друзья народа». Товарищ Сталин не случайно в прокламации, написанной им на Кавказе в ноябре 1904 г. («Общество заговорило»), развенчивая русских либералов, как за десять лет до того В. И. Ленин развенчивал либеральных народников, писал, что либералы «стараятся уверить народ, что всё исходит от них, что друзья и представители народа это они — либералы». («Прокламация большевистских организаций в Закавказье 1904—1906 гг.», стр. 57. Тбилиси. 1940).

⁴ Крупская Н. Воспоминания о Ленине, стр. 11. Изд. «Молодая гвардия». 1932.

⁵ И. А. Семашко — врач, старый большевик, бывший народный комиссар здравоохранения, ныне профессор Московского медицинского института.

для жандармов места на случай обысков, изучили её почти наизусть»¹.

Л. Мартов в своих «Записках социал-демократа» вспоминает о периоде выхода «Друзей народа»: «Друзья познакомили меня с петербургской литературной новинкой, ходившей в хорошо отгектографированном виде. Это была состоявшая из трёх частей брошюра «Что такое «друзья народа». От брошюры... веяло подлинной революционной страстью и плебейской грубостью... Брошюра обнаруживала и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора... Лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ленина»².

Велико было влияние ленинских «Друзей народа» на революционную молодёжь того времени, на марксистскую в особенности. Влияние ленинской работы испытали подлинные друзья народа. Её по-своему оценили и заклятые враги³.

VII

Текст найденных в 1923 г. выпусков был воспроизведён во 2-м и 3-м изданиях сочинений В. И. Ленина, а также в выпусках отдельными книгами.

В 1936 г. в распоряжение Института Маркса—Энгельса—Ленина поступил новый найденный экземпляр гектографированного издания первого и третьего выпусков (второй выпуск и на этот раз не был обнаружен).

При ближайшем ознакомлении с этим экземпляром оказалось, что он содержит многочисленные редакционные поправки. Эти поправки, очевидно, были сделаны В. И. Лениным при подготовке экземпляра для издания за границей.

Все поправки, внесённые Лениным в этот экземпляр, были учтены при подготовке 4-го издания сочинений В. И. Ленина. В I томе этого издания, вышедшем в 1941 г., накануне Великой отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии, дан новый, авторизованный текст «Друзей народа», который отличается некоторыми особенностями.

¹ Сборник «На заре рабочего движения в Москве». М. 1919.

² Мартов Л. Записки социал-демократа, стр. 239—240. Изд. «Красная новь». 1924.

³ Московское жандармское управление составило довольно подробный протокол обыска, произведённого 3 декабря 1894 г. у С. И. Мицкевича, во время которого у него был обнаружен экземпляр третьего выпуска «Друзей народа». На основе этого протокола московское губернское жандармское управление в своём донесении в департамент полиции весьма выразительно оценило содержание третьего выпуска «Друзей народа»: «Статья эта проповедует классовую борьбу как средство ниспровергнуть капитализм и призывает к коммунистической революции» («Красный архив». Т. 62 за 1934 г.).

В чём же заключаются эти особенности?

Когда Ленин в 1894 г. готовил свою рукопись для нелегального издания, в ней был ряд слов и выражений, которые он подчеркнул. В ряде случаев там, где надо было слова подчеркнуть, выделить курсивом или разрядкой, они оказались ввиду примитивности техники взятыми в кавычки, что, естественно, привело к искажению смысла. При подготовке рукописи к печати Владимир Ильич внёс необходимые поправки, например раньше было напечатано: «марксизм создал возможность «научной» социологии», теперь исправлено: «марксизм создал возможность научной социологии» (стр. 123) (ср. также 3-е и 4-е изд., стр. 76 и 141, 108 и 179 и т. д.).

Другая особенность текста нового издания по сравнению с текстом 2-го и 3-го изданий заключается в том, что ряд вставок, данных в основном тексте в скобках, перенесён в сноски. Это Ленин сделал для того, чтобы облегчить текст и не прерывать логическое течение мысли (ср. 3-е и 4-е изд., стр. 61 и 122, 69 и 133, 73 и 137 и т. д.).

Устранены некоторые опечатки, вкравшиеся в текст. Так, например, в 3-м издании (стр. 72) напечатано: «Поскребите «народного духа»— можем сказать мы, перефразируя известное изречение — и вы найдёте буржуа». В 4-м же издании (стр. 136) эта фраза исправлена так: «Поскребите «народного друга»— можем сказать мы, перефразируя известное изречение — и вы найдёте буржуа». («Исправленные опечатки ср. 3-е и 4-е изд., стр. 59 и 120, 64 и 126.»)

Третья особенность авторизованного ленинского экземпляра заключается также в усилении и заострении отрицательных характеристик «критиков» марксизма. Приведём несколько примеров. Ю. Жуковский во 2-м и 3-м изданиях был назван «мелкобуржуазным» (стр. 57), в 4-м же издании — «пошло-буржуазным» (стр. 117). О Н. Михайловском было сказано, что он «слышал звон, да не знает, откуда он» (стр. 81), в 4-м же издании исправлено так: «слышал звон, да не понял, откуда он» (стр. 147).

Наконец, четвёртая особенность текста нового издания заключается в следующем. Во 2-м и 3-м изданиях непосредственно после окончания текста «Друзей народа» идёт «Приложение I», начинающееся со статистической таблицы. В 4-м издании этой таблице предшествует страница (283) ленинского объяснения к таблице, пропущенная в предыдущих изданиях сочинений Ленина⁴.

Ценность найденного в 1936 г. авторизованного ленинского экземпляра «Друзей народа» поистине безмерна.

⁴ См. подробный анализ особенностей ленинского авторизованного экземпляра в «Пролетарской революции» № 1 за 1941 год. Гладков И. К. выходу I тома четвёртого издания сочинений В. И. Ленина, стр. 23—26.

VIII

В предисловии к сборнику «За 12 лет» (1908) Ленин отмечал весьма важное явление, относящееся к периоду создания и появления его работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»: «Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъёма массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения,— этого самого могучего фактора всей нашей революции»¹.

Эти глубокие ленинские замечания мы должны отнести больше всего и прежде всего к самой знаменитой ленинской работе. Именно «Друзья народа» прежде всего явились тем «преддверием подъёма массового рабочего движения в России», о котором говорит Ленин. Эта работа явилась непосредственным предшественником того поворота в деятельности русских революционных марксистов (соединение социализма с рабочим движением), который имел серьёзнейшее значение для всего дальнейшего развития революционного движения в России.

Работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» явилась для русских марксистов тем программным документом, который сформулировал основные вопросы стратегии и тактики и благодаря которому рабочее движение, превращавшееся в серьёзную силу политической жизни России, получило глубоко теоретическую основу. Марксистские, социал-демократические кружки под воздействием этой ленинской работы, а вслед за нею и других выступлений Владимира Ильича и его организаторской деятельности оказались в этот период ост-

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 57.

рейшей борьбы с народничеством в состоянии перейти к революционной практической социал-демократической работе среди русского пролетариата и других общественных групп России.

Работа В. И. Ленина явилась историческим преддверием к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», который впервые стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.

В выступлениях Ленина того периода, особенно в его работе «Что такое «друзья народа», передовая мысль России, которая в течение около полувека — с 40-х до 90-х годов XIX века — «жадно искала правильной революционной теории» (Ленин), нашла яркое, смелое и правильное выражение всех своих чаяний и надежд — всего того, что так глубоко выстрадала Россия. И теперь, спустя 50 лет после опубликования этой гениальной ленинской работы, наш великий народ с глубокой благодарностью поёт в своём государственном гимне: «И Ленин великий нам путь озарил». Работа Ленина «Что такое «друзья народа» и явилась одним из тех первых ярких ленинских лучей, которые озарили путь рабочему классу — авангарду русского народа, народов России.

В. И. Ленин 50 лет назад своей работой «Что такое «друзья народа» развернул знамя, которое стало знаменем созданной им в великом содружестве с товарищем Сталиным партии большевиков, спасшей нашу великую родину — Россию, — русский народ и вместе с ним и все другие народы нашей страны от позора царизма, от кабалы помещиков и гнёта капитала и направившей их на спасительный путь социализма.

В богатейшем арсенале побед советского народа и его героической Красной Армии, побед, организуемых нашей великой большевистской партией под водительством товарища Сталина, одним из острейших и надёжнейших оружий их идейной большевистской закалки является бессмертная работа бессмертного Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

АКАДЕМИК В. Г. ВАСИЛЬЕВСКИЙ И ЕГО РАБОТА ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Н. Лебедев

Академик Василий Григорьевич Васильевский (1838—1899) оставил глубокий след как в русской, так и в западноевропейской исторической науке. Многие его выводы и результаты исследований не устарели и до настоящего времени, а его методы научной работы над источниками могут служить образцом и для историков нашей эпохи.

Широкое привлечение первоисточников, многостороннее, внимательное и тщательное их изучение и использование, постоянное стремление привлечь новые источники,

ещё не бывшие в научном обороте, а также по-новому комментировать уже известные исторические памятники, подойти к ним с новой точки зрения — вот основные приёмы научной работы В. Г. Васильевского, создавшие ему славу выдающегося исследователя.

В. Г. Васильевский, как известно, являлся специалистом в области византиноведения. Он много и плодотворно работал по истории Византии. Не будет преувеличением сказать, что акад. В. Г. Васильевский положил начало русскому научному ви-

VIII

В предисловии к сборнику «За 12 лет» (1908) Ленин отмечал весьма важное явление, относящееся к периоду создания и появления его работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»: «Оживление в литературе и горячие споры марксистов с старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъёма массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896-го года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения,— этого самого могучего фактора всей нашей революции»¹.

Эти глубокие ленинские замечания мы должны отнести больше всего и прежде всего к самой знаменитой ленинской работе. Именно «Друзья народа» прежде всего явились тем «преддверием подъёма массового рабочего движения в России», о котором говорит Ленин. Эта работа явилась непосредственным предшественником того поворота в деятельности русских революционных марксистов (соединение социализма с рабочим движением), который имел серьёзнейшее значение для всего дальнейшего развития революционного движения в России.

Работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» явилась для русских марксистов тем программным документом, который сформулировал основные вопросы стратегии и тактики и благодаря которому рабочее движение, превращавшееся в серьёзную силу политической жизни России, получило глубоко теоретическую основу. Марксистские, социал-демократические кружки под воздействием этой ленинской работы, а вслед за нею и других выступлений Владимира Ильича и его организаторской деятельности оказались в этот период ост-

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 57.

рейшей борьбы с народничеством в состоянии перейти к революционной практической социал-демократической работе среди русского пролетариата и других общественных групп России.

Работа В. И. Ленина явилась историческим преддверием к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», который впервые стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.

В выступлениях Ленина того периода, особенно в его работе «Что такое «друзья народа», передовая мысль России, которая в течение около полувека — с 40-х до 90-х годов XIX века — «жадно искала правильной революционной теории» (Ленин), нашла яркое, смелое и правильное выражение всех своих чаяний и надежд — всего того, что так глубоко выстрадала Россия. И теперь, спустя 50 лет после опубликования этой гениальной ленинской работы, наш великий народ с глубокой благодарностью поёт в своём государственном гимне: «И Ленин великий нам путь озарил». Работа Ленина «Что такое «друзья народа» и явилась одним из тех первых ярких ленинских лучей, которые озарили путь рабочему классу — авангарду русского народа, народов России.

В. И. Ленин 50 лет назад своей работой «Что такое «друзья народа» развернул знамя, которое стало знаменем созданной им в великом содружестве с товарищем Сталиным партии большевиков, спасшей нашу великую родину — Россию, — русский народ и вместе с ним и все другие народы нашей страны от позора царизма, от кабалы помещиков и гнёта капитала и направившей их на спасительный путь социализма.

В богатейшем арсенале побед советского народа и его героической Красной Армии, побед, организуемых нашей великой большевистской партией под водительством товарища Сталина, одним из острейших и надёжнейших оружий их идейной большевистской закалки является бессмертная работа бессмертного Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

АКАДЕМИК В. Г. ВАСИЛЬЕВСКИЙ И ЕГО РАБОТА ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Н. Лебедев

Академик Василий Григорьевич Васильевский (1838—1899) оставил глубокий след как в русской, так и в западноевропейской исторической науке. Многие его выводы и результаты исследований не устарели и до настоящего времени, а его методы научной работы над источниками могут служить образцом и для историков нашей эпохи.

Широкое привлечение первоисточников, многостороннее, внимательное и тщательное их изучение и использование, постоянное стремление привлечь новые источники,

ещё не бывшие в научном обороте, а также по-новому комментировать уже известные исторические памятники, подойти к ним с новой точки зрения — вот основные приёмы научной работы В. Г. Васильевского, создавшие ему славу выдающегося исследователя.

В. Г. Васильевский, как известно, являлся специалистом в области византиноведения. Он много и плодотворно работал по истории Византии. Не будет преувеличением сказать, что акад. В. Г. Васильевский положил начало русскому научному ви-

византиноведению. Те византиноведческие работы, которые вышли из-под пера русских учёных, писавших до В. Г. Васильевского, носили характер случайных изысканий и в дальнейшем развитии русского византиноведения большого значения не имели.

Поэтому, приступая к разработке византийской истории, В. Г. Васильевский вынужден был начать с самого начала. И, тем не менее, он создал науку о Византии в России, посвятив этой науке около 30 лет напряжённой научной деятельности.

В. Г. Васильевский придавал большое значение работам русских учёных в области истории Византии. Говоря о задачах русской исторической науки, он писал: «Есть отделы, в которых она не должна и не может довольствоваться повторением чужого. К таким отделам принадлежит, конечно, и византийская история, так тесно связанная с русской и славянской»¹. Тематика византиноведческих работ В. Г. Васильевского чрезвычайно разнообразна.

В. Г. Васильевский изучал отношения Византии к Востоку и Западу. Темы о связях Византии с древней Русью, о византийско-русских отношениях особенно привлекали его внимание, и он уделял им много места в своих изысканиях.

В. Г. Васильевский исследовал в своих работах не только вопросы внешнеполитической истории византийского государства. Он является одним из первых исследователей внутренней истории Византии и первым русским учёным, поставившим это изучение на подлинно научную основу.

Многогранность тематики, обилие поставленных и разрешённых вопросов поражают историка, работающего над изучением научного творчества и научного наследия В. Г. Васильевского, особенно если иметь в виду сложность политической и социальной обстановки некоторых периодов византийской истории.

Акад. Васильевский никогда не стоял в стороне от тёмных и трудных вопросов, которыми так богата история Византии. Наоборот, он всегда стремился разрешить их, входил, по словам акад. Б. Д. Грекова, в самый их «водоворот... и вышел из этого водоворота с честью»².

В. Г. Васильевский родился в январе 1838 года. Он происходил из духовного звания. Отец его был сельским священником в селе Ильинском, Ярославской губернии. Окончив ярославскую духовную семинарию, Васильевский осенью 1856 г. поступил в Петербургский главный педагогический институт. В институт он поступил с хорошей подготовкой и довольно обширными знаниями. «Он имел прекрасную подготовку по древним языкам, по истории, по русской словесности; он читал уже по-французски и по-немецки; он рассуждал о философии, о религии, о политике, имел большую начитанность и был варажён скептицизмом по отношению к во-

просам, которых незаметно касались другие»³. Таков был юноша В. Г. Васильевский.

Благодаря хорошей подготовке В. Г. Васильевский занял несколько привилегированное положение среди студентов, не только однокурсников, но и старших курсов, которые искали общения с ним. В числе этих студентов был будущий знаменитый русский критик и публицист Н. А. Добролюбов.

Во время пребывания в педагогическом институте, а затем, с 1859 г., когда институт был закрыт, — в университете В. Г. Васильевский очень много читает. Надо сказать, что в то время в силу различных обстоятельств публицистическая литература была очень распространена среди студентов. «Каждый старался прочесть, — пишет по этому поводу В. И. Модестов, — то, чего другой ещё не читал, а если книга очень важная, то прочесть и её, коль скоро она прочтена его товарищем»⁴.

Последний год пребывания В. Г. Васильевского в университете совпал с большим общественным подъёмом в жизни России, которым отличаются 60-е годы и который отразился на студенчестве и на самом В. Г. Васильевском, также увлекавшемся в силу этого общественно-политическими вопросами своего времени.

В 1860 г. В. Г. Васильевский закончил университет и получил звание старшего учителя. В 1862 г. он уехал «с учёной целью», как говорили тогда, в заграничную командировку на два года. Остановился он в Берлине, где тогда вели занятия Моммзен и Дройзен, лекции которых В. Г. Васильевский стал посещать. За границей В. Г. Васильевский провёл два года и в 1864 г. вернулся в Россию. Здесь его ожидали разочарования: дело с его диссертацией не ладилось, у него возникли разногласия с руководителем его научными занятиями М. С. Куторгой. Тяжёлым было и материальное положение В. Г. Васильевского. Последнее обстоятельство заставило его принять место учителя гимназии в Вильно и уехать из Петербурга. В Вильно, помимо преподавательской работы, В. Г. Васильевский занялся разработкой местных архивных материалов. Результатом этой работы явились его исследования по истории Литвы и города Вильно.

В 1870 г. В. Г. Васильевский получил возможность защищать свою магистерскую диссертацию. По тому времени это была одна из выдающихся работ по истории Греции на тему «Политические реформы и социальное движение в древней Греции в период её упадка».

После защиты диссертации В. Г. Васильевский занял кафедру в Петербургском университете и не покидал её до самой смерти (май 1899 года). Он читал общий курс истории средних веков, сделав историю Византии предметом своих специаль-

¹ «Вестник древней истории» № 1 за 1939 г., стр. 217.

² Там же, стр. 338.

³ «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП») за 1902 г., стр. 138 (статья В. Модестова «В. Гр. Васильевский»).

⁴ «ЖМНП» за 1902 г., стр. 141.

ных исследований. Как профессор и руководитель студенчества, В. Г. Васильевский зарекомендовал себя с самой лучшей стороны.

Выше уже упоминалось, что В. Г. Васильевский придавал большое значение византийско-русским отношениям. В этой области он и начал свои изыскания. Рассмотрению взаимоотношений древней Руси и Византии посвящены следующие работы В. Г. Васильевского: «Византия и печенеги», «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI и XII веках», «Русско-византийские отрывки».

Под общим заглавием «Русско-византийские отрывки» собраны следующие исследования В. Г. Васильевского: «Два письма византийского императора Михаила VII Дуки Всеволоду Ярославичу», «Из истории 976—986 годов», «Записка греческого топарха», «Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян», разыскания в области агиографической литературы, а именно: Жития Стефана Нового, Иоанна Готского, Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.

Статья В. Г. Васильевского «Византия и печенеги» появилась в 1872 году. «Никогда не забыть того сильного впечатления, какое произвело в среде интересовавшихся русским историческим движением появление первой по времени статьи Васильевского по Византии»¹, — писал известный византист акад. Ф. И. Успенский. Несколькими строками ниже Ф. И. Успенский дал следующую оценку этой работе В. Г. Васильевского: «И по своему внутреннему значению, и по живости изложения, и по методическим приёмам упомянутая статья «Византия и печенеги» может быть взята как образец для характеристики учёной деятельности Васильевского»².

Изложение событий из истории Византии В. Г. Васильевский начинает в этой статье с момента кончины византийского императора Василия II Болгаробойца, т. е. с 1025 года. Он отмечает созданное этим императором и его предшественниками могущество Византийской империи. После Василия II византийское правительство совершает ряд «грубых политических ошибок»³. Однако начало этим ошибкам положил, по мнению В. Г. Васильевского, сам Василий II завоеванием Болгарии. Завоевание Болгарии и неприязненное отношение к болгарскому населению византийской администрации и греческого духовенства нарушили «систему византийского равновесия на севере»⁴ империи, нарушили ту византийскую политику, которую так хорошо изобразил в своих сочинениях византийский император Константин VII Порфирородный.

В чём же сущность сделанной византийским правительством ошибки? Почему

именно завоевание греками Болгарии нарушило систему политического равновесия на границах империи, вызвало осложнения и так неблагоприятно отразилось на дальнейших событиях, на дальнейшей истории Византии?

При объяснении политической обстановки, сложившейся в результате весьма сложного сплетения различных по своему происхождению и по своей природе явлений в истории Востока и Запада, В. Г. Васильевский ввёл в научный оборот совершенно новый элемент, никем из исследователей до него не применявшийся. Этот новый элемент — печенеги. Печенеги уравнивали политические отношения, с одной стороны, между Византией и Болгарией, а с другой — между Византией и русскими и мадьярами. Дружба и союз с печенегами спасали Византию от нашествия русских и мадьяр, спасали её от войны с Болгарией.

Но вот Болгария подчинена Византии, и богатая Византийская империя становится непосредственной соседкой печенежских орд. Равновесие начинает колебаться. Византии начинают грозить печенежские набеги со всеми их плачевными последствиями. На протяжении ряда лет византийские провинции, вплоть до столицы империи Константинополя, подвергались опустошительным набегам кочевников — печенегов, узов, половцев. В происходивших столкновениях греки неоднократно терпели серьёзные поражения, ставившие империю почти на край гибели, особенно после того, как печенегам удалось войти в соприкосновение с близкими им этнически турками-сельджуками, теснившими Византию с востока, со стороны её малоазиатских провинций.

Крайне тяжёлым оказалось положение Византии в конце XI столетия, при императоре Алексее I Комнине, а именно зимой 1091 года. И вот в тот момент, когда казалось, что Византийская империя погибает под ударами врагов — печенегов и турок, — Алексей Комнин обратился за помощью к половцам, которых он незадолго до этого с большим трудом изгнал за границы своего государства, опасаясь их не менее, чем печенегов. Безусловно, обращение за помощью к половцам было весьма рискованным шагом. Одновременно Алексей слал письма на Запад, взывая о помощи для спасения своей империи.

Однако цели, которые преследовал Алексей Комнин, обращаясь за помощью к половцам и латинянам, были различные. Половцы, по определению В. Г. Васильевского, «были союзниками отчаяния»⁵. «Они должны были, — читаем мы у В. Г. Васильевского, — в самом благоприятном случае только помочь императору Алексею пережить критическую минуту, пока не придут более надёжные, более цивилизованные и человечные союзники. Этими союзниками были люди латинского Запада»⁶.

Наряду с этим, как показывает В. Г. Васильевский на основании привлечённых

¹ «ЖМНП» за 1899 г., стр. 294.

² Там же.

³ Васильевский В. Труды. Т. I, стр. 2.

⁴ Там же, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 77.

⁶ Васильевский В. Труды. Т. I, стр. 77.

ним источников, византийский император Алексей Комнин, этот «истый и кровный византиец»¹, ревностный богослов, до мозга костей «проникнутый воззрением строгой противолатинской партии»², не шедший ни на какие уступки в спорах с Римом в области догматики, теперь, ожидая помощи с Запада, шёл на уступки и протянул руку примирения папе Урбану II, зная, что многое зависит в Западной Европе от него. Разбор взаимоотношений Византии и Запада в области церковных дел позволил В. Г. Васильевскому ещё резче подчеркнуть трагическое значение для Византийской империи печенежских походов и катастрофическое положение государства, вызванное этими походами.

Стеснённый турками, находясь накануне своей гибели, византийский самодержец готов был опречься не только от принципов, на которых была построена его монархия, но и от живого символа этой монархии — столицы Константинополя.

Чтобы понять всю трагичность положения Византийской империи и её правителя, который был готов отказаться от своей столицы, надо осознать всё значение Константинополя в то время, всё его величие.

И вот «в 1091 году с берегов Босфора, — читаем мы у В. Г. Васильевского, — донёсся до Западной Европы прямой вопль отчаяния, настоящий крик утопающего, который уже не может различать, дружеская или неприязненная рука протянется для его спасения»³. Византийский император в письмах, которые он отправлял во все стороны, описывал ужасы печенежского и турецкого нашествия и молил о спасении Византии. «Я сам, — писал Алексей Комнин, — облечённый саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения: я принуждён бегать пред лицом турок и печенегов, оставаясь в одном городе, пока их приближение не заставит меня искать убежища в другом»⁴.

И почти вслед за этим, умоляя всех, кто бы они ни были, придти помочь гибнущей христианской державе, Алексей Комнин заявлял: «Мы отдаёмся в ваши руки, мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь лучше достанется вам, чем туркам и печенегам»⁵.

В. Г. Васильевский придавал этому письму императора Алексея большое значение, и в его концепции оно занимает видное место. В. Г. Васильевский находил, что знаменитая речь папы Урбана II на Клермонском соборе не была новым и единственным стимулом крестового похода. Идея похода в умах западных феодалов созрела независимо от папы и первоначально не была, конечно, связана с одним

Иерусалимом»⁶, — говорил В. Г. Васильевский. Он высказывал даже предположение, что эта идея, «может быть, вовсе не была соединена»⁷ с Иерусалимом. Не одних мистических порывы руководили рыцарями и их вождями. Для них речи Петра Амьенского были неубедительны. Фанатизм и энтузиазм этого знаменитого проповедника средних веков не трогали сердца феодалов, к его пламенным речам феодалы были равнодушны. Заманчивые мирские выгоды, богатства Византийской империи и её столицы — вот что влекло в первый крестовый поход феодальное войско Запада.

Походы печенегов, тяжёлое положение Византии, письмо Алексея Комнина, захватнические стремления западных рыцарей, привлечённых сказочными богатствами Константинополя, и, наконец, Клермонский собор, речь папы Урбана II, Пётр Пустынный (Амьенский) и толпы народа с их наивной верой в спасение гроба Господня — вот основные линии концепции В. Г. Васильевского, построенной им при объяснении причин этого похода.

В этой концепции, несомненно интересной и любопытной, недостаёт, по нашему мнению, существенного звена: В. Г. Васильевский упустил столь значительный фактор, как внутреннее состояние Европы. Характеристика, анализ этого состояния отсутствуют в общей системе его доводов. Между тем хорошо известно, что общественная жизнь Западной Европы в эту эпоху была полна самых разнообразных коллизий классового порядка, которые также служили причинами движения людей Запада на Восток.

Продолжая дальше следить за ходом событий, В. Г. Васильевский установил, что в первоначальные планы первого крестового похода были внесены некоторые изменения. Из них самое значительное «произведено было резким и неожиданным вмешательством в судьбу христианской цивилизации со стороны двух варваров, которые не знали ни папы Урбана, ни графа Фландрского и которых... не хотели знать не только старинные благочестивые повествователи о папе Урбане на Клермонском соборе и о Петре Амьенском, но и новейшие исторические исследователи, привыкшие, подобно своим средневековым предшественникам, смотреть на ход истории только под своим углом зрения»⁸.

Какой жестокий укор звучит в этой реплике по адресу историков, предпочитающих пользоваться проторенными дорогами в своих исследованиях, в своей научной работе! В своём исследовании В. Г. Васильевский пошёл по другому пути: для объяснения хода событий он привлёк обширный материал первоисточников и дал ему оригинальное, совершенно новое освещение.

Два варвара, на роль которых в истории первого крестового похода обратил внимание В. Г. Васильевский, были половецкие

¹ Васильевский В. Труды. Т. I, стр. 79.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 90—91.

⁵ Там же, стр. 91.

⁶ Там же, стр. 93.

⁷ Там же, стр. 93—94.

⁸ Там же, стр. 96.

ханы Боняк и Тугоркан. Об их решающей роли в описываемых событиях и не подозревали те учёные, по адресу которых направлен упрек В. Г. Васильевского.

Описываемые события завершились тем, что несмотря на катастрофичность положения энергичный Алексей Комнин сумел собрать небольшую армию, с которой и двинулся отражать нашествие печенегов, не ожидая помощи с Запада. С половецкими ханами ему удалось заключить военный союз, и совместно с ними он напал на печенежские вежи. В кровопролитной битве 29 апреля 1091 г. печенеги были почти полностью уничтожены. Вскоре Алексей покончил и с половцами. Таким образом, именно «половцы оказали громадную услугу христианскому миру», — заключает В. Г. Васильевский. — Предводители их — Боняк и Тугоркан — должны быть по справедливости названы спасителями византийской империи¹.

Работа В. Г. Васильевского «Византия и печенеги» занимает видное место в византиноведческой литературе, и без неё не могут обойтись все те, кто изучает историю Византии или занимается историей средневековья. Прекрасный анализ событий XI в., новая постановка проблемы о причинах первого крестового похода, с привлечением нового этнического элемента — печенегов, половцев — как действительной силы в разыгравшихся тогда событиях, замечательные приёмы работы над источниками, глубокое и разностороннее освещение приведённых фактов — вот основные достоинства этой работы В. Г. Васильевского.

Семидесятые годы XIX в. в истории русской науки, а также в истории русской общественной мысли отмечены интенсивной борьбой норманской и антинорманской школ по вопросу о происхождении Руси. К этому времени борьба между норманистами и антинорманистами приняла широкие размеры. На страницах журналов появился ряд статей, в которых страстно обсуждались доводы обоих направлений.

В разгар этой борьбы в «Журнале министерства народного просвещения» (1874 г.) появилась статья В. Г. Васильевского о варяго-русской и варяго-английской дружине. Эта статья выдвигала совершенно новую точку зрения по вопросу о составе варяжской дружины в Константинополе. Общепринятым было мнение, «что варяжская дружина в Константинополе состояла из скандинавов или вообще из людей северно-немецкой ветви»². В. Г. Васильевский не был согласен с этой точкой зрения и в своей работе пытался доказать, что под варягами в Византии в XI в. надо понимать русских славян.

¹ Васильевский В. Труды. Т. I, стр. 107.
² «Древняя и новая Россия», Т. II, № 5, стр. 84.

Для доказательства этого тезиса В. Г. Васильевский в своей статье использовал большое количество разнообразных источников. Помимо произведений многих византийских писателей: Михаила Пселла, Агталиоты, Вриенния, Скилицы, Никиты Хониата и др., — В. Г. Васильевский привлёк русские и грузинские летописи, сочинения восточных писателей — арабских и сирийских, — сочинения армянских историков и хронистов, рунические надписи, свидетельства западноевропейских современников, византийские хрисовулы, эпиграфический материал и пр. Особенно следует отметить использование В. Г. Васильевским исландских саг и песен скальдов. Он придавал им большое значение и ставил на одно из видных мест среди привлечённых им первоисточников, но в то же время подвергал их основательной критике и детальному анализу.

В результате своего исследования, чрезвычайно подробного и глубокого, В. Г. Васильевский выдвинул среди многих других следующие положения: 1. На основании критического разбора скандинавских саг и песен скальдов XI в., а также некоторых иных данных можно заключить, что «варягами» в Византии были русские. 2. Анализ источников показывает, что в них «имя русских не встречается наряду с варягами, а либо одно, либо другое или у одного писателя русские, а у другого на том же месте варяги»³, а официальный византийский язык употребляет выражения «Русь-варяги», «Варяго-Русь». 3. В составе варяжского военного корпуса в Византии находились и скандинавские норманны, пришедшие в Константинополь через Русь, где они составляли наёмную «дружину русских князей»⁴. С конца XI в. русских людей заменили появившиеся в Византии англо-саксы.

Нужно заметить, что исследование В. Г. Васильевского «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе в XI и XII веках» не утратило большого научного значения и сейчас, хотя со времени его написания прошло около 70 лет.

Под скромным названием «Русско-византийские отрывки» В. Г. Васильевский сгруппировал исследования, также посвящённые изучению вопроса о византийско-русских отношениях.

Первое из них — «Два письма византийского императора Михаила VII Дуки Всеволоду Ярославичу» — было вызвано появлением в печати двух писем, опубликованных греческим учёным Сафою; определить их автора и адресата не удалось. Сафа считал, что письма адресованы известному норманскому князю Роберту Гвискару.

Тщательное, буквально скрупулёзное изучение текста писем, вылившееся в гро-

³ Васильевский В. Труды. Т. I, стр. 374.

⁴ Там же, стр. 375.

мадную исследовательскую работу текстологического характера, а также ознакомление с исторической обстановкой не только не позволили В. Г. Васильевскому согласиться с мнением греческого учёного, но заставили его выдвинуть свою собственную гипотезу, сводившуюся к тому, что адресатом Михаила VII Дуки являлся русский князь Всеволод Ярославич, сын Ярослава I и отец Владимира Мономаха, бывший великим князем с 1078 по 1093 год¹.

Проделанная В. Г. Васильевским работа над письмами византийского императора делает произведение его ценным и образцовым не только по тем выводам, к которым он пришёл, но и по тем приёмам исследования, которые он применил при изучении источника.

Всё же в данной работе В. Г. Васильевского следует отметить и один недостаток: очень краткий анализ состояния византийского государства в конце XI в., а также тех политических мотивов, которые заставили Михаила обратиться с письмами к русскому князю.

Второй очерк, помещённый в «Отрывках», озаглавлен «Из истории 976—986 годов» (из ал-Мекина и Иоанна Геометра). Содержанием его явилось не исследование византийской истории конца X в., а разбор материалов из обозначенных в подзаголовке работы авторов: арабского историка и византийского писателя. Почему же В. Г. Васильевский к ним обратился? Он обратился к ним потому, что и русская и византийская летописи, а также историческая литература Византии той поры (Скилица, Кедрин, Зонара, Пселл) оказались, по изысканиям В. Г. Васильевского, не на высоте: в них много ошибок, неточностей, разногласий, неграмотных, грубых компиляций.

Между тем византийская история конца X в. насыщена событиями, в которые резко и сильно вмешивается древняя Русь. И факты, связанные с вмешательством русских в историю Византии, играют не последнюю роль. Наряду с этим нужно отметить, что в X в. в истории древней Руси и Византии есть много неясных сторон.

Поэтому «если бы мы могли восстановить,— пишет В. Г. Васильевский,— точную хронологию всех этих событий, то для нас стала бы яснее не только общая связь между затруднительным положением Византии и успехами болгар с одной стороны, крещением русского князя Владимира и пробуждением энергии греческого оружия в борьбе с болгарами с другой стороны, но в ином, более ярком свете выставились бы многие частные подробности истории, не только византийской, но также болгарской и русской»². Всё это, вместе взятое,— неудовлетворительное состояние византийских исторических источников и большое историческое значение эпохи — заставило исследователя обратиться за до-

полнениями и поправками к другим как византийским, так и не византийским источникам.

Разобрав некоторые известия ал-Мекина, а также ряд свидетельств в стихотворениях гимнографа и церковного оратора Иоанна Геометра, имевших отношение к истории Византии и крещению Руси, В. Г. Васильевский на основании этого убедительно доказал ценность для истории Византии и древней Руси этих двух писателей.

Большим исследованием является третья работа В. Г. Васильевского, помещённая в «Отрывках»,— «Записка греческого топарха». Выше уже было упомянуто, что В. Г. Васильевский не стоял в стороне от неясных вопросов, поставленных русской исторической наукой, а, наоборот, всегда брался в своих работах за их решение. Примером такого рода исследования и является «Записка греческого топарха», в которой много тёмных, неясных сторон и которая в связи с этим вызвала появление значительной литературы: А. Куник, Ф. Вестберг, А. Васильев и др.

В. Г. Васильевский в своей работе над «Запиской греческого топарха» подошёл по-новому к этому памятнику, предложив ряд новых решений вопросов, встречающихся в «Записке»: повелителя, фигурирующего в «Записке» и живущего к северу от Дуная, В. Г. Васильевский отождествляет со Святославом; под «варварами», нападавшими на область топарха, он понимает не хазар, а венгров; описываемые в «Записке» события происходят, по В. Г. Васильевскому, не в Крыму, а на Дунае и в Болгарии и пр.

Многие из утверждений В. Г. Васильевского весьма дискуссионны и отвергнуты критикой уже в наше время.

Но в 70-е годы, когда В. Г. Васильевский работал над «Запиской греческого топарха», состояние памятников и источников было совсем не такое, как в начале XX столетия, во время разбора работы В. Г. Васильевского Ф. Вестбергом или А. Васильевым. Надо учесть, что В. Г. Васильевский во многих вопросах в своей «Записке» шёл целиной, непроторенными тропинками — и шёл смело, выдвигал смелые гипотезы, вносил смелые новые решения и вёл за собой этим путём, путём дерзаний, русскую историческую науку.

Последней частью «Русско-византийских отрывков» является «Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян». В научном творчестве В. Г. Васильевского должна быть отмечена одна особенность, проходящая красной нитью через большинство его работ,— это обширное привлечение и использование первоисточников, а равным образом и литературы, относящейся к изучаемому им вопросу. В. Г. Васильевский привлекает самый разнообразный источниковедческий материал. В этом отношении он не знает границ. Свободно и легко вводит он в научный оборот источники, крайне различные по географическому происхождению или же обозначаемые далеко отстоящими одна от другой хронологическими датами, причём среди тех и других мы мо-

¹ В. Г. Васильевский без особого труда установил автора писем.

² Васильевский В. Труды. Т. II, стр. 63.

жем найти материал самого различного жанра и содержания.

Если мы с этой точки зрения подойдем к статье «Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян», то увидим, что она очень характерна для научного творчества В. Г. Васильевского. Центральное место в этой работе автор отводит апокрифам. Исследование апокрифического материала в «Хождении» В. Г. Васильевский произвел мастерски, с большим научным остроумием, что позволило ему вскрыть и объяснить ряд исторических фактов при помощи апокрифических источников.

Заслуга В. Г. Васильевского при изучении им «Хождения» заключается еще и в том, что он сделал попытку поставить в связь византийскую легенду, перешедшую в апокриф о хождении апостола Андрея, с историческими данными и историческими событиями, приуроченными к древнерусской истории, и тем самым указал, что при надлежащей проверке и научной критике «Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян» может быть использовано как исторический источник.

В. Г. Васильевский, обнаружив в рассмотренной им легенде исторические черты и подвергнув их научной критике, пришел к определенному выводу уже исторического значения, а тем самым и подчеркнул большое значение для исследователя-историка апокрифической литературы.

В этом — значение статьи В. Г. Васильевского «Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян».

Среди многочисленных и различных византийских источников агнографические произведения являются важным и ценным материалом источниковедческого характера, так как наиболее правдиво и жизненно отражают окружающую их обстановку — как политическую, так и бытовую. Такое значение византийской агнографической литературы давно уже признано наукой как за границей (Бюри, Финлей, Шарль Диль), так и в России (Х. Лопарев, В. Латышев, Ф. Успенский, А. Васильев).

С таким значением агнографии был согласен и В. Г. Васильевский. В одной из своих работ он следующим образом отзывался о житийной литературе: «Новых подробностей или даже новых открытий для познания византийской жизни мы можем ожидать именно от расширения нашего знакомства с агнографической литературой, от новых находок в этой области»¹. И вполне естественно, что В. Г. Васильевский, так сильно интересовавшийся русско-византийскими отношениями, при отмеченном выше его взгляде на агнографию должен был обратиться к изучению соответствующих житий.

Четыре агнографических произведения привлечены им с этой целью при разборе византийско-русских отношений: жития Стефана Нового, Иоанна Готского, Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Два первых, не затрагивающих непосред-

ственно византийско-русского вопроса, служат В. Г. Васильевскому лишь для уточнения некоторых предварительных обстоятельств: хронологических, характеристики обстановки в Крыму и др.

Из двух других житий В. Г. Васильевский черпает материал о непосредственных отношениях Византии и Руси.

Подробно и тщательно исследуя их, учитывая все особенности житийной литературы как исторического источника, В. Г. Васильевский относительно первого из них — жития Георгия Амастридского — пришел к таким выводам. Во-первых, оно дает возможность установить, что о Руси византийцам было известно в первой половине IX столетия. В частности о Руси знало население малоазийских берегов Черного моря. Во-вторых, подробное рассмотрение упоминаемых в амастридском житии нашествий на византийское побережье позволяет В. Г. Васильевскому допустить, что набеги Руси на византийские пределы были ранее того времени, которое упомянуто в речах известного церковного деятеля Византии патриарха Фотия. В-третьих, упоминаемое в житии русское нашествие на Пафлагонский берег и на Амастриду является исторической действительностью.

Центральное место в исследовании В. Г. Васильевским второго жития — жития Стефана Сурожского — занимает разрешение чрезвычайно трудного и сложного вопроса о той Руси, которая напала на Сурож. При разработке этого вопроса В. Г. Васильевский проявил присущую ему большую эрудицию, подкреплённую выдающимся талантом и научной интуицией, позволившими сделать немало остроумных догадок. Работа В. Г. Васильевского над житием Стефана Сурожского — одно из наиболее замечательных его исследований.

В результате своего изыскания В. Г. Васильевский признал, что под Сурожем известен был тот русский народ, о котором, как о нападшем на Пафлагонскую провинцию Византии, идёт речь в житии Георгия Амастридского и который был известен грекам ещё ранее 842 года. Но, заявлял В. Г. Васильевский, «тем не менее мы не дерзнем сказать, что та Русь, которая посетила в первой половине IX века берег Пафлагонии, была Русь славянская»². На вопрос же о том, откуда пришла Русь к Сурожу, определённого ответа мы у В. Г. Васильевского не находим. Указав на три центра — таврический, приднепровский и тмутороканский, — которые могли служить местом отправления русских в поход на Амастриду и на Сурож, В. Г. Васильевский затруднился назвать тот из них, откуда именно русский народ выступил в амастридский и сурожский походы.

Указанные нами выводы В. Г. Васильевского являются главными, основными. Помимо них В. Г. Васильевский в своём исследовании разрешил и разъяснил ещё ряд вопросов. Всё это вместе взятое делает первоклассной его работу над житиями.

¹ Васильевский В. Труды. Т. III, стр. СХIII.

² Там же, стр. ССLXXIX.

Оба последних жития — Георгия Амастридского и Стефана Сурожского — В. Г. Васильевский перевёл на русский язык и заново издал с большим и содержательным комментарием в виде «Введений». Перевод, издание и комментарии к этим ценным источникам византийской и русской истории являются образцами подлинно научной работы при издании памятников.

Из остальных исследований В. Г. Васильевского необходимо отметить исследования, посвящённые изучению внутренней истории византийского государства, а именно социального строя империи. Это широкоизвестные статьи В. Г. Васильевского «Законодательство иконоборцев» и «Материалы для внутренней истории Византийского государства». И сейчас ещё, спустя 60 лет с момента опубликования работ В. Г. Васильевского, когда и за границей и у нас появились новые изыскания по этой теме, византиноведение не может похвастать тем, что в области внутренней истории Византии для науки всё ясно и всё решено. Во времена же В. Г. Васильевского это был почти совершенно не разработанный отдел византийской истории, представлявший большие трудности при его изучении вследствие обилия специфических терминов, требовавших предварительной большой работы по их разъяснению и комментированию, вследствие своеобразия отношений между классами в византийском обществе, а главное, вследствие неразработанности источников. Известно, что даже такой специалист, как Цахарие фон Лингенталь, не был в состоянии разъяснить некоторое вопросы. Молодой учёный В. Г. Васильевский прекрасно справился с поставленной задачей. Итоги его работы были весьма значительны. Академик С. А. Жебелев определяет их следующим образом: «Он (В. Г. Васильевский. — Н. Л.) указал на многие источники по истории византийского крестьянства и византийской податной системы, перевёл или изложил самые запутанные тексты и этим сделал доступными для понимания нелёгкие по языку новеллы византийских императоров и документы, сопоставленные в издании Миклошича и Миллера. В. Г. Васильевский определил время издания Эклоги и Земледельческого закона, объяснил, что представляла собой крестьянская община в Византии XIII века и как она разложилась, какие меры принимались в защиту крестьянского землевладения; познакомил нас с положением крепостных, с крестьянскими наделами; объяснил многие, до того непонятные термины»¹. Работа В. Г. Васильевского положила начало в русской науке изучению внутренней истории Византии, указала пути, по которым должно было идти в дальнейшем это изучение.

Важной по методу разработки является работа В. Г. Васильевского «Из истории Византии XII века», относящаяся к 1876—1877 гг. и состоящая из двух статей: «Со-

юз двух империй» (1148—1155) и «Южно-итальянская война» (1156—1157).

В этой работе мы находим указания на новые факты, имевшие отношение ко второму крестовому походу и союзу Восточной и Западной империй и вносящие ясность в сложную международную обстановку XII века.

Одной из особенностей научной работы В. Г. Васильевского было стремление доводить до конца свои исследования, обязательно добываясь при этом тех или иных выводов. Примером может служить разработанная В. Г. Васильевским тема о Симеоне Метафрасте, которая была предметом его научного интереса на протяжении ряда лет. Этой теме он посвятил следующие статьи: «О жизни и трудах Симеона Метафраста»², «Хроника Логофета на славянском и греческом»³ и «Синодальный кодекс Метафраста»⁴. Исследование о Метафрасте является одной из лучших работ В. Г. Васильевского. В своё время она получила очень лестную оценку акад. Ф. И. Успенского: «Смело можно сказать, что исследование о Симеоне Метафрасте проведено автором в высшей степени последовательно и методично, что оно открыло совершенно новые перспективы как для изучения агиографии, так и византийской историографии. В этой области... добытые им результаты останутся навсегда памятником высокого критического таланта, большого ума и громадной начитанности в источниках»⁵.

В. Г. Васильевский также опубликовал весьма ценный для понимания внутренней истории византийского государства памятник, содержащий разнообразный материал, а именно: сведения по военному искусству Византии в XI в., правила поведения, домоуправства, семейной жизни и пр. Это был своего рода «Домострой» древней Руси. Опубликование этого памятника, известное под названием «Cesaumeni Strategicon», относится к 1896 г., а его исследование В. Г. Васильевский произвёл значительно раньше, непосредственно по рукописи, в статье «Советы византийского боярина XI века», помещённой в трёх книжках «Журнала министерства народного просвещения» за 1881 год.

Выше мы уже говорили о том большом значении, которое придавал В. Г. Васильевский агиографической литературе. Кроме житий, помещённых В. Г. Васильевским в его статьях под названием «Русско-византийские отрывки» и «Русско-византийские исследования», им были изданы ещё два следующих агиографических памятника: «Повесть Елифания о Иерусалиме и сущих в нём мест, первой половины IX века» и «Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома, писателей XII столетия, Жития Мелетия Нового». Оба эти произведе-

² «ЖМНП» за 1880 год.

³ «Византийский временник». Т. II за 1895 год.

⁴ «ЖМНП» за 1897 год.

⁵ «ЖМНП» за 1899 г., стр. 331.

¹ «Вестник древней истории» № 1 за 1939 г., стр. 218.

ния были изданы в 1886 г. в переводе В. Г. Васильевского и с его комментариями, в которых он раскрыл большое значение этих памятников для исторической науки.

Крайне ценным, но, к сожалению, не оконченным является изданное В. Г. Васильевским в 1890 г. «Обозрение трудов по византийской истории», представляющее собой обзор работ по изданию и объяснению византийских источников.

Обзор этот В. Г. Васильевский начал с эпохи Возрождения и довёл до конца XVIII века. Это чрезвычайно трудоёмкая работа, потребовавшая большого количест-

ва историографических и библиографических справок и являющаяся прекрасным справочным пособием по византийствоведению. В «Обозрении» можно найти ряд ярких характеристик таких учёных, как Дюканж, Рейске, Николай Алеманн, Лев Алтыцкий и др.

В нашей статье мы отметили наиболее крупные произведения В. Г. Васильевского. Но и другие его работы, не вошедшие в наш обзор, также являются образцами высококачественного научного исторического исследования, глубокими историческими изысканиями, в которых видны свежая мысль и глубокий анализ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ТИХОМИРОВ М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. Изд. АН СССР. М. и Л. 1941. 254 стр. 14 руб. *

Труд проф. М. Н. Тихомирова посвящён изучению важнейших проблем, связанных с Русской Правдой,—именно происхождению текстов и возникновению основных редакций этого памятника. В советской литературе впервые даётся столь капитальное, подробное и тщательное исследование, где по-новому, на высоком научном уровне освещаются основные вопросы изучения Русской Правды. Выводы, к которым приходит в своём труде М. Н. Тихомиров, будут, несомненно, иметь большое значение в нашей науке.

Имеющаяся обширная литература о происхождении Русской Правды справедливо не удовлетворяет М. Н. Тихомирова. С наибольшей полнотой была изучена до сих пор Краткая Правда, но большие разногласия среди учёных вызывает более поздняя и более подробная Пространная Правда: до сих пор исследователи не пришли к устойчивым выводам о времени, причинах и обстоятельствах её возникновения.

Автор различает три редакции памятника—не только Краткую и Пространную Правду, но наряду с ней выделяет Сокращённую редакцию. В этом заключается одна из важных и оригинальных сторон труда М. Н. Тихомирова, так как ни Н. В. Калачов в своей знаменитой работе о Русской Правде, ни другие исследователи не останавливались с таким вниманием на Сокращённой редакции, которая обычно рассматривается лишь как позднейшая переделка или выдержка из нашего памятника, сделанная в XVII столетии.

Краткую редакцию Русской Правды М. Н. Тихомиров делит на три части, видя в них три основных её источника: первые 17 статей, или Древнейшая Правда, затем последующая часть, начинающаяся особым заголовком о составлении её на съезде сыновей Ярослава и их мужей, и, наконец; третья часть, или «покон вирный», говорящая о доходах сборщиков штрафов, или вир. Автор весьма убедительно показывает лингвистические особенности каждой ча-

сти, не встречается в аналогичных случаях во второй и т. п.

Автор подвергает подробному анализу Древнейшую Правду, или первые 17 статей Краткой редакции. Новыми наблюдениями он подтверждает уже высказанный до него взгляд о новгородском происхождении этой части Правды, указывая на обилие чисто новгородских терминов, как «видок» вместо «послух», «поручник» (поручитель), «извод», «мьзда», «сбор» (в смысле денег), «мир» и т. д. В этой связи автором произведено интересное сближение Древнейшей Правды с договором Новгорода с немцами 1195 года. Также весьма ценным следует признать подтверждение заимствования в Древнейшей Правде из «Закона судного людям», памятника, возникшего в Болгарии в X веке. Автор приводит по неизвестной прежде рукописи интересное поучение, приписываемое Василию Великому, но, несомненно, новгородского происхождения, в котором содержится изложение ряда положений «Закона судного людям». Это наблюдение позволяет утверждать о распространении этого болгарского памятника на Русь, особенно в Новгороде. Сопоставление всех относящихся сюда данных позволяет М. Н. Тихомирову высказать предположение, что Древнейшая Правда возникла в среде духовенства скорее всего в 1036 г., при новгородском епископе Луке Жидяте. Ока представляет собой запись обычного права Новгородской Руси с некоторыми дополнениями и «Закона судного людям». Древнейшая Правда не является однородным памятником, первые статьи её могут быть признаны более древними и отнесены к 1016 г., к летописному рассказу о восстании новгородцев против варягов, а вторая часть—к 1036 г., когда она сложилась как особый, более или менее цельный памятник. М. Н. Тихомиров по-прежнему подтверждает на обильном и в значительной части впервые привлечённом материале вывод, сделанный ещё Н. И. Стратоновым, который считал, что Краткая Правда впервые составлена в 1016 г. и дополнена в 1035—1036 годах.

Но особенно интересно и свежо трактует М. Н. Тихомиров вопрос о возникновении второй части Краткой редакции, или Правды Ярославичей. В заголовке к ней говорится, что она составлена на съезде сыновей Ярослава. Автор считает возмож-

* Книга проф. М. Н. Тихомирова была издана Академией наук в Ленинграде накануне Великой отечественной войны. В связи с блокадой Ленинграда эта работа только недавно стала достоянием широкой научной общественности.

ным связать её составление со съездом Ярославичей в 1072 г., происходившем, согласно летописи, в Вышгороде по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба. В Вышгороде в момент этого церковного торжества находились, как гласит летопись, княжеский дружинник Чудим и старейшина Никула, которых можно отождествить с теми же именами княжеских дружинников, участников совещания, о котором говорится в Русской Правде.

Далее М. Н. Тихомиров указывает на возможную связь Правды Ярославичей с обострением классовой борьбы, с народными восстаниями, имевшими место в 1068—1071 годах. Этим объясняется включение им в состав Правды статьи о наказании за убийство княжеского конюха и статей о повышенных штрафах за убийство княжеских дружинников. На съезде в Вышгороде была составлена первая часть Правды Ярославичей: статьи 18—26, а с 27-й статьи идут дополнения к ней, вероятно, составленные в Новгороде, и притом в более позднее время. Наконец, вслед за Стратоновым М. Н. Тихомиров выделяет из Краткой редакции последние две статьи (42 и 43) — «покон вирный» и устав о мостниках — как третью и последнюю её часть. Устанавливается церковное происхождение этих статей, где речь идёт о сборе «десятины» в пользу церкви и употребляются характерные для духовенства термины — «говение», «овен» и др. Забота о мостах и мостовых также лежала на церкви в Новгороде.

В анализе последней части Краткой Правды автор считает возможным повторить мнение В. О. Ключевского о возникновении памятника в этой его части в среде духовенства. Таковы три составные части Краткой редакции.

Далее автор делает ценную попытку выяснить время и обстоятельства возникновения этого памятника в целом, и в этом отношении он даёт также оригинальное построение. По его мнению, в целом Краткая редакция, составившаяся из этих трёх источников, окончательно сложилась в первой половине XII столетия, до 1136 г., в Новгороде, в церковной среде, может быть, в Юрьевом монастыре, в окружении новгородского князя Всеволода Мстиславича, с именем которого связан известный церковный устав. Автор даёт своё объяснение той перестановке имён князей («Изяслав, Всеволод, Святослав»), вопреки действительному старшинству, которая наблюдается в заголовке Правды Ярославичей и на которую обращал внимание ряд учёных. М. Н. Тихомиров объясняет её тем, что памятник редактировался при Мономаховичах потомками Святослава и что поэтому Всеволод поставлен прежде Святослава.

В анализе Краткой редакции автор во многом опирается на своих предшественников, немало сделавших для её объяснения. Вместе с тем он даёт много нового и ценного; в особенности следует признать убедительным и оригинальным предположение о составлении Правды Ярославичей

на съезде князей в Вышгороде в 1072 г. после ряда народных восстаний, в связи с которыми она находится в той или иной степени. Точно так же весьма ценным надо считать указание на вероятность последней переработки или редактирования памятника около 1136 г. в среде новгородского духовенства при князе Всеволоде. Изыскания М. Н. Тихомирова в целях раскрытия времени и условий возникновения Краткой редакции Русской Правды, несомненно, являются весьма значительным научным достижением.

Не менее ценна его работа и для выяснения Пространной редакции Русской Правды. При этом следует учитывать меньшую изученность Пространной редакции и её больший объём и большую сложность, что затрудняет исследование этого памятника.

Обилие дошедших до нас списков Пространной редакции побуждает при исследовании её идти другим путём. Автор изучает группы списков, их виды, или изводы, связанные с теми литературными сборниками, большей частью юридического содержания, в которых сохранилась Пространная редакция Русской Правды. Древнейшей датированной рукописью Русской Правды является так называемый Синодальный список, входящий в состав Кормчей. Автор не отклоняется в основном от своих предшественников, датируя рукопись 1280 г. (вместо обычной даты 1282). Интересно данное им объяснение своеобразного расположения статей во второй части Синодального списка: он объясняет это тем, что листы его оригинала были перелутаны писцом. Считающийся лучшим из списков Русской Правды Троицкий список относится к XIV в. и входит в состав сборника разнообразного содержания под названием «Мерило Праведное». Автор исследует не только текст Русской Правды, но даёт историю тех литературных сборников, в составе которых она дошла до нас. Мерило Праведное сложилось первоначально в первой четверти XII в., при Владимире Мономахе, а окончательный состав его с включением Русской Правды относится к концу XIII века. Изучая ряд списков Русской Правды и Кормчих, автор приходит к выводу о близости Синодального и Троицкого списков к первоначальному тексту или к протографу Пространной редакции.

Не буду останавливаться на детальном анализе автором состава и возникновения тех сборников, в которых сохранились другие важнейшие списки Русской Правды, укажу лишь, что на основе этого анализа автор восстанавливает протограф Русской Правды и даёт его в приложении к книге. Протограф весьма близок и хорошо известному Троицкому списку. Но в нём на основании других списков удаётся выправить явные ошибки, восстановить пропущенные слова и т. п. Благодаря этому восстановленным текстом Пространной редакции можно будет пользоваться для учебных и научных целей как наиболее исправным и полным текстом.

Совершенно новым является предложенное М. Н. Тихомировым понимание так называемой Сокращённой редакции Русской Правды. Он отмечает отличия в Сокращённой редакции по сравнению с Пространной, именно в статьях о «муже кровавом» и об убийстве, и одновременно отмечает сходство этих статей с Краткой редакцией. И в Сокращённой и в Краткой редакциях встречается новгородский термин «видок», отсутствующий в Пространной Правде. Ряд наблюдений приводит автора к признанию Сокращённой Правды особой редакцией, возникшей независимо от Пространной. Изучая состав Кормчей, в которую входит Сокращённая редакция, он приходит к выводу, что она могла быть составлена в Пермской земле в конце XIV или в начале XV в. на основании более древнего источника, может быть, новгородского происхождения.

Весьма интересные наблюдения автора над Сокращённой редакцией, несомненно, возбуждают внимание к ней, заставят продолжить и проверить проделанную автором работу. Гипотезу об особом источнике Сокращённой редакции более древнего происхождения, чем Пространная редакция, можно признать довольно вероятной, но всё же требующей дополнительной разработки и доказательств. Предполагаемый протограф Сокращённой редакции явился, по мнению М. Н. Тихомирова, одним из источников Пространной Правды.

Переходя к вопросу об источниках Пространной редакции Русской Правды, автор прежде всего останавливается на заимствованиях в ней из Краткой редакции. Составители Пространной Правды подвергли этот свой источник переработке. Например 2-я статья Пространной Правды, где говорится о совещании Ярославичей по поводу отмены кровной мести, является переработкой заголовка Правды Ярославичей из Краткой редакции, так же как оттуда же в переработанном виде перенесены пени в 40 и 80 гривен за убийство. Такой же переработкой Краткой редакции являются статьи о «пokane вирном» в Пространной Правде, об убийстве рабов, кормилицы и ремесленников, статьи о наказаниях за оскорбление действием или за нанесение увечья и статьи о краже. Эта переделка возникла в среде, близкой к князю, так как в Пространной Правде защита князя и княжих мужей всюду поставлена на первый план и старые штрафы, взимавшиеся в пользу потерпевшего, заменены в ней штрафами в пользу князя. Пространная Правда особенно интересуется боярским хозяйством и боярскими тиунами, рядовичами и холопами, что указывает на развитие феодальных отношений. Другим источником Пространной Правды наряду с Краткой признаётся устав Владимира Мономаха, о котором упоминает Правда,— это устав о процентах и о зависимых крестьянах, или «закупах». Устав возник в связи с восстанием в Киеве в 1113 г., как это достаточно уже выяснено в исторической литературе.

В итоге Пространная редакция рисуется автором как компилятивный сборник, в котором можно различать три компактные части, обязанные своим возникновением трём важнейшим её источникам — Краткой Правде, уставу Владимира и протографу Сокращённой редакции. Кроме того составители Пространной Правды пользовались и другими источниками, в результате которых появились дополнительные статьи, например статьи об уплате виры общиной в случае убийства («дикая вира»), об уплате городникам за сооружение крепостной стены, статьи об испытании железом и т. п., не находящие себе аналогии в указанных основных её источниках.

В заключение автор останавливается на важнейшем вопросе — о времени, месте и причинах возникновения Пространной Правды. И здесь он приходит к выводам, с которыми последующим исследователям придётся серьёзно считаться. Прежде всего следует отметить решительный отказ автора от распространённого в литературе мнения о частном происхождении Русской Правды, подкреплённого авторитетами Н. В. Калачова и В. О. Ключевского. Напротив, он обращает внимание на тот хорошо известный факт, что Русская Правда преимущественно занята интересами князя, установлением его доходов от суда и много внимания уделяет княжеским людям, как дружинникам, так и княжеским смердам. Всё это свидетельствует о составлении её в близкой к князю среде, а не в церковных кругах, как предполагал В. О. Ключевский. Это же подтверждает и аналогия с летописями, составление которых являлось крупной задачей политического характера и в известной мере было должностным поручением. Автор соглашается лишь признать, что Пространная Русская Правда является проектом закона, а не самим законодательным памятником, может быть, не получившим официальной санкции.

Подробно обосновывает автор сближение Смоленского немецкого договора 1229 г. с Русской Правдой, что помогает ему в датировке нашего памятника. М. Н. Тихомиров выдвигает предположение о составлении Пространной Правды в начале XIII в. в Новгороде. Автор связывает составление Пространной Правды с определённым моментом новгородской истории, отмеченным усилением классовой борьбы, — именно с народным восстанием 1209 года. Это восстание было направлено против тираннического правления посадников из новгородской боярской семьи Мирошкиничей, которых обвиняли в том, что они собирали с новгородцев серебро, с купцов — «дикую виру», а с волостей незаконно взимали «куры», или «куны», что можно сблизить с содержанием некоторых статей Русской Правды. Восстание вызвало необходимость составления сборника законов, что возможно отнести к 1210—1215 гг., ко времени княжения популярного в Новгороде Мстислава Мстиславича. Составлением Русской Правды в Новгороде объясняется обилие в ней указаний на торговлю и

ростовщичество, вообще на развитую городскую жизнь.

Таковы содержание и важнейшие выводы исследования М. Н. Тихомирова. Подводя итоги, надо сказать, что это исследование не является этюдом, посвящённым какому-либо частному вопросу, как это преобладает в обширной литературе о Русской Правде. Перед нами крупное, законченное исследование, охватившее большой круг вопросов, и притом наиболее важных, без решения которых нельзя двигаться вперёд в работе над этим памятником. Трудов такого широкого характера очень немного (работы Н. В. Калачова, К. Л. Гётца, отчасти Н. А. Максименко). В заслугу автору надо поставить большую смелость его построений: он ставит ряд труднейших вопросов, как например только что отмеченный вопрос о времени возникновения Пространной и Краткой редакций Русской Правды. Предлагаемые им решения этих проблем подкреплены большим привлечённым материалом, не только изданным, печатным, но и остающимся в рукописях (главным образом из собрания Государственного Исторического музея).

Особенно следует отметить, что в работе М. Н. Тихомирова установлена тесная связь составления Русской Правды как в её Краткой редакции, так и в Пространной с острыми проявлениями классовой борьбы, с народными восстаниями. Русская Правда рисуется теперь как памятник, возникший в определённой классовой среде в целях защиты княжеских людей от народных масс.

Наиболее обоснованными и наиболее разработанными в книге являются главы, трактующие Краткую Правду. Они должны войти целиком в научный обиход. В от-

ношении Пространной редакции автор высказал ряд оригинальных и ценных гипотез. Особенно следует отметить вопрос о древнем происхождении Сокращённой редакции, датировку Пространной редакции и предположение о возникновении последней в Новгороде, тогда как обычно она признаётся составленной в Киевской Руси. Эти гипотезы требуют ещё дальнейшей разработки и подтверждения. Концентрируя своё внимание на крупнейших проблемах Русской Правды, автор также осветил ряд частных вопросов, дал своё толкование отдельных спорных мест памятника.

М. Н. Тихомиров подготовил новое учебное издание Русской Правды и разработал подробный комментарий к ней¹. В этом издании каждая статья Русской Правды сопровождается подробным и нередко оригинальным комментарием, приведены словарь к Правде и тексты ряда памятников, необходимых для её понимания, как «Закон судный людям», проект договора Смоленска с немцами и Правосудие митрополичье. Изданию предпослана большая вводная статья автора, излагающая выводы его исследования о редакциях и происхождении Русской Правды.

Исследование проф. М. Н. Тихомирова и выполненное им издание Русской Правды являются ценным вкладом в советскую историческую науку.

Б. Кафенгауз

¹ «Русская Правда». Вступительную статью и комментарий к текстам составил М. Н. Тихомиров. Московский Государственный институт истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского, М. 1941. 120 стр.

ХРОНИКА

Сто двадцать пять лет Ленинградского университета

21 февраля 1944 г. исполнилось 125 лет со дня основания одного из крупнейших центров русской науки и культуры — Петербургского (Ленинградского) университета. Университет был учреждён при Академии наук ещё в 1725 г., однако к концу XVIII в. он прекратил существование, и ныне действующий Ленинградский университет ведёт своё происхождение от Главного педагогического института, преобразованного в Петербургский университет царским указом 8 февраля (ст. ст.) 1819 года.

Петербургский университет начал свою работу в том же здании, где и поныне размещена большая часть его факультетов, — в старинном здании 12 коллегий, начатом постройкой при Петре I.

В первые годы своей деятельности университет переиёс много испытаний. В конце царствования Александра I, в период реакции, университет был отдан на «поток и разграбление» мракобесу Руничу, преследовавшему малейшее проявление живой мысли. Однако ему не удалось разрушить университет. С середины 20-х годов здесь развернулась деятельность талантливых учёных — арабиста О. Ю. И. Сенковского, литературоведа П. А. Плетнёва, зоолога С. С. Куторги, химика Д. С. Чиждова. В издании университета начали выходить печатные труды; с 1834 г. была организована защита магистерских и докторских диссертаций, возникли библиотеки, кабинеты и лаборатории. В 1854 г. к трём факультетам — философско-юридическому, физико-математическому и историко-филологическому — был присоединён четвёртый — восточный, ставший на многие десятилетия центром русской ориенталистики и гордостью университета.

В период реформ Александра II Петербургский университет являлся одним из очагов передовой научной и общественно-политической мысли. В его стенах появляются вольнослушатели, в том числе и женщины. Состав студентов быстро демократизируется. Университет становится чутким барометром общественных настроений, студенты встречают овациями прогрессивных профессоров, освидетельствуют реакционных. В 1861 г. введение новых университетских правил вызвало первые студенческие волнения и демонстративный выход в отставку ряда прогрессивных профессоров — К. Д. Кавелина, А. И. Пылина, М. М. Стасюлевича. Правительство вы-

нуждено было пойти на уступки, что нашло отражение в либеральном университетском уставе 1863 года.

В такой атмосфере происходит быстрый подъём науки в университете. Появляется плеяда замечательных учёных, создателей крупных научных школ и направлений: с 1847 г. — гениальный математик П. Л. Чебышев и выдающийся филолог-славист И. И. Срезневский, с 1857 г. — гениальный химик Д. И. Менделеев, с 1860 г. — замечательный ботаник А. Н. Бекетов, с 1865 г. — историк К. Н. Бестужев-Рюмин, с 1868 г. — великий русский химик А. М. Бутлеров и один из создателей русской геологии — А. А. Иностранцев, с 1870 г. — знаменитый почвовед В. В. Докучаев и основатель русского византийствоведения В. Г. Васильевский, с 1872 г. — выдающийся русский филолог, литературовед и историк А. Н. Веселовский.

В 1867 г. по инициативе Петербургского университета был созван первый в России съезд естествоиспытателей, а в последующие годы при университете были открыты учёные общества химиков, естествоиспытателей, филологов и историков (последнее в 1889 г.).

В 1884 г. был введён новый устав, почти ликвидировавший прежнюю автономию университета. В связи с этим в 80—90-х годах происходили частые студенческие волнения. Показателем политической активности студенчества Петербургского университета является и значительное число видных революционных деятелей, вышедших из его среды. Здесь учились М. В. Петрашевский, Д. Благоев, Александр Ульянов (брат В. И. Ленина), казнённый царским правительством в 1887 году. В 1891 г. при Петербургском университете Владимир Ильич блестяще сдал экзамены в государственной комиссии юридического факультета.

В конце XIX — начале XX в. Петербургский университет высоко держал знамя передовой русской науки. Среди профессуры университета было много блестящих имён, которые говорят сами за себя: на юридическом факультете — В. Н. Сергеевич, М. М. Ковалевский, И. И. Кауфман, М. Н. Туган-Барановский; на восточном факультете — Н. Я. Марр, синолог В. М. Алексеев, монголовед Б. Я. Владимирцев, арабист И. Ю. Крачковский, индологи С. Ф. Ольденбург и Ф. Н. Щербатской, востоковед В. В. Бартольд; на историко-

филологическом факультете — А. А. Шахматов, Е. В. Тарле, Н. И. Кареев, И. М. Гревс, С. А. Жебелев, С. Ф. Платонов, Б. Д. Греков, Ф. Ф. Зелинский и др.; на физико-математическом — А. А. Марков, С. Д. Хвольсон, И. И. Боргман, Н. М. Гюккер, основатель русской научной оптики Д. С. Рождественский, астрономы А. А. Иванов и С. П. Глазенап, биологи К. М. Дерюгин, М. Н. Римский-Корсаков и В. Л. Комаров, нынешний президент Академии наук СССР, географы Л. С. Берг, А. И. Воейков, геологи А. А. Иностранцев, П. А. Землячинский и Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Всё это имена, известные каждому образованному человеку, независимо от его специальности и научных интересов. Многие из названных учёных были передовыми не только по своим научным знаниям, но и по общественно-политическим устремлениям. Нередко они солидаризировались со студенческой молодёжью в бурный, революционный период 1905—1906 гг., а в последующий период реакции многие профессора в знак протеста против деятельности пресловутого министра «народного просвещения» Кассо прекратили чтение лекций и подали в отставку.

1917 год был поворотным моментом в истории университета. Свершилось то, о чём мечтал ещё Ломоносов: наука стала достоянием народа. В стенах университета появились не одиночные выходцы из народной массы, а сотни и тысячи рабочих и крестьян.

Сложен и тяжёл был путь перестройки университета, немало испытаний, удачных и неудачных экспериментов стояло на новом его пути. Не все профессора поняли то, что происходило в России в 1917 г., многие думали отгородиться от событий стенами своего «храма науки». Правда, большая часть профессоров продолжала честно работать, откликаясь на мероприятия, проводимые советскими органами, читая лекции и занимаясь научными исследованиями в холодных, неоплеченных аудиториях, лабораториях, кабинетах, при отсутствии газа, электроэнергии, воды. Но полного понимания происходивших великих событий не было, и только постепенно, по мере выяснения грандиозности задач, поставленных революцией, партией Ленина — Сталина, перед университетом, перед наукой в целом, происходит радикальный поворот старых кадров профессуры в сторону советской власти.

Структура Петербургского университета с первых лет революции претерпевает ряд существенных изменений. В университет влилось несколько высших учебных заведений — Историко-филологический институт, Бестужевские женские курсы, Археологический институт и др., усилив университетский коллектив многими видными учёными. Из состава прежних четырёх факультетов постепенно отделились новые: физический, географический, химический и др., при университете были организованы многочисленные кафедры и научно-исследовательские институты. К 1941 г.

число кафедр достигло 95; в университетских институтах — физиологическом, физическом, биологическом, химическом и т. д. — такие крупные учёные, как А. А. Ухтомыский, С. П. Костычев, В. Л. Комаров, С. В. Лебедев, создавали большие культурные ценности, двигали вперёд советскую и мировую науку, содействовали расцвету советской промышленности и сельского хозяйства. За годы советской власти значительных успехов достигли также гуманитарные факультеты — филологический, исторический (организован в 1934 г.), экономический и философский наиболее молодые из всех (с 1940 г.).

Великая Октябрьская социалистическая революция обеспечила широкое развитие университетского образования. Были созданы десятки новых отраслей научных знаний. Ленинградский университет стал одним из крупнейших центров советской науки, кузницей кадров специалистов для различных участков социалистического строительства. Вместо талантливых одиночек в стенах университета образовалась целая армия учёных — накануне Отечественной войны профессорско-преподавательский коллектив университета насчитывал около тысячи человек. Их творческий труд обеспечивали 500 лаборантов и препараторов, 400 служащих. В широких масштабах развернулась подготовка новых кадров: число аспирантов достигло 500, число студентов, включая и заочников, — 10 тысяч.

Вторжение гитлеровских орд в пределы Советского Союза не прекратило научную, педагогическую и общественно-пропагандистскую работу университета, но придало ей во многих отношениях новое содержание. Наука была целиком поставлена на службу фронту, политико-пропагандистская работа в частях Красной Армии и Флота получила невиданный ранее размах; в учебных планах и программах были произведены изменения, диктовавшиеся интересами обороны. Ленинградский университет с честью выполняет свой долг перед родиной: около 2500 студентов и преподавателей ушли на фронт, сотни студентов записались на университетские курсы медсестёр и санитаров, весь коллектив университета участвовал в строительстве оборонительных рубежей вокруг Ленинграда, в организации противовоздушной обороны, в материальной помощи госпиталям и частям Красной Армии. Тяжёлые условия в блокированном, голодающем и замерзающем Ленинграде вырвали из рядов университетского коллектива многие жизни, но не поколебали его стойкости. Размороженный ход университетского механизма не останавливался ни на один день.

В условиях эвакуации, начавшейся в феврале — марте 1942 г. и приведшей к перемещению всей работы в Саратов и частично в Елабугу, где ещё с августа 1941 г. обосновались некоторые лаборатории, Ленинградский университет не ослабил ранее взятых темпов, хотя масштабы работы, естественно, несколько сократились. Научные достижения профессоров, доцентов и ассистентов университета в период войны

неоднократно отмечавшиеся авторитетными органами, явились вкладом университетского коллектива в дело всенародной борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Замечательные научные традиции Петербургского — Ленинградского университета и его заслуги в дни Великой отечественной войны получили высокую оценку и признание в Указе Президиума Верховного Совета СССР, наградившего университет в связи с его 125-летием орденом Ленина, а значительную группу университетских работников — орденами и медалями.

Среди 47 отмеченных правительством работников университета — виднейшие представители советской исторической науки: академики Б. Д. Греков и Е. В. Тарле, награждённые орденом Ленина, а также профессора-историки О. Л. Вайнштейн, М. А. Гуковский и В. В. Мавродин, развернувшие в период Великой отечественной войны большую общественно-политическую и научную работу, награждённые орденом «Знак почёта».

Юбилейные торжества, организованные в конце февраля по случаю 125-летия Ленинградского университета, были, само собой разумеется, ограничены условиями момента и места. В саратовском Городском театре оперы и балета состоялось торжественное юбилейное заседание с участием местных властей и гостей, прибывших из Москвы и других городов.

В течение второй половины февраля в университетском лектории и в крупнейших аудиториях города были организованы публичные лекции академиков Е. В. Тарле и Б. Д. Грекова и ряда профессоров университета на различные научные и актуально-политические темы: «Гитлеровская Германия и её союзники перед катастрофой» (акад. Е. В. Тарле), «Культура Киевской Руси» (акад. Б. Д. Греков), «История русской дипломатии в XIX—XX вв.» (небольшой цикл лекций акад. Е. В. Тарле), «Начало Киевского государства» (акад. Б. Д. Греков), «Научные школы Петербургского — Ленинградского — университета» (проф. И. И. Жуков, Г. М. Фихтенгольц, С. С. Кузнецов и др. — по специальности), «История Ленинградского университета» (проф. Г. А. Гуковский), «Революционеры в стенах Петербургского — Ленинградского университета» (доцент Н. С. Сладкевич). К юбилейным торжествам приурочен был вы-

ход двух номеров многотиражки «Ленинградский университет». Подготовлены к печати и осенью 1944 г. выйдут в свет девять научных сборников «Труды Ленинградского университета», а также монография, посвящённая истории университета.

Большая научная сессия (свыше 100 секционных докладов), которой коллектив университета хочет достойно отметить юбилей и связанную с ним высокую правительственную награду, состоится осенью в Ленинграде, где к этому времени будет полностью восстановлена работа университета. Из намеченных на этой сессии докладов, которые могут интересовать читателей «Исторического журнала», отмечу следующие: В. И. Равдоникас — «Древнейшая Ладога», В. В. Мавродин — «Начальный этап в истории русского народа и государства», Н. С. Сладкевич — «Партизанское движение в 1812 г.», Н. А. Корнатовский — «Партизанское движение в годы гражданской войны», В. А. Овсянкин — «Из истории партизанского движения в дни Отечественной войны советского народа», С. Я. Лурье — «Архимед и его эпоха», М. А. Гуковский — «Из истории военного профессионализма в эпоху Возрождения», О. Л. Вайнштейн — «Дипломатическая подготовка 30-летней войны», А. И. Молок — «Вольные стрелки во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.», Н. П. Полетика — «Россия и Германия во времена Бисмарка», С. Н. Валка — «Историческая наука за 125 лет в Петербургском — Ленинградском университете», В. М. Штейн — «Основная линия развития русской экономической мысли», И. П. Ерёмин — «Борьба за национальную независимость в украинской литературе XVI—XVII веков», И. И. Иоффе — «Русский Ренессанс», М. В. Себряков — «Отношение Маркса и Энгельса к «истинному» социализму», Е. Е. Гиммельштейн — «Роль экономических отношений в исторической концепции Гегеля», В. В. Рейхардт — «Экономические потребности войны», и ряд других.

Юбилейная дата Ленинградского университета совпала с блистательными победами армий Ленинградского фронта, с грандиозными успехами Красной Армии на всех остальных фронтах. Счастливым предзнаменованием для увенчанного орденом Ленина университета города Ленинграда!

*О. Вайнштейн,
проф. Ленингр. ун-та*

Государственная публичная историческая библиотека

Государственная публичная историческая библиотека принадлежит к числу наиболее молодых культурных учреждений в нашей стране. Недавно она отметила пятилетие своего существования. Историческая библиотека была открыта для пользования читателей 20 декабря 1938 года.

Пять лет — срок сравнительно небольшой. Но за эти годы Историческая библио-

тека выросла в большое культурное учреждение и заняла среди крупнейших библиотек СССР своё особое место. Она стала любимым местом работы многих тысяч читателей, несущих исторические знания в массы, работающих в области исторической науки.

О значении и роли Исторической библиотеки говорит тот факт, что за первое пяти-

летие библиотека обслужила 1100 тыс. читателей и выдала 3342 тыс. книг.

Книжный фонд Исторической библиотеки (1½ млн. томов) представляет большую научную ценность. Среди книжных собраний библиотеки имеется много ценных коллекций: коллекция библиофила П. В. Шапова, богатейшая библиотека В. Г. Черткова (книгами которой пользовался Л. Н. Толстой, когда писал роман «Война и мир»), ценная коллекция князя А. И. Барятинского, коллекция историка И. Е. Забелина, богатая изданиями по истории России, в частности по истории Москвы, ценная коллекция по истории литературы и искусства А. П. Бахрушина, интересная коллекция по отчизноведению М. Д. Хмырова, коллекция по Востоку П. В. Зубова, библиотека издателя А. С. Суворина. Имеется также очень интересная коллекция бывшего цензора И. М. Остроглазова: в ней собраны книги, запрещённые царской цензурой и не увидевшие света, и многие другие¹.

За истекшие пять лет определился основной состав читателей Исторической библиотеки: около 30% составляют преподаватели истории в вузах и средних школах, аспиранты, научные работники, 55% — студенты высших учебных заведений. Это тот состав, на который в основном рассчитана Историческая библиотека. Среди постоянных читателей библиотеки имеются также писатели, журналисты, работники театров, кинорежиссёры, искусствоведы, артисты, художники и т. д.

Театр Красной Армии использовал коллекции библиотеки при постановке пьесы «Суворов». Пользовались и пользуются фондами библиотеки Большой академический театр, Художественный, Малый театр и др. Большой спрос на исторические иллюстрации предъявляют издательства и авторы.

В период Отечественной войны библиотека не прекращала работы ни на один день. Она была ежедневно открыта для читателей и в те дни, когда враг стоял у ворот Москвы. Даже в эти дни в библиотеке работали читатели, хотя число их и уменьшилось. С тех пор количество читателей библиотеки вновь непрерывно возрастает.

Вот некоторые темы, над которыми работали и работают читатели библиотеки в дни Великой отечественной войны: «Германия в прошлом», «Идейное воспитание звериной ненависти в немецком народе на почве расистской теории», «Разрушение немецкими оккупантами памятников архитектуры и скульптуры на советской территории во время войны», «Высказывания Салтыкова-Щедрина о немцах», «Великая отечественная война и народное творчество», «Отношения России, Австрии и Пруссии во второй половине XIX века», «Из

военной истории нашей родины», «Проблемы войны в курсе истории», «Куликовская битва», «Бородинское сражение», «Разгром немцев под Москвой», «Оборона Ленинграда», «Севастополь — город-герой», «Героический Сталинград», «Суворов — мастер слова», «О Кутузове», «Пётр I как великий русский флотоводец», «Защита родины в устном народном творчестве», «Песни и частушки о Красной Армии и Военно-Морском Флоте» и т. д.

Много поработал коллектив сотрудников Исторической библиотеки над раскрытием перед читателями книжных богатств библиотеки. Полуторамиллионный книжный фонд библиотеки при отсутствии каталогов был бы недоступен для читателей. В Исторической библиотеке был создан генеральный алфавитный каталог. В этом отношении Историческая библиотека находится, пожалуй, в лучшем положении, чем многие другие крупнейшие библиотеки страны. Её алфавитный каталог полностью отражает книжный фонд. Вместе с тем создаётся и генеральный предметный каталог на фонд. Хотя составление его ещё не закончено, но он уже оказывает большую помощь читателям.

Ещё полнее раскроет фонды библиотеки генеральный систематический каталог, который пока ещё не создан. Библиотека приступила к разработке его научной схемы, проводя эту работу совместно с Государственной библиотекой имени В. И. Ленина. Этот каталог даст возможность раскрыть все богатства Исторической библиотеки, а вместе с тем выявит и все пробелы, имеющиеся в её фондах.

Большое место в работе библиотеки занимает библиографирование исторической литературы. Эта работа развернулась на основе известного решения Центрального Комитета ВКП(б) о литературной критике и библиографии. Соответствующие руководящие органы возложили на Историческую библиотеку и Институт истории Академии наук СССР библиографирование исторической литературы.

Одним из важнейших мероприятий в этой области является создание фундаментальной библиографии русской исторической литературы. Попытки создания подобной библиографии предпринимались ещё в прошлом веке: «Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» А. Н. Неустроева; «Русская историческая библиография за 1800—1854 гг.» в трёх томах В. И. Межова; «Русская историческая библиография за 1855—1864 гг.» в десяти томах П. и Б. Ламбинных; «Русская историческая библиография за 1865—1876 гг.» в восьми томах В. И. Межова.

Все упомянутые издания охватывают историческую литературу с начала книгопечатания в России до 1876 г., т. е. за 186 лет, они включают до 200 тыс. книг и статей. С тех пор никто за фундаментальную историческую библиографию не брался. Эту работу взяла на себя Историческая библиотека. Картоотека фундаментальной истори-

¹ Подробно о книжных собраниях Исторической библиотеки см. в журнале «Книга и пролетарская революция» № 12 за 1938 г. и в «Историческом журнале» № 7 за 1939 год.

ческой библиографии в Исторической библиотеке насчитывает уже около 90 тыс. названий. Исторической библиотеке требуется ещё много времени, чтобы учесть всю историческую литературу, вышедшую в свет после 1876 года. Однако начало этому огромной важности делу уже положено.

Другое важнейшее мероприятие, имеющее целью учёт и популяризацию исторических работ,— издание (начиная с 1940 г.) библиографического бюллетеня «Историческая литература». Этот бюллетень издавала Историческая библиотека совместно с Фундаментальной библиотекой по общественным наукам АН СССР. Вышло всего 10 номеров. Бюллетень охватывал всю выходящую историческую литературу — русскую и важнейшую иностранную. Он получил положительную оценку в исторических журналах, а также в газете «Правда». В библиотеку из всех союзных республик поступало огромное количество писем с просьбой о высылке бюллетеня. К сожалению, в связи с войной издание бюллетеня пришлось прервать. В настоящее время принимаются меры к тому, чтобы возобновить издание бюллетеня.

Кроме названных работ Историческая библиотека за истекший период разработала и опубликовала 24 тематических библиографических указателя по следующим темам: «Французская буржуазная революция XVIII века», «Классики марксизма-ленинизма о французской буржуазной революции», «Ленин и Сталин о первой империалистической войне», «Западная Украина и Западная Белоруссия», «Энгельс об истории», «Великий русский полководец Суворов», «Первая русская революция 1905—1907 гг.», «Парижская коммуна 1871 г.» и др.

За время Отечественной войны Историческая библиотека издала библиографические указатели: «Борьба за родину (из истории героического прошлого нашего народа)», «25 лет Великой Октябрьской социалистической революции», «Великая отечественная война (первый год войны)» и некоторые другие.

Перед войной библиотека также начала работу по созданию фундаментальных библиографий по отдельным периодам истории и отдельным вопросам. В частности большой указатель по Отечественной войне 1812 г., по истории средних веков, по истории СССР — первый том — охватывает период до XX века. Библиотека составила библиографию русской исторической библиографии, которую предполагалось издать отдельным томом в серии библиографий библиографий, подготовляемых библиотекой имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

По поручению Народного комиссариата просвещения Историческая библиотека составляет библиографический указатель по истории СССР для преподавателей средней школы. Этот указатель (аннотированный) должен выйти в свет в трёх выпусках, соответственно трём частям учебника по истории СССР для средней школы. Редактирует его проф. А. М. Панкратова.

Помимо указанных работ библиотека проводит библиографирование литературы по истории славянства, а с начала Отечественной войны — библиографирование литературы по Великой отечественной войне.

Таким образом, Историческая библиотека не только создаёт фундамент для научной библиографии по истории, но проделала уже большую работу в области библиографических изданий. Библиотека собирает и систематизирует газетные вырезки, статьи и другие публикации по истории и, в частности, по истории Отечественной войны и второй мировой войны. Для этой цели используется более 150 газет. Материал систематизируется по республикам, краям, областям и районам и по отдельным вопросам. Он отражает как события на фронте, так и работу тыла. Газетные вырезки дают богатейший материал для работы историков.

Библиотека составляет также очень важную для историков картотеку высказываний классиков марксизма-ленинизма по истории. Предпринято составление списков трудов советских историков. Ряд историков оказал библиотеке в этом помощь, откликнувшись на её просьбу прислать список своих трудов: академики Н. С. Державин, И. Ю. Крачковский, покойный Д. М. Петрушевский; члены-корреспонденты АН СССР А. М. Панкратова, Д. К. Зеленин, Г. В. Хачатуридзе, Е. А. Косминский; профессора М. К. Азадовский, А. В. Арциховский, С. К. Бушуев, В. Н. Бочкарёв, С. К. Богоявленский, Н. П. Грацианский и др. Составлена библиография трудов покойного академика Е. М. Ярославского (свыше 1600 названий).

Историческая библиотека через справочно-библиографическое бюро выдала огромное количество письменных и устных справок руководящим партийным и советским органам, научным учреждениям и читателям. Архив письменных справок по истории, созданный в библиотеке, насчитывает свыше 1500 названий, причём многие из выданных справок по объёму равны большому библиографическому указателю, например по истории войн и военного искусства, основные труды и источники по всемирной истории, Версальскому договору, истории Орла и Орловской области и др.

Историческая библиотека включилась в работу Института истории АН СССР по написанию пятитомной научной истории Москвы в связи с предстоящим 800-летием её основания (1147—1947). Библиотека приступила к составлению капитальной библиографии по истории Москвы и подбору исторических иллюстраций для пятитомника.

Одна из важнейших задач библиотеки во время Отечественной войны — обслуживать бойцов Красной Армии и население столицы литературой по Отечественной войне и героическому прошлому нашего народа, а также по истории нашей родины.

Библиотека организовала два своих филиала: в Н-ском госпитале для обслуживания раненых бойцов и командиров РККА и в метро на станции «Курская».

Филиал в метро на станции «Курская»

был открыт в грозные ноябрьско-декабрьские дни 1941 года. Его задачей было обслуживать укрывавшихся в метро во время воздушных тревог. Но этот филиал оказался настолько жизненным, что до самого недавнего времени в нём не отпала необходимость, но уже по другой причине: проезжая эту станцию, москвичи останавливаются здесь на 1—2 часа, чтобы просмотреть газеты, прочитать журнальную статью или интересную историческую книжку. С наступлением весны в этом году библиотека переносит работу этого филиала в Парк культуры и отдыха им. А. М. Горького.

Особое место занимает филиал Исторической библиотеки для учащихся средней школы (Красная площадь, здание Исторического музея). Этот филиал пользуется среди школьников Москвы большим успехом: ежедневно его посещает до 400—500 школьников. Филиал оказывает огромную помощь школе и школьникам книгами, составлением библиографических списков по истории, консультациями, выставками книг по изучаемым в школе историческим дисциплинам, активным участием в литературных конкурсах среди школьников (например конкурс на тему «Города-герои Великой отечественной войны» и др.).

Но Историческая библиотека не ограничивает свою деятельность столицей. Она обслуживает историков и научных работников, живущих в любом пункте нашей великой страны: через межбиблиотечный абонемент высылаются исторические книги в Киев, Харьков, Алма-Ата, Ереван, Баку, Горький, Свердловск, Саратов, Иркутск,

Вологду, Калинин, Молотов и многие другие города. Перед Отечественной войной библиотека посылала книги по запросу во Львов, Белосток, Минск и другие культурные центры нашей страны, ныне временно захваченные врагом.

Установлен обмен книгами с научными учреждениями и библиотеками США, Англии, Китая и других стран, откуда в порядке обмена Историческая библиотека получает исторические издания; она выписывает также значительное количество исторических и библиографических книг и журналов. Получение исторической литературы из-за границы несмотря на трудности военного времени не прерывается.

Большевистская партия, советское правительство, лично товарищ Сталин уделяли и уделяют библиотечному делу в нашей стране большое внимание: библиотечное дело у нас стало государственным делом. Об этом свидетельствует и создание по инициативе товарища Сталина Государственной публичной исторической библиотеки.

Коллектив сотрудников Исторической библиотеки отдаёт все свои силы на то, чтобы библиотека ещё лучше служила развитию марксистско-ленинской исторической науки, постановке преподавания гражданской истории в школе и распространению исторических знаний в массах, подчиняя, в условиях Отечественной войны, свою работу общенародной задаче борьбы против немецко-фашистских захватчиков.

*М. Леонтьев,
директор Госуд. Публичной
исторической библиотеки,*

Киевский архив древних актов

Среди бесчисленных злодеяний немецких фашистов их преступления в Киеве выделяются безграничным вандализмом. Разрушение Киевского университета, его многочисленных коллекций, библиотеки, расхищение музеев дополнены ещё одним актом бессмысленного разрушения — сожжением киевского архива древних актов. Этот архив среди украинских и советских архивов выделялся как по древности сохранявшихся в нём документов, так и по его значению для истории Украины и украинской культуры. Архив был основан в 1852 г., но материалы, собранные в нём, подвергались научной разработке ещё с 1843 г., когда в Киеве была организована так называемая комиссия для разбора древних актов. В этой комиссии работали учёные, имена коих дороги всему культурному человечеству: Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаров, В. Б. Антонович, М. Ф. Владимирский-Буданов и многие другие.

Когда архив был организован, основное его богатство составляли актовые книги — замковых и земских судов старой Украины; древнейшая книга относилась к 1521 г., но в книгах записано было бесконечное множество гораздо более древних грамот и ак-

тов, начиная даже с XIV века. Хранились в архиве и подлинные акты XIV века. Книг было свыше 6 тыс., а в каждой насчитывается в среднем по тысяче актов. Таким образом, общее число актов превышало 6 миллионов. Нужно сказать, что древнейшие актовые книги представляют интересное явление в жизни украинского и белорусского народов.

В Чехии и Польше языком культуры в средние века был латинский. Грамоты и документы на этом языке писались по трафарету, чисто шаблонным языком. Не то было на Украине и в Белоруссии. Здесь документы составлялись на живом, разговорном или, по крайней мере, близком к народному языку. Трафарет выработался очень нескоро, и акты, записанные в книги, носят живой и яркий отпечаток действительной жизни XVI века. А в книги записывали для памяти и справок всё, что достойно памяти: духовные завещания, купчие крепости, дарственные, отдельные листы, заявления и жалобы на обидчиков, жалобы в суд; здесь же записывали королевские пожалования, распоряжения, универсалы, постановления сеймиков и сеймов, квитанции об уплате налогов, ревизии королевских имений, списки

плательщиков налогов и количество уплаченных денег, протесты против наездов магнатов, судебные решения по всем разбираемым делам, иногда частные письма, не исключая и любовных, и т. д. Другими словами: вся жизнь XVI—XVII вв. нашла отражение и зафиксирована в актовых книгах во всём своём своеобразии и богатстве.

Развитие украинской культуры, классовая борьба и борьба за национальное освобождение отражены в этих документах. Хранились в архиве и так называемые магистратские книги Луцка, Владимира-Волынского, Острога, Ковеля, Винницы, Каменец-Подольска и других городов, которые пользовались магдебургским правом.

Жизнь городских общин отразилась в этих книгах, как в зеркале. Часть книг написана на латинском языке, а часть — на армянском (каменецподольские). В последних были обнаружены в 20-х годах текущего столетия записи армянскими буквами на неизвестном языке. Когда советские ориенталисты стали изучать эти записи, то оказалось, что это язык половецкий. Таким образом, это единственный в мире половецкий текст, если не считать знаменитого половецкого словаря 1303 г., который хранился в библиотеке итальянского поэта эпохи Возрождения — Петрарки. Язык этот мёртвый: последний человек, который говорил на нём, умер в конце XVIII века в Вене. Эти драгоценные для науки тексты варварски уничтожены тупоголовыми немецкими вандалами.

Трудно в короткой заметке перечислить все замечательные памятники и исторические источники, которые хранились в архиве. Здесь были подлинные акты и грамоты королей польских, начиная с Сигизмунда-Августа, а отдельные грамоты относились и к XIV в. (были, например, грамоты Свидригайла XIV в.); была коллекция универсалов гетманов, царей русских; были грамоты самозванца и т. д. Документы этого архива сыграли и политическую роль в споре об украинских землях между поляками и украинно-русской стороной. Русское правительство первой половины XIX в. мало интересовалось национальным составом территорий, которыми оно владело. Всю Пра-

вобережную Украину, перешедшую по второму польскому разделу к России, населяли помещики-поляки или ополяченная украинская шляхта, поэтому самый край поляки считали своим.

Киевские учёные и историки, группировавшиеся в комиссии для разбора древних актов, на основании древних документов доказывали, что исконное население Правобережья — «русское», понимая под этим украинское, или, как тогда говорили, малорусское, население; что польская культура и польская народность пришли позже, что ещё в XVII в. кипела жестокая борьба между пришлым польским элементом и исконным русским (малорусским). Документы, подтверждающие аргументацию русской стороны, польская дворянская и буржуазная публицистика и наука объявили фальшивыми. Позже на основании документов киевского архива была написана вся история заселения Правобережной Украины (Архив Югозападной России. Т. I, II и III. Ч. VII), но использована была только незначительная часть документальных богатств.

Кроме актовых книг XVI—XVIII вв. в архиве хранились сотни тысяч дел киевской губернской канцелярии XVIII в., малороссийской коллегии, генеральной войсковой канцелярии и других учреждений Левобережной Украины. При образовании так называемого Киевского наместничества эти дела были переданы в конце XVIII в. в Киев. Особую ценность и интерес представляло архивное собрание монастырских документов, переданных из черниговской и киевской казённых палат, — для истории крестьян ценный и незаменимый источник. Архив был снабжён печатными и рукописными описями, каталогами, справочниками и указателями. При архиве была создана замечательная подсобная библиотека по истории Польши, Литвы, Украины и России с подбором пособий по палеографии, дипломатике, археографии и архивному делу. Среди этих книг были весьма ценные и редкие экземпляры. И все эти богатства уничтожены немецкими варварами.

В. Романовский

Сектор вспомогательных исторических дисциплин Института истории АН СССР

В составе Института истории Академии наук СССР образован новый сектор — сектор вспомогательных исторических дисциплин. Основная его задача — научно-исследовательская работа в области этих дисциплин. Вторая задача — практическая, связанная с проводимой в Институте работой по изданию исторических источников.

Круг вопросов, подлежащих научно-исследовательской разработке сектора, обусловлен давно уже назревшей необходимо-

стью предварительного критического изучения источника, до его использования в качестве материала для исторического построения. Ввиду этой необходимости также давно начал создаваться ряд особых дисциплин. Предметом одних дисциплин явилось изучение общих свойств исторического источника (источниковедение). Другие занялись изучением отдельных разновидностей исторических источников, например актов (дипломатика), печатей (сфра-

листика), монет (нумизматика), гербов (геральдика), надписей (эпиграфика). Третьи поставили своей задачей изучение отдельных сторон исторических источников (например письма—палеография) или отдельных их элементов, как например географических элементов источников (историческая география) или хронологических элементов (историческая хронология). Особую группу вспомогательных исторических дисциплин составили дисциплины, возникшие в связи с практическими потребностями работы над историческими источниками, потребностями собирания и хранения источников (прежде всего архивоведение), их приведения в известность (историческая библиография) и издания (археография).

Обычный, существующий в ходячем обиходе историков перечень вспомогательных исторических дисциплин сложился ещё в XVII—XVIII вв. на почве заимствованного главным образом историей западноевропейского средневековья (в 1583 г. вышла основополагающая работа Скалигера в области исторической хронологии, в 1681 г. — знаменитый труд Мабильона по дипломатике, в 1708 г. — создавшая научную палеографию «Греческая палеография» Монфокона и т. д.). В действительности этот традиционный перечень не покрывает вполне определившихся изучений отдельных разновидностей исторических источников даже в области самого средневековья (например анналов, житий и др.).

Ещё ошутительнее окажется необходимость расширения традиционного круга вспомогательных исторических дисциплин, когда мы примем во внимание широко начатое и ведущееся в большом масштабе в настоящее время изучение новой, новейшей и даже современной истории. Вопросы, связанные с изучением, например, источников советского периода истории СССР, совсем ещё не поставлены в нашей исторической литературе несмотря на всю настоятельность постановки этих вопросов. Несомненно, новому сектору придётся выйти за традиционные рамки, и изучение исторических источников всех видов и всех периодов истории СССР должно будет стать важнейшей задачей нового сектора.

Изучение источников истории СССР невозможно без одновременного изучения источников западноевропейской и восточной

истории. Невозможно изучать, например, русскую историческую хронологию вне связи с западноевропейской, или византийской, или восточной. Точно так же выработка приёмов изучения исторических источников требует постоянного общения работающих в различных областях их изучения. Поэтому сектор вспомогательных исторических дисциплин должен включить в круг своих работ изучение источников западной и восточной истории.

В области работы по изданию исторических источников, т. е. в области археографической работы, на секторе будут лежать важнейшие задачи. Давно уже назрела необходимость перейти от издания отдельных групп источников по тем или иным вопросам к систематическому изданию важнейших категорий исторических источников. Нужно издать русские летописи в виде действительно «Полного собрания русских летописей» на основе тех изменений во взглядах на историю русского летописания, которые связаны прежде всего с именем А. А. Шахматова. Древнерусский актовый материал в существенных частях доступен теперь исследователю в изданиях более чем столетней давности, погрешностями которых Н. П. Павлов-Сильванский объяснял ряд неверных взглядов, господствовавших в старой историографии по вопросу о феодализме. Если так обстоит дело с исключёнными в дореволюционной историографии источниками древней истории, то к источникам новой и новейшей истории старая историография обращалась весьма редко. Всё это ставит перед новым сектором задачу — выработать план издания «Памятников истории СССР». Ряд серий этих памятников должен быть посвящён основным видам и группам источников в области древней и новой истории СССР, в особенности же в области истории советского периода. Вместе с тем не должно остаться без внимания памятники истории Запада и особенно Византии, план издания которых будет выработан особо.

Перед сектором вспомогательных исторических дисциплин стоят задачи весьма сложные и весьма важные для подъёма нашей советской исторической науки.

Проф. С. Валк

Работа кафедры истории СССР в Пятигорском государственном педагогическом институте

Немецкие оккупанты разрушили в Пятигорске Педагогический институт и сожгли его довольно богатую библиотеку. После изгнания немцев институт пришлось создавать почти заново. Не было самого необходимого. С большими трудностями удалось к маю 1943 г. палатить учебный процесс и затем постепенно развёртывать работу кафедры.

Несмотря на значительные, не изжитые и по сие время нужды, кафедра истории СССР, которой ведает проф. М. Н. Куфаев, пришла ко второму семестру 1943—1944 учебного года значительно окрепшей.

Помимо общих курсов по истории СССР проведён курс историографии СССР, проводятся специальные курсы исторической географии и истории Северного Кавказа.

На практических занятиях исторического факультета изучаются: Русская Правда как памятник национальной культуры XI—XII вв.; ленинская газета «Искра» как источник для работы Ленина «Канун революции 1905 г.» и другие темы; ставится спецсеминар «Основы советской археологии в связи с археологией Северного Кавказа».

Кафедра составляет историческую библиографию Северного Кавказа, в которую войдёт текущая литература о Северном Кавказе, связанная с Отечественной войной, собирает материалы для био-библиографического словаря знаменитых деятелей Северного Кавказа (в частности Пятигорского края): Героев Советского Союза и Героев Труда, партизан, изобретателей, учёных, писателей, революционных и общественных деятелей и пр.; подготавливается большая работа проф. М. Н. Куфаева «Историко-географическая библиография Северного Кавказа»; составлена доцентом П. Г. Акритасом и отредактирована программа курса «История Северного Кавказа с древних времён до настоящего времени».

Члены кафедры принимают непосредственное участие в организации и деятельности возникшего недавно при институте «Научного общества по изучению Северного Кавказа», где они выступают со свои-

ми докладами. Подготовлен к печати сборник трудов Общества. В первый выпуск войдут статьи: «Германо-фашистская политика экономического и духовного порабощения на Северном Кавказе» (директор пединститута Р. Г. Саренц), «Восстановление хозяйства, разрушенного немецкими оккупантами в Пятигорске» (секретарь горкома ВКП(б) тов. И. П. Храмков), «Современные научные проблемы истории Северного Кавказа» (проф. М. Н. Куфаев), «Древнейшие пути сообщения на Северном Кавказе» (по археологическим раскопкам) (Н. М. Егоров) и др.

Кафедра проводит научно-популярную работу как в институте (лекции в лектории института), так и вне его — в частях Красной Армии, госпиталях и санаториях (темы — «Отечественная война с фашистами» и «Героическое прошлое нашей родины»), в вечернем университете марксизма-ленинизма, а также в местной печати и радиопередачах.

В работу кафедры включились и аспиранты: они активно помогают в оборудовании исторического кабинета и комплектовании библиотеки, а также принимают участие в деятельности «Научного общества по изучению Северного Кавказа».

П. Акритас

Два года работы исторического факультета Объединённого украинского университета в условиях эвакуации

Объединённый украинский государственный университет организован в Кызыл-Орде, Казахской ССР, в результате слияния Киевского и Харьковского университетов. Несмотря на отсутствие своих книжных фондов и трудные условия работы в эвакуации, исторический факультет наладил нормальный учебный процесс и развернул большую научную работу.

Занятия велись на украинском и русском языках по программам ВКВШ на всех курсах. Два выпуска студентов успешно выдержали государственные экзамены в 1942 и 1943 годах.

Работникам исторических кафедр пришлось преодолеть большие трудности, чтобы наладить научную работу в условиях эвакуации.

На научной сессии Объединённого украинского университета профессор А. А. Введенский прочитал доклад «Исследования по топонимике Урала XIV—XIX веков». Он же сдал для опубликования в «Учёных записках» работу «Спорные вопросы по истории завоевания Сибири строгановским полководцем Ермаком».

Кандидат исторических наук доцент А. И. Бортников сдал для напечатания в «Учёных записках» часть своей большой работы «Кирилло-Мефодиевское общество», а также на-

писал статью «Шевченко в Кирилло-Мефодиевском обществе».

Кандидат исторических наук доцент А. К. Кошик написал работу «Геронические традиции украинского народа в борьбе с врагами».

Заведующий кафедрой всеобщей истории кандидат исторических наук профессор С. А. Семёнов-Зусер написал монографию «История Казахстана с древнейших времён до арабского завоевания». На научной сессии профессор Семёнов-Зусер прочитал доклад «Князь Святослав».

Кандидат исторических наук доцент Г. С. Левин написал исследование «Легенда о Фридрихе II» на основании изучения опубликованных документов (сборники Русского исторического общества. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами, Oeuvres de Frédéric le Grand, донесений Марденфельда и др.).

Заведующий кафедрой истории Украины кандидат исторических наук доцент И. Д. Бойко написал ряд статей и брошюр: «Октябрьская революция на Украине», «Максим Железняк» и др. На научных сессиях доцент Бойко прочитал доклады «Предпосылки Октябрьской революции на Украине», «Фальсификация фашизмом истории славян-

ских народов», «Переяславская рада 8 января 1654 г. и её историческое значение».

Кафедра истории Украины закончила подготовку сборника материалов и документов «Украинский народ в Отечественной войне против фашистской Германии».

На заседаниях Учёного совета Объединённого украинского университета прошла защита кандидатских диссертаций. Старший преподаватель Кзылординского педагогического института защищал диссертацию «Социально-политические и исторические взгляды В. Г. Белинского». Старший преподаватель Острянин защитил диссертацию «Философские и политические взгляды Мечникова». Старший преподаватель Молдавского педагогического института Я. С. Гросул защитил диссертацию «Крестьянская реформа в Молдавии в 1868 году». Всем трём диссертантам Учёным советом присуждены степени кандидата исторических наук.

Особо следует отметить следующий, совершенно исключительный факт. Старший преподаватель Чкаловского педагогического института Л. С. Бреговский, назвавшись доцентом Ленинградского университета по кафедре истории средних веков, представил

для защиты на учёную степень кандидата «свою» диссертацию «Феодальные отношения в Каталонии в эпоху Реконквисты». Рецензенты — доцент Левин, профессор Семёнов-Зусер и профессор Введенский — быстро разоблачили «учёного мужа». «Диссертация» Бреговского оказалась списанной целиком, слово в слово, со всеми ссылками, со статей проф. А. Кудрявцева, доц. Арского, Смирнова, Кржевского и из сборника «Культура Испании» (изд. АН СССР. 1940). Особенно широко использовал Бреговский работы профессора Кудрявцева и доцента Арского. Установлено, что из 225 страниц текста «диссертации» 166 дословно списаны из сборника «Культура Испании». Бреговский должен быть заклеимён в советской печати, дабы другим nepовадно было заниматься литературными кражами.

Исторические кафедры Объединённого украинского университета провели большую общественно-политическую работу. Члены кафедр прочитали много лекций на исторические темы в военных госпиталях в рабочих и студенческих аудиториях Кзыл-Орды.

Проф. А. Введенский

CONTENTS:

Order No. 70 of the Supreme Commander-in Chief of the Armed Forces of the U. S. S. R., May 1, 1944, Moscow. On certain errors and inexactnesses in current interpretations of the history of German philosophy at the end of the 18th and beginning of the 19th centuries. ARTICLES: Maurice Thorez — France after the capitulation in the forest of Compiègne. R. Mordvinov — The Volga Flotilla in the defence of Stalingrad. Prof. S. Borovoi — Odessa (On the 150th anniversary of the foundation of the city). IN MEMORIAM EMELIAN YAROSLAVSKY: I. Kudryavtsev — Emelian Yaroslavsky — editor of the "Istoriik-Marxist" (Marxist Historian) and the Istorichesky Zhurnal (Journal of History). ANNOUNCEMENTS AND PUBLICATIONS: Prof. B. Volin — From the history of the publication of Lenin's works. "What the „Friends of the People“ are, and how they fight the Social-Democrats". N. Lebedev, Academician—V. G. Vassilyevsky and his work on the history of Byzantium. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES AND REVIEWS. CURRENT EVENTS.

SOMMAIRE:

Ordre du jour du commandant en chef, n°. 70, Moscou, 1er mai 1944. Les lacunes et les fautes dans l'analyse de l'histoire de la philosophie allemande de la fin du XVIIIe et du début du XIXe siècles. ARTICLES: Maurice Thorez — La France après la capitulation de Reims. Mordvinov R. — La flotille militaire de la Volga et la défense de Stalingrad contre les troupes fascistes allemandes. Borovoi S., prof. — La ville d'Odessa (à l'occasion du 150e anniversaire de sa fondation). A LA MÉMOIRE DE Em. JAROSLAVSKI: Kudryavtsev I. — Em. Jaroslavski, rédacteur en chef de „l'Historien-marxiste“ et de la „Revue historique“. COMMUNICATIONS ET PUBLICATIONS: Voline B., prof. — L'histoire de l'apparition de l'oeuvre de Lénine. Que sont les „amis du peuple“ et comment ils luttent contre les social-démocrates? Lebedev N. — L'académicien V. Vassilievski et son ouvrage sur l'histoire de la Byzance. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE: ARTICLES ET REVUES, CRITIQUES. CHRONIQUE.

INHALT:

Befehl des Obersten Befehlshabers der Streitkräfte der Sowjetunion, Nr 70, Moskau, den 1. Mai 1944 Ueber die Mängel und Fehler bei der Darlegung der Geschichte der deutschen Philosophie Ende des XVIII. und Anfang des XIX Jahrhunderts. ARTIKEL: Thorez Maurice — Frankreich nach der Kapitulation im Walde von Compiègne. Mordwinow R. — Die Kriegsflotille auf der Wolga bei der Verteidigung Stalingrads gegen die faschistischen deutschen Truppen. Borowoi S., Prof. — Odessa (zum 150. Jahrestag seit Gründung der Stadt. ZUM ANDENKEN E. JAROSLAWSKIS: Kudrjawzew I. — E. Jaroslawski — Redakteur der Zeitschriften «Historiker Marxist» und «Die Geschichtliche Zeitschrift». NACHRICHTEN UND BEKANNTMACHUNGEN: Wolin B., Prof. — Ueber das Erscheinen der Leninschen Schrift „Was sind die „Volksfreunde“ und wie kämpfen sie gegen die Sozialdemokraten?“ Lebedew N. — Akademiker W. G. Wasiljewski und sein Werk zur Geschichte Byzanz'. KRITIK UND BIBLIOGRAPHIE. KRITISCHE ARTIKEL UND UEBERSICHTEN. CHRONIK.
